

«РЭДВОЛЛ»

Для аббатства Рэдволл вновь настал час испытаний. Морские пираты и армия бурых крыс окружили стены аббатства, и все, кто может держать в лапах оружие, встали на защиту мирных жителей. Но бывает и так, что один воин может сражаться как целый отряд. Редкое сочетание красоты, ума, отваги и отменного аппетита стало главным оружием зайчихи Мод, одного из лучших воинов Дозорного Отряда. На поле битвы ей не было равных, враги называли ее Бешеной Мод, но в героических летописях Рэдволла она навсегда останется под именем Непобедимая.

НАСТОЯЩИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ!

ISBN 978-5-91181-852-4

9 785911 818524

РЭДВОЛЛ

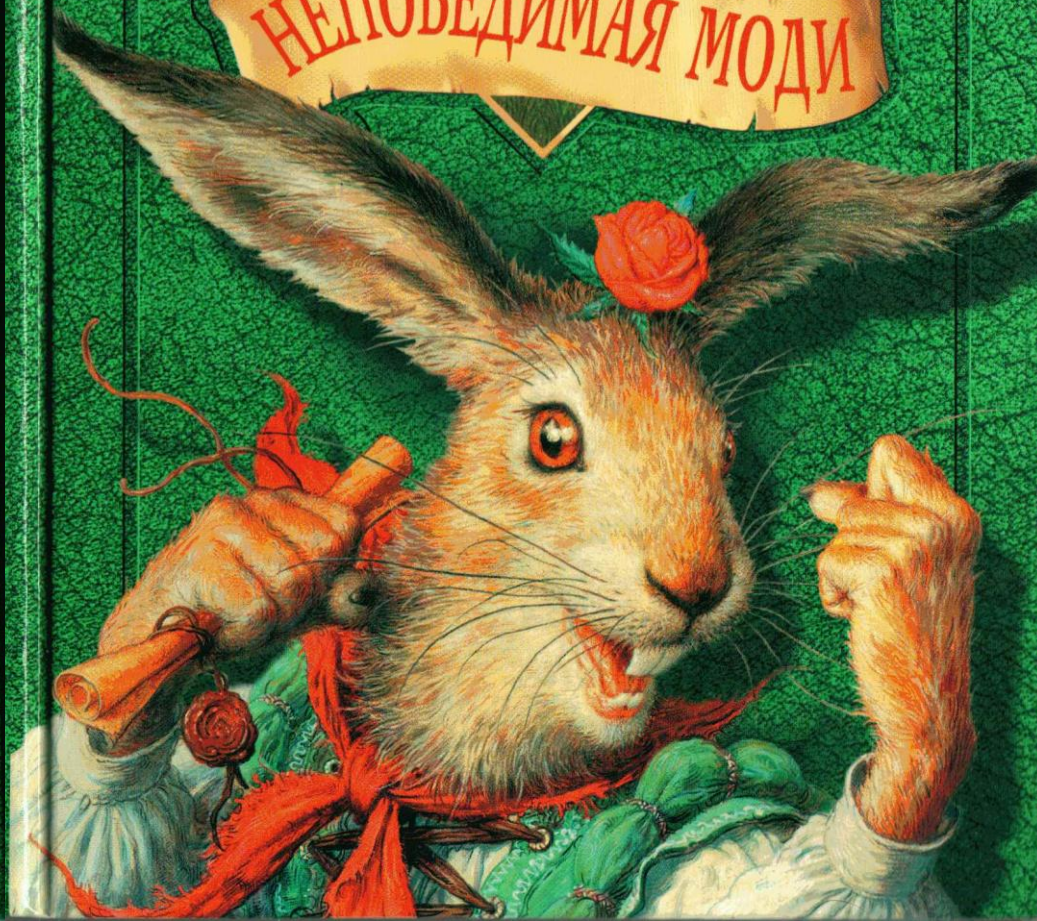
БРАЙАН
ДЖЕЙКС
НЕПОБЕДИМАЯ
МОДИ

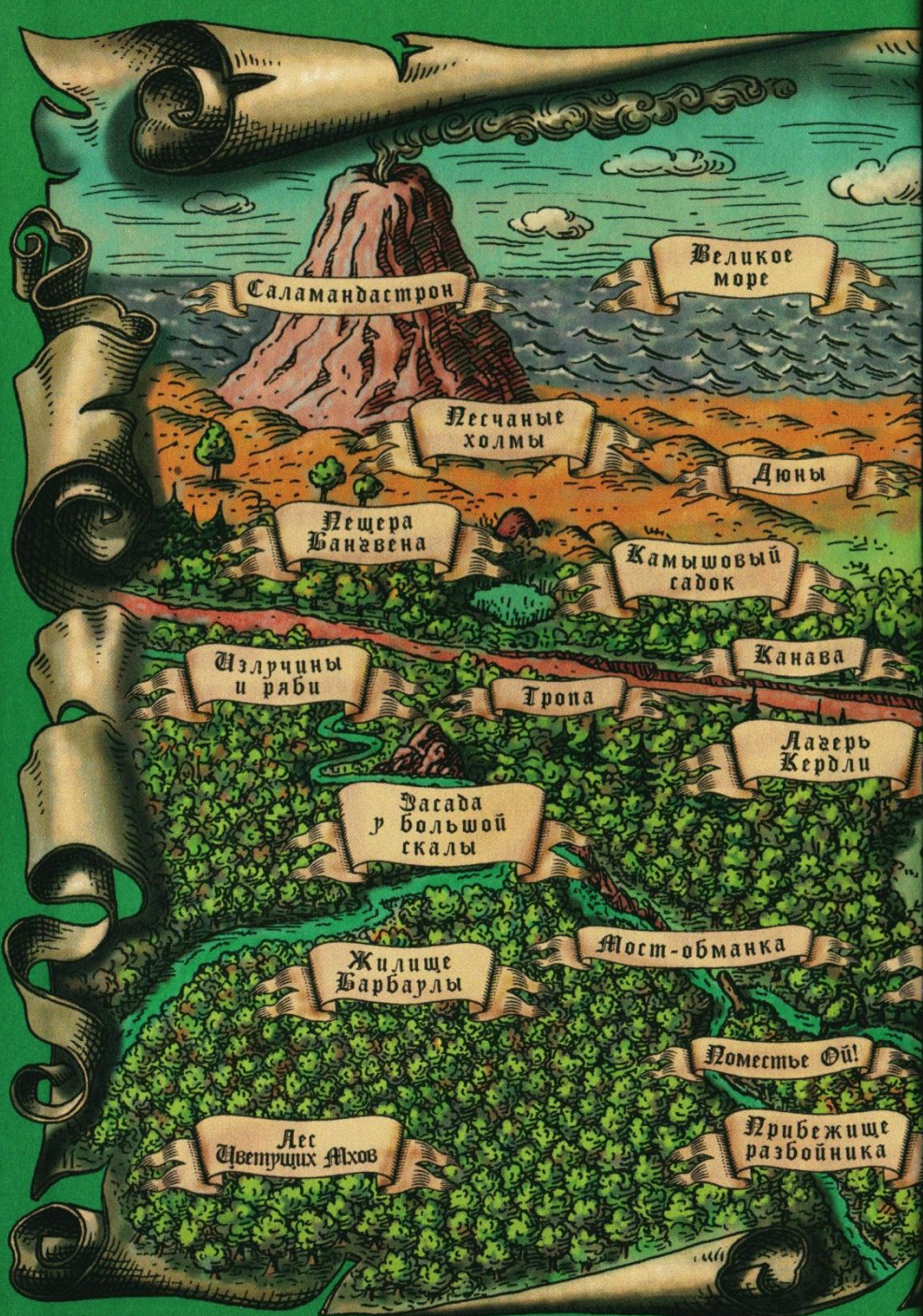
ИЗДАТЕЛЬСТВО
АЗБУКА

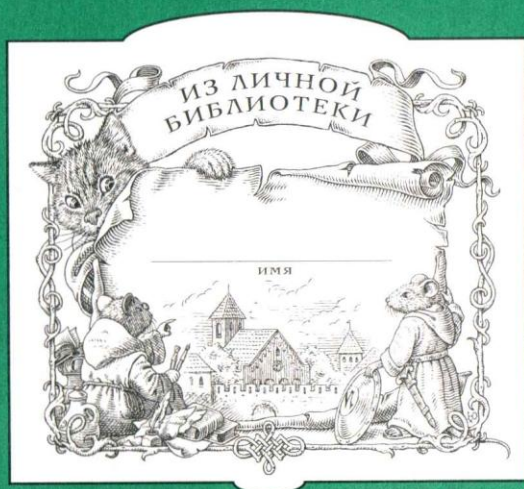
БРАЙАН

ДЖЕЙКС

НЕПОБЕДИМАЯ МОДИ

СЕРИАЛ «РЭДВОЛЛ»

ВОИН РЭДВОЛЛА
ВОЙНА С КОТИРОМ
ПОХОД МАТИАСА
МЭРИЕЛ ИЗ РЭДВОЛЛА
САЛАМАНДАСТРОН
МАРТИН ВОИТЕЛЬ
КОЛОКОЛ ДЖОЗЕФА
ИЗГНАННИК
ЖЕМЧУГ ЛУТРЫ
ДОЗОРНЫЙ ОТРЯД
БЕЛЫЕ ЛИСЫ
ЛЕГЕНДА О ЛЬЮКЕ
ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА
ТРИСС ВОИТЕЛЬНИЦА
ТАЛИСМАН ИЗ РЭДВОЛЛА
МЕЧ МАРТИНА
КЛЯТВА ВОИНА
ОСТРОВ КОРОЛЕВЫ
НЕПОБЕДИМАЯ МОДИ

Брайан Джейкс

НЕПОБЕДИМАЯ МОДИ

Санкт-Петербург
Издательский Дом «Азбука-классика»
2008

УДК82-93
ББК 84.4 Вл
Д40

Brian Jacques
EULALIA!
Copyright © 2007 by The Redwall La Dita Company, Ltd

First published in the United States.
Published by arrangement with **Philomel Books**,
a division of Penguin Young Readers group,
a member of Penguin Group (USA) Inc.
All rights reserved

Перевод с английского Юрия Балаяна
Перевод стихов Сергея Степанова
Дизайн переплета Вадима Пожидаева
Иллюстрация па обложке Антона Ломаева
Иллюстрация на форзаце
Светланы Макаровой, Валерия Макарова
Художник Валерий Макаров

Джейкс Б.

Д40 Непобедимая Моды / Пер. с англ. Ю. Балаяна. —
СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. —
416 с.: ил. (Рэдволл).

ISBN 978-5-91181-852-4

Новые страницы славной истории аббатства Рэдволл!

Для аббатства Рэдволл вновь настал час испытаний. Морские пираты и армия бурых крыс окружили степы аббатства, и все, кто может держать в лапах оружие, встали на защиту мирных жителей. Но бывает и так, что один воин может сражаться как целый отряд. Редкое сочетание красоты, ума, отваги и отменного аппетита стало главным оружием зайчихи Моды, одного из лучших воинов Дозорного Отряда. На поле битвы ей не было равных, враги называли ее Бешеной Моды, но в героических летописях Рэдволла она навсегда останется под именем Непобедимая.

ISBN 978-5-91181-852-4

© Ю. Балаян, перевод, 2008
© С. Степанов, перевод стихов, 2008
© Издательский Дом «Азбука-классика», 2008

*В честь Питера МакГаверна,
верного друга и прекрасного человека*

ПРОЛОГ

Зак за себя не порадоваться! Сижу я в кузнице Саламандастрона, весело потрескивает огонь, даря тепло и радость, а я люблюсь западным побережьем. Величественный вид: необъятный морской простор, прекрасная лунная ночь, редкая в зимний сезон. Вздываются высокие волны, накатываются на пляж, омывают берег.

Грохочут волны, шипит пена, шуршит галька, внемлет песок неведомым тайнам, и откатывается вода обратно. Прекрасна и могуча природа, друг мой, притягивает она к себе живые души, питает их, дарит им новую силу. Сидишь спокойно у окна, а мысли твои летают, не зная преград. Но пора мне вернуться к моим хроникам.

Изложу я историю разных судеб, каждую со своим предназначением. Прибыв в Саламандастрон, я возложила на себя обязанность запечатлеть на пергаменте собственные воспоминания, что и исполняю, добавив также услышанное от старых и новых, пожилых и юных друзей. Скрипи, мое перо, скрипи... И однажды дочурка моя насладится чтением этих строк. Надеюсь, и тебя они заинтересуют, друг мой.

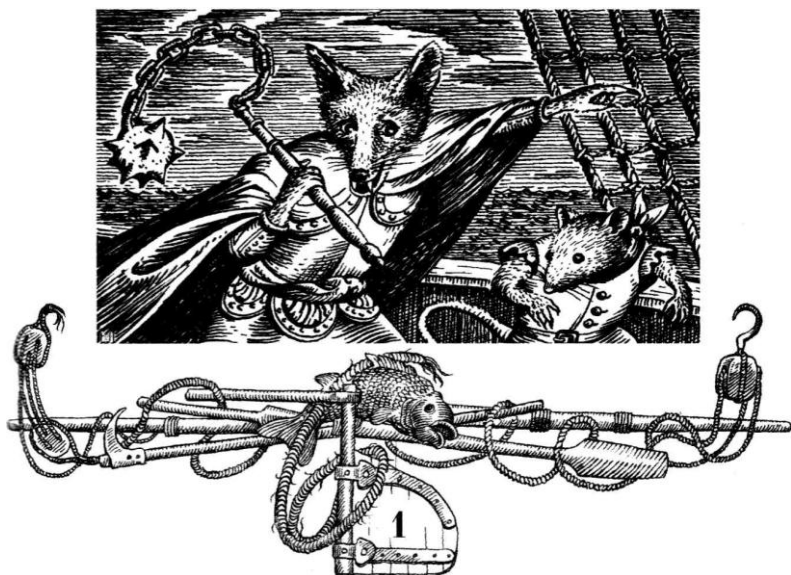
Итак, с чего же все началось?..

ПЛЕННИК
ДЛИННОЗУБА

КНИГА
ПЕРВАЯ

Неплохая ночь выдалась для разбойного промысла. Темная. Небо безлунное, волны плавно накатывают на берега Северных островов. Наполненной добрым ветром большой прямой парус резво тянет судно вперед, к берегу. Омывают волны морские красиво выведенное на борту большими белыми буквами название: «КРАВЯВАЯ КЕШКА». Кажется, что сильный морской зверь высматривает добычу на мелководье. Вверху, стоя на рее, вцепился в мачту впередсмотрящий, щуплая крыса по имени Ферти. Ферти, как и положено впередсмотрящему, первым высмотрел на горизонте какое-то слабое свечение. Заметив направление, матрос ловко соскользнул на мерно вздымающуюся палубу.

Подбежав к капитанской рубке, Ферти заколотил в дверь. На палубу вышел высокий лис с золотистым

мехом. Матрос вздернул лапу к уху, приветствуя капитана:

— Кэп, прямо по курсу свет на берегу. Там, может, жильё какое-никакое будет.

Капитан Виска Длиннозуб запахнул тяжелый плащ и ухмыльнулся, обнажив два внушительных размеров клыка. Ферти невольно сглотнул. Как и любой другой разбойник на борту «Кравявой кешки», он знал цену усмешкам да ухмылкам капитана.

— Строение, говоришь, построено? Что ж, хоть что-нибудь нашарим на этом забытом солнцем берегу, а?

Ферти усердно кивал, не сводя глаз с капитанских зубов, пока Виска не вытащил из-за спины кистень. Тут крысий взгляд переметнулся к шару, болтающемуся па цепи, усаженному ржавыми железными зубами, не менее страшными, чем желтые зубы в пасти лиса. Ферти отодвинулся подальше от капитана, который принялся поигрывать кистенем, то и дело царапая его зубцами дверь рубки. Ферти внимательно следил за опасной игрой. Кто знает, что взбредет в капризную лисью голову?

— Чего прикажешь, кэп?

Лис задержал движение лапы. Шар кистеня повис на цепи, слегка покачиваясь и покручиваясь.

— В гости пожалуем. Ради нас стараются, огонь развели, ждут нас, волнуются, беспокоятся. Невежливо пренебрегать таким радушием. А ну живо дуй к Коджу, пусть команду поднимает.

Скоро киль «Кравявой кешки» заскреб по донному носку. Вооруженная до зубов нечисть посыпалась на берег, в ожидании скорой поживы. Разбойники устремились к золотому светлячку, мерцавшему

под огромным ночным небом, за чужим добром и чужой кровью.

Добрая ночка для разбойного промысла!

Крепко спал утомленный дневными трудами Горас. Как стемнело, свалился он перед маленьким очагом, в котором теперь догорали торф и деревянные головешки. Один из когтей на передней лапе молодого барсука был сломан, лапы покрыты шрамами и мозолями. Нелегко справляться с вмерзшими в почву валунами и пнями. Много ли сделаешь один, даже если ты молод и силен. А Горас молод и силен. Но работать ему приходится и одиночку, потому что дед его стар и дряхл, слаба от старости и бабушка. Нелегко выжить на Северных островах, здесь сурова природа, скудна земля. Хорошо еще, что Горас не только молод и силен, но упорен и настойчив. Можно даже сказать, что упрям, как и большинство барсуков.

Все, что Горасу известно о детстве, узнал он от дедушки с бабушкой. Они пришли сюда из дальних южных краев. Отец и мать его — храбрые воины, павшие на полях сражения во время Великих войн с нечистью. Уцелевшие члены семьи добрались сюда, изгнанные с юга. Старые барсуки посадили маленького Гораса в лодку и пустились на поиски прибежища. Они слышали о таких легендарных местах, как гора Саламандастрон и аббатство Рэдволл.

Но судьба от них отвернулась. Старые барсуки, животные сухопутные, оказались неумелыми мореходами, погода капризничала, штиль сменялся штормом, лодку их отнесло далеко от курса и разбило в щепки о береговые утесы Северных островов. Хорошо хоть, сами-то они уцелели. Выбравшись на бе-

рег, они начали новую жизнь. Дед выстроил дом из камней, земли, мха и выброшенных на берег остатков их лодки. Горас с бабушкой собирали съестное в лесу и в болотах. Расчистили участок земли, научились его обрабатывать и вскоре сняли первый урожай. Так они стали фермерами.

Горас вырос примерным и трудолюбивым внуком. Он рос, крепчал, но жизнь его не становилась легче. Приходилось не только управляться в поле и по хозяйству, но и ухаживать за престарелыми барсуками, которые совсем ослабли, одряхлели; их все чаще донимали старческие хвори. Тяжело приходилось молодому барсуку, но он не жаловался, убирал урожай, выросший на скудной северной почве, огораживал участок, заготавливал топливо, а иногда, вечерами, сидел у очага и слушал рассказы деда о Саламандастроне, об аббатстве Рэдволл. Что было правдой в этих рассказах, никто из них не знал, ибо и дед за всю свою жизнь не бывал в этих чудесных местах ни разу.

Но Горас с жадностью вслушивался в каждое слово, желал больше услышать, больше узнать о крепости на берегу моря, управляемой лордом барсуком, не знающим страха. Дед научил его песне о Саламандастроне. Горас привык к тому, что он мирный крестьянин, но песня эта будила в нем что-то воинственное, героическое, и он с удовольствием распевал ее, работая в поле, воюя с валунами.

Бабушка чаще рассказывала об аббатстве Рэдволл. Горас вглядывался в языки пламени, вырывавшиеся из очага, представлял себе этот большой счастливый дом, где живут мирно самые разные животные, трудятся, пируют, наслаждаются общением.

И мирные будни обитателей аббатства казались Горасу столь же привлекательными, сколь и боевая жизнь барсучьей крепости на берегу моря. Мысли эти, однако, оканчивались вздохом. Ведь штормовое море отрезало их от земли, сны никогда не станут явью.

В последнее время старики все реже и реже говорили, и Горас теперь засыпал пораньше.

Погода не радовала, после жестокой зимы наступила весна, оказавшаяся ложной: снова навалился мороз, подул свирепый ветер, все проросшее и расцветшее вновь замерзло и погибло.

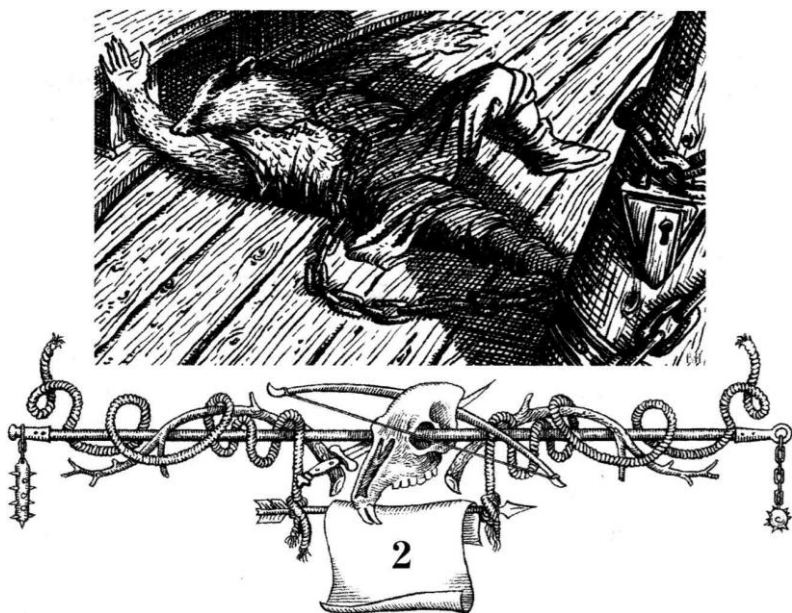
Засыпая, он расслышал бормотание бабушки:

— Мало чем мы здесь богаты, на севере, но хоть живем мирно, и то славно...

И то славно... Горас уснул спокойным сном.

А в это время пираты Виски Длиннозуба заметили слабый свет их мирного очага.

Ворящие угли посыпались на Гораса и вырвали его из сна. Грохот потряс их маленький домик, сзади раздались дикие вопли. Горас инстинктивно схватил двузубые деревянные вилы по имени Тунг. Но не успел он поднять вилы, ставшие в его лапе грозным оружием, как в голове что-то вспыхнуло. Полуоглушенный, он обернулся.

Над ним возвышался лис, сверкая золотистой шерстью и замахиваясь для второго удара кистенем. Длинные зубы его торчали из пасти в зловещей усмешке.

— Башка что булыжник у этого полосатого, — успел услышать Горас, и на голову его обрушился Второй удар.

В глазах барсука вспыхнули разноцветные искры, он упал, погрузился во тьму.

Горас не знал, сколько лежал без сознания. Но привиделась ему гора на залитом солнечным светом берегу великого моря. Он приближался к горе, шлепая по воде. Перед ним на берегу неподвижно стояли барсуки, молча глядели на него. Все вооружены мечами, топорами, копьями, боевыми дубинами, сделанными на совесть.

Что-то подсказало Горасу, что звери эти не пребывают среди живущих, что это тени великих воинов, зачем-то решившие навестить его.

Один из них, весь седой, самый старый, ступил в воду, направился навстречу Горасу. Он уперся лапой и грудь молодому барсуку и спросил гулким низким голосом:

— Зачем явился ты в Саламандастрон?

Горас, недовольный тем, что его отталкивают, отгрызнулся:

— Убери лапу, старый!

Но ветеран не пускал его к берегу. Стоя перед Горасом, он гаркнул:

— Ступай в Рэдволл!

Старый барсук поднял и вторую лапу и грубо отпихнул Гораса. Тот плюхнулся в холодную соленую воду.

— Глянь, кэп, не подох пес полосатый!

Горас чуть не захлебнулся. Какой-то горностаи окатил его из ведра забортной водой. Очнувшись, Горас увидел, что находится на большом судне, валяется на палубе, окруженный злобно ухмыляющейся нечистью. Его обступили хорьки, ласки, горностаи, крысы, одетые в лохмотья, но весьма неплохо вооруженные. На поясе Горас нащупал толстую цепь, примотанную к мачте и запертую на замок. Горностаи

забросил привязанное к веревке ведро за борт, зачерпнул воды, поднял наполненное ведро на палубу и обратился к капитану:

— Кэп, освежить его еще разок?

Высокий лис с золотистой шерстью оскалился в ухмылке:

— Что, полосатая собака, еще водички желаешь?

Запекшаяся на голове Гораса кровь закрыла один глаз толстой коркой. Вторым глазом Горас попытался подробнее разглядеть обстановку. Жутко болит голова, к горлу подкатывает тошнота.

Лис пнул его, пригнулся.

— Ты глухой или дурной, пес полосатый? Еще водички хочешь?

Горас оперся о мачту, зло уставился на обидчика единственным открытым глазом.

— Я не пес, и звать меня Горас.

Лис повернулся к горностаю:

— Освежи его, освежи, Балид.

Тот мгновенно выплеснул содержимое ведра в физиономию Гораса. Барсук принялся отфыркиваться, а лис степенно проговорил, помахивая кистенем:

— Запомни, что ты здесь у меня в гостях и звать тебя никак, если я тебя никак не назову. А я тебя, пожалуй, назову Каменной Башкой, потому что лоб у тебя — ой какой крепкий... Нравится имечко?

Команда подобострастно заржала, а Балид взмахнул пустым ведром и проверещал:

Каменная, каменная, кэп, точно, скала и есть, не то ты б его сразу порешил. А тут два раза грохнул, а он все живой.

По взгляду капитана и по нависшей над палубой тишине Балид понял, что ляпнул что-то невпопад.

— Чё, чё? — непонимающе забормотал он.

— Ничё! — гаркнул капитан, резко повернувшись к горностаю. — Я, Виска Длиннозуб, капитан «Кравявой кешки», не прибил этого пса, потому что мне пес живой нужен, а недохлый. Ты дурной, Балид, не допер сам? Ты-то кого порешил?

— Ни... никого, кэп, прости, никого. Я при Кодже был. Мы никого не убивали. Мы токо дом спалили да поперву там, внутри, двух дряхлых псов полосатых заперли, чтоб не сбежали... чтоб погрелися, значится.

Второй раз Балид, сам того не подозревая, совершил ошибку. Последнюю в жизни. Горас рванулся к горностаю. Цепь не пустила его далеко, но мощная лапа барсука достала до шеи Балида. Шея жутко хрустнула, мертвый Балид, сбитый ударом, покатился по палубе.

— Все вон! — завопил, отпрыгнув подальше, Виска Длиннозуб. Мог бы и не кричать.

Мгновенно палуба вокруг барсука опустела. Нечисть, сбивая друг друга, отскакивала, неслась подальше, пряталась за надстройки.

Лис Кодж, младший брат Виски и его помощник, свирепо зарычал, подхватил двузубые вилы Гораса и рванулся к барсуку.

Убил моего помощника, гад! Вот я тебя!

Виска задержал брата:

Стой! Он мне живым нужен.

Кодж оперся на вилы и почесал обрубок хвоста. Живым? На кой?

Длиннозуб хмыкнул, покачал головой:

Ты, Кодж, не только хвоста лишился, а и умишка тоже, как я погляжу. Ты глянь на этого пса, глянь глазами-то. Глаза разуй. Видишь?

Кодж уставился на Гораса. Глядел на него и Виска, и глядел так, как будто барсук ему понравился. А Горас тем временем рвался на цепи, пытаясь достать кого-нибудь из удравшей нечисти, рвал когтями палубу, отдирая от дерева длинные щепки-стружки. На обнаженных зубах его выступила пена, из глотки вырывался оглушительный рев, грудная клетка вздымалась и опускалась. Но наибольший страх внушали его глаза, налитые кровью. Казалось, такие глаза не могли принадлежать ни одному из земных зверей. Как будто демон вырвался из Темных Лесов и бушевал на палубе пиратского парусника.

Виска отобрал у брата вилы и пробормотал:

— Да, братец Огузок, он бы к твоему обрубку хвоста и обрубок головы добавил, коли бы ты к нему поближе придвинулся.

Кодж недовольно покосился на брата. Он не любил, когда его называли Огузком. Противное прозвище приклеилось к нему еще в детстве, когда в драке ему отшибли хвост. Кодж плюнул в сторону Гораса и буркнул:

— Этот пес совсем рехнулся, умом подвинулся, видишь? Говорю тебе, надо его порешить, хочешь, сам пришей, а не то я, давай...

Не отвечая, Виска крикнул в сторону команды:

— К псу не подходить, жрать-пить ему не давать, курс на юг держать. Я с Коджем в каюте.

Обойдя Гораса, Виска увлек брата и свою каюту.

Наполнив две кружки водорослевым грогом, Виска сунул одну в лапы Коджу и принялся втолковывать непонятливому братцу свой хитроумный план:

Ты меня слушай, я о таких полосатых собаках слышал, не видал только. Это у них называется берсерк, а еще жажда крови, не то бешенство крови тоже называется. Мне Дикий Вихрь сказывал.

— Сам Диковихрь... — почтительно повторил Кодж кличку великого разбойника.

— Да, он, — закивал Длиннозуб. — Его ведь и самого ухлопал такой полосатый берсер... беркер... ну, в общем, жаждокровный такой. Такая горка со смешным именем... Самаркандослон, что ли... Крепость в горе. На южных берегах. Тот полосатый жаждокровный... вроде Пеплоглаз по имени. Его ничем не взять, топоры отскакивают, стрелы ломаются...

Кодж хлюпнул, отхлебнув вонючего грога, утер пасть рукавом.

— Да-а, Диковихря-то одолеть... не шутка... Свиный воин, должно быть, этот Пепел бешеный... Слушай, на кой тебе этот полосатый, если он бешеный? Лучшее лекарство от любого бешенства — это порешить его, да поскорее.

Виска хитро подмигнул брату:

— Не-е, такой ценный зверь... и рыбам скормить? От него толк будет великий. У меня мудрый план.

— Да ну?

— Да, план... Мудрый, — повторил Виска, тоже отхлебнув грога. — Если его приручить, эту полосатую башку, то у нас целая армия появится. Он один целой армии стоит!

Коджа этот довод не убедил.

— Ты, часом, не заметил, как он Балида... того... приручил? Махнул лапой — и остался я без помощника. Ха! Как ты его приручишь, если к нему не подойти?

Виска изящно склонил набок красивую голову и мило улыбнулся.

— Добрый у меня братец, мозгов бы ему только... Да ничего, у меня мозгов на двоих хватит. Ты не слышал, что голод и жажда — лучшие укротители да дрессировщики? Посидит Каменная Башка у мачты на цепи, попостится, а потом будет моим лучшим другом. Мышкой комнатной станет.

Кодж уважительно глянул па брата:

— Да, умный ты у нас, не зря же капитан! А вот скажи, брат, зачем мы к югу идем?

Кодж потянулся было за фляжкой с грогом, но Виска схватил ее раньше.

— На юг идем, потому что я так приказал. И не надо нам на всякие горки страшные, вроде как этот Самаркандаслон. Я не такой дурень, как Дикий Вихрь, чтобы подставлять глотку бешеным барсукам. Там, на юге, куча мест, где есть что пограбить, поселиться. Там найдем что получше, чем эти дохлые островки. И драться сами не будем. Это дело нам добудут другие.

— Кто? — Кодж вылупил глаза на брата.

— Каменная Башка, когда я его натаскаю, нам дорогу расчистит. Всех поубивает, а мы за ним прогуляемся...

Кодж совсем не возражал против веселой прогулки и легкой добычи, но он все же задал еще один вопрос:

— Дак, братец, а ежели мы не на горку эту Семилама... склон... то куда еще? У тебя ведь план... мудрый...

Виска долил ему в кружку грогу.

Ты, братец, голову не ломай. Не утруждай себя попусту. Предоставь это мне. Уж я вас приведу, не беспокойся.

Но братец Огузок все не унимался:

А... на что это место похоже, куда ты нас приведишь?

Виска сморщил нос:

Ну... Место, где я править буду... Король королем.

Кодж не отставал:

— А я?

— А ты... — Виска похлопал брата по спине. — Ты станешь капитаном нашего корабля. Во как!

— У-у-у-у! — обрадовался младший брат. — Здорово! Я капитан! Кровь и кишки! Еще какой капитан!

У-у-у-у-у!

Виска проводил его до двери.

— Да, да, ты — капитан! А сейчас проследи, чтобы курс держали точно на юг. И не напрягай мозги. Да напomini этим олухам, чтобы держались подальше от полосатой собаки и не давали ему ни крошки жратвы и ни капли воды.

Кодж ухмыльнулся хмельной улыбкой и поднял руку в салюте:

— Есть, кэп, понял, кэп!

Он стоял, ухмылялся и держал руку поднятой в приветствии, пока Виска не спросил нетерпеливо:

— Ну, чего застыл?

— А ты что, не скажешь мне «Есть, кэп, понял, кэп!»?

Виска устало вздохнул:

— Ишь чего вздумал... На судне один капитан, понял? Иди выполняй.

И он захлопнул дверь перед носом глуповатого братца.

Кодж похлопал веками, соображая, потом вздохнул и пошлепался от капитанской рубки, примеряясь к роли капитана. Наткнувшись на мелкую судовую крысу, он ткнул ее в бок и рявкнул:

Эй, ты! Сбегай к рулевому да скажи, чтоб не спал да на юг держал. Ик! И принеси мне что-нибудь пожрать с камбуза. Да поживей! Ик!

Подивившись, с какой быстротой выполняются его распоряжения, Кодж уселся на палубе подальше от пленника. Он принялся с аппетитом уписывать миску принесенного крысой супа, чавкая, чмокая да похваливая.

— Га-га-га, Каменная Башка, хошь жрать-то? — покрикивал он время от времени.

Молодой барсук сидел, привалившись к мачте. Разбитая голова покрылась жесткой коркой крови. Убитый им Балид, сам того не желая, ненароком сделал доброе дело, промыв его рану соленой морской водой. На Коджа барсук глядел недобрый взглядом, однако не шевелился и на шуточки бесхвостого лиса не реагировал.

— М-м-м-м, вкусный супчик! — продолжал свои старания Кодж. — Из твоих овощей, спасибо. И пиво доброе вы сварили, только пить его мне, а не тебе, полосатый.

Горас вдруг взревел и рванулся к шутнику. Кодж с перепугу дернулся, вскочил, облившись супом и пивом. Он выругался, но тут же ухмыльнулся:

— Что, не достать? Лапы короткие? Еще освежить?

Кодж взял ведро, зачерпнул воды из-за борта и окатил ею барсука. Тот стоял неподвижно, как будто

не заметив, как по нему струями стекает вода. Находившиеся неподалеку матросы засмеялись, кто над барсуком, кто над Коджем. Кодж расвирипел еще больше, заорал:

— Еще хочешь? Еще, Каменная Башка? Оглох, что ли? Говорить разучился?

Горас помолчал, потом неторопливо пророкотал:

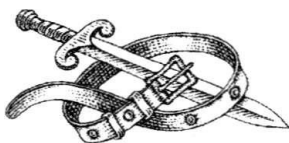
— Говорить не разучился, да что толку говорить с покойником.

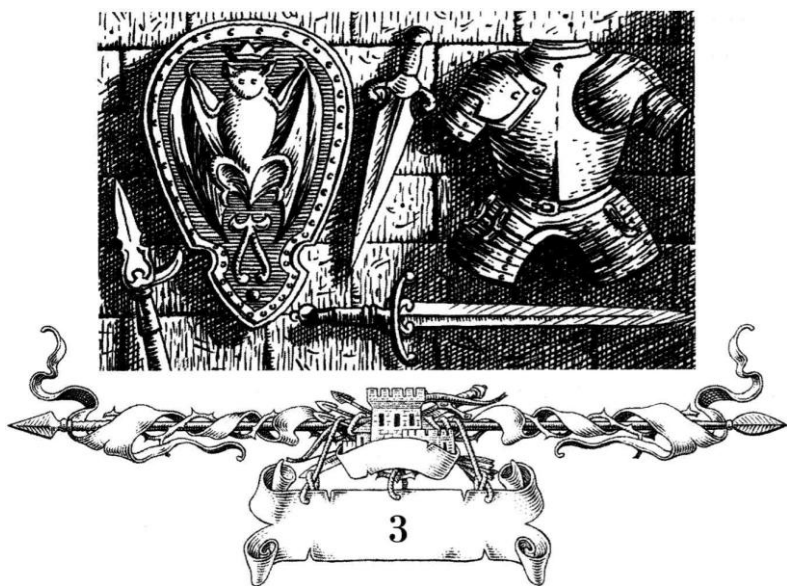
— Ха! Слыхали? Совсем рехнулся! — обратился Кодж к толпившимся позади матросам. — Виска ему мозги повредил. Я для него, видишь ли, покойник! Да ты скорее покойником станешь, идиот! Вот я тебя сейчас еще разок освежу, увидишь, какой я покойник!

Еще одно ведро воды обрушилось на Гораса. Он снова не шелохнулся, только бросил еще несколько слов:

— Ты убил мою родню. Я убью тебя. Ты покойник.

Глаза Гораса потемнели от прилившей к ним крови. Кодж потерял весь задор, попятился, развернулся и ринулся к корме. Горас проводил удиравшего бесхвостого лиса тяжелым взглядом.

Выйдя из своей любимой крепости, лорд Пепельный Глаз уселся на привычное место, на плоский валун недалеко от входа в Саламандастрон. Повернувшись к морю, престарелый правитель жадно втягивал ноздрями соленый морской воздух, иногда разбавляемый примесью ароматов травы. Вытащив из кармана большой носовой платок в горошек, он высморкался и снова глубоко вздохнул. Недавно только наступила весна, расцвет природы, а вот уже и лето на носу. Постукивая посохом о валун, на котором он устроился, лорд Пепельный Глаз замурлыкал один из маршей зайцев Дозорного Отряда.

Видел ли ты сверху синий леи?
Видел ли утесник золотистый?

Наступило лето, господа!
Шире шаг по травушке росистой!

Раз-два! Раз-два!
Солнце светит в правый глаз.
Шире шаг! Шире шаг!
Есть у нас приказ!

Сабля верная на поясе висит,
За спиной тяжелый рюкзак,
А еще с тобою верные друзья,
По горам, по долам шире шаг!

Шире шаг! Шире шаг!
Раз-два, братва!
Скоро будет привал!
Скоро будет жратва!

Лорд Пепельный Глаз печально улыбнулся. Ах, какие денечки прошли! Есть о чем вспомнить. Когда-то он шагал во главе Дозорного Отряда, и ни один из резвых зайцев не мог покрыть без отдыха такого расстояния, как их вождь. Ни один зверь не мог сравниться с лордом Пепельным Глазом ни в бою, ни на марше, ни в силе, ни в выносливости.

Он перехватил посох и вздохнул. И ни у кого не было такой одержимости Жаждой Крови. Это качество делало его непобедимым в бою, но тяготило его в мирные дни, мешало жить спокойно, отравляло существование... И вот подкралась старость. Согнулся стройный стан, раны, на которые он раньше не обращал внимания, ныли, напоминали о себе, аккуратно предсказывали изменение погоды.

Больше всего подвело его, однако, зрение. Глаза, наливавшиеся в бою кровью, отказывались видеть даже свет, не говоря уже о предметах и живых существах. Пепельный Глаз, кряхтя, поднялся с валуна, но споткнулся о мелкий булыжник и рухнул на песок. Посох выскользнул из лап, старый лорд тщетно шарил вокруг, пытаясь его нащупать.

— Слеп, как барсук, не помню, где это я слышал, — проворчал он, горько усмехнувшись.

Посох вдруг сам собой прыгнул в лапы Пепельного Глаза, сопровождаемый словами:

— Только не от меня, сэр, вы б меня за такие умствования не пожаловали, во, во.

Сильные лапы помогли барсуку подняться. По голосу Пепельный Глаз сразу узнал поспешившего к нему на помощь зайца: майор Маллин Бахвалл Грубс. И, не видя его, Пепельный Глаз представил ладную фигуру поджарого бойца, затянутого в форменную синюю рубаху с серебряными пуговицами. Майор Маллин Бахвалл Грубс командовал разведкой Саламандастроны.

— О Малл, спасибо. Вовремя ты подоспел. Будь добр, проводи меня внутрь, дружок.

Друзья называли майора Маллина Бахвалла Грубса просто Маллом, а Пепельный Глаз давно уже относился к этому лихому рубаке и осторожному разведчику как к другу. Последние сезоны Малл старался всегда быть рядом с престарелым лордом и постоянно помогал ему в трудных ситуациях. Вот и сейчас он, уважительно поддерживая наставника и друга под лапу, повел его в крепость, не переставая болтать:

Внутри, сэр, самое время, во, во. Чаек поспел, лепешечки горяченькие, да с медком, да со сливочками, во, во... Прекрасный ритуал, лучшие традиции, сэр...

Они вошли в вырубленный в горе обширный вестибюль. На стенах этого помещения красовались множество знамен, полковых и трофейных, щитов с гербами, боевые доспехи, всевозможное оружие, накопившееся за века существования крепости.

Пепельный Глаз пригнулся к уху майора Малла и пробормотал:

Пожалуй, не пойдем в большой обеденный зал. Шумно там, а я хочу с тобой побеседовать. Зайдем-ка лучше в кузницу.

Ясно, сэр, — кивнул Малл и тут же распорядился, остановив двоих спешащих по коридору молодых зайцев: — Трингл, Ферпс, быстренько-быстренько сбегайте к сержанту-квартирмейстеру и обеспечьте нам с его лордством чайку со всем, что там полагается, в кузню, будьте столь добреньки, во, во.

Зайцы вытянулись и вскинули лапы в салюте. Грингл, сестра Фернса, лукаво улыбнулась:

С кремом-джемом, сэр?

Лорд Пепельный Глаз с притворной суровостью навис над зайцами:

С двойным кремом и двойным джемом, юная мисс. А ты, Ферпс, не забудь, какая лапа правая, а какая левая. И не споткнись да не пролей.

Есть, не споткнуться, не пролить, сэр, во!

Марш! — выкрикнули брат с сестрой, одновременно рванувшись по коридору, причем Ферпс тут же споткнулся о лапу сестры, не заметив, о которую, о правую или о левую.

Майор Малл усмехнулся:

— Понеслись... Они друг с другом наперегонки, как только бегать научились.

— Потому что хотят к тебе в разведку гонцами. Малл, — заметил Пепельный Глаз.

Майор, удивленный прозорливостью старого лорда барсука, повел ушами, но ответил с деланным равнодушием:

— Да ну? А я и не заметил, сэр.

Кузница лордов Саламандастрона всегда служила для них прибежищем, местом, где они не только работали, но и где они размышляли о жизни, о делах военных и мирных. В центре просторного помещения всегда горел огонь. Возле одной из стен не заканчивался запас угля и дров. Перед очагом две наковальни, молотки и молоты, чаны для закаливания в воде и масле. Здесь же хранился и металл. Вдоволь было заготовлено и дерева для рукоятей и иных деревянных деталей оружия. За очагом большие мехи для наддува, запас масла в бочках, а с потолка свисают пучки разных растений, потребных для секретных добавок при изготовлении оружия. Напротив двери — большое окно с видом на побережье и море.

Лорд Пепельный Глаз уселся на низкий широкий подоконник и пригласил майора Малла присесть рядом. Много раз сиживал майор на этом месте и всякий раз с любопытством и восхищением озирали стены кузницы.

Оружие, висящее на стенах, предназначалось для лордов барсуков и поражало своей мощью. Здесь были мечи, которых зайцу и не поднять, мечи одноручные и двуручные, мощные копыя, крепкие щиты и доспехи.

Пепельный Глаз едва успел расстелить на подоконнике рабочий передник, как раздался стук в дверь.

— Вот и чай прибыл. Входите, входите.

Ферпс и Трингл впервые попали в это святилище. Они с любопытством вертели головами, стараясь заметить как можно больше.

— Под ноги смотрите, под ноги, во, во, — прикрикнул на них майор. — Уроните подносы — из ушей подтяжек понаделаю.

Заячья парочка робко приблизилась к подоконнику. Они аккуратно поставили подносы на передник и замерли, разинув рты и глаза не стены.

— Вот, молодцы, спасибо, — пророкотал Пепельный Глаз. — А теперь — кто первый до столовки домчится? Раз, два, марш!

— Дверь, дверь за собой... — закричал майор, но зайцев уже и след простыл. — А, ладно, сам закрою, но... — Майор подошел к двери, закрыл ее, вернулся. — Во, сэр, что вы хотели мне сообщить... сказать... приказать? — В ожидании ответа заяц подцепил изрядного размера лепешку. Намазав ее земляничным вареньем и сдоблив сливками, принялся уплетать.

Пепельный Глаз, не глядя на свой поднос, повернулся к зайцу:

— То, что я тебе сейчас скажу, Малл, предназначено лишь для твоих ушей, не должно выйти за стены этого помещения. Понятно?

— Ясно, сэр, нем, как эта лепешка, сэр, во.

Пепельный Глаз кивнул седой головой:

— Ты добрый малый, Малл. Я знаю, что тебе можно верить. Итак, слушай внимательно. Вот уже месяц меня посещают сны...

Малл не сдержался, хихикнул:

— Точно, сэр, и меня тоже... Как сырку с соленькими огурчиками наемся на ужин, так сны, сны...

Пепельный Глаз недовольно фыркнул, и майор тут же опомнился:

— Ой, сэр, извините, сэр, перебил, сэр. Больше не повторится, во, продолжайте, сэр!

И старый барсук возобновил повествование:

— Когда зрение покинуло глаза мои, восприятие мое обострилось, я подолгу обдумывал разные вещи. Не всегда понимаю, что означают голоса лордов далекого прошлого, но чую я, что не должен оставить их речи без внимания. Они поведали мне о судьбе моей, поведали мне правду, в речах их только правда. И я узнал, что листьев осенних мне не увидеть, не будет меня к тому времени в Саламандастроне. Так быть должно.

— Не-е, не-е, сэр! — Майор Маллин Бахвалл Грубс вскочил с подоконника, энергично размахивая недоеденной лепешкой. — Вам еще предстоят многие сезоны, во, во!

Тяжелая лапа барсука легла на плечо Малла.

— Успокойся, друг мой. Все мы пришли и уйдем, меня эта мысль не расстраивает. Жизнь я прожил долгую, дольше, чем заслужил, особенно если учесть путь, по которому вело меня проклятие Жажды Крови. Да... И вот, великие герои прошлого говорили со мною во сне. Броктри, Солнечный Блик, Кабан-воитель и многие другие... И все как один говорили, что смертельная опасность угрожает аббатству Рэдволл в недалеком будущем.

Майор Маллин снова вскочил и схватился за рукоять сабли:

Трубим сбор и нынче же выходим в аббатство! Во, во!

Пепельный Глаз снова усадил нетерпеливого зайца на место:

Погоди. Если бы все было так просто, вышли бы уже три дня назад.

Уши майора замерли торчком.

— А... чего же ждать-то?

Незрячие глаза барсука смотрели в сторону очага.

— Нового лорда барсука.

Майор вскочил, заложил лапы за спину и зашагал взад-вперед перед подоконником, уставившись и пол.

— Нового лорда... нового лорда... Ничего я не слыхивал о новом лорде, во...

На этот раз Пепельный Глаз его не сдерживал.

— Послушай, Малл, я ведь сказал, что не увижу следующего лета. Кто же будет управлять Саламандастроном, когда меня не станет? Скажу я тебе, что сам узнал. Новый лорд, который придет мне на смену, еще молод. Но заклятие на нем — Жажда Крови сильнее, чем на мне. Рэдволл без наших зайцев обойдется, потому что, когда на аббатство свалятся напасти, судьба приведет туда этого молодого барсука. Какая опасность угрожает аббатству, мне неизвестно. Но прежде чем управлять Саламандастроном, новый лорд покажет, на что он способен.

Майор провел лапой, по усам:

Ясно, сэр. Конечно, лорд Саламандастроном мудрым должен быть, воином умелым, во, во. Вот только как мы его узнаем? Какого он вида из себя?

Лорд Пепельный Глаз повернулся к морю. Он молча наслаждался слабым ветерком. Заяц терпеливо ждал ответа. Помолчав, лорд барсук вдруг забормотал нараспев, как будто впад в транс:

В годину тяжелых бедствий
Кто Рэдволл спасет от врагов?
Не любит меча и лат он,
Оставил свой мирный кров.

На лбу его метка судьбины,
Изгнанник идет вместе с ним.
Навстречу огню шли девицу,
Он преемником будет твоим.

Замолчав, Пепельный Глаз поднялся, озабоченно потряхнул головой:

— Великие сезоны, что со мной? Откуда это наваждение?

Майор Маллин постарался успокоить старого вождя:

— Да должно быть, ребята из сна подсказали, ваше лордство. Вы-то сами стишками не баловались прежде, во, во. Стало быть, Рэдволл он спасет, храбрый воин, с врагом разделается... Только вот не слыхивал я о лорде барсуке, который бы боевым вооружением да снаряжением брезговал. И меченый он, метка на брови будет, уже примета, во... Да еще с ним какой-то изгнанный... да девицу за огнем-пламенем послать... Тут уж я, сэр, простить меня прошу, теряюсь. Что за изгнанный, какая такая девица... какое пламя?..

Пепельный Глаз отхлебнул остывшего чая.

— Да я и сам теряюсь, друг Малл. И представления не имел, что начну вдруг на старости сезонов стихи декламировать. Удивительно. Но вот что интересно: кое-что с моими снами совпадает. Рэдловлу опасность угрожает, и воин великий является. И другой барсук, который, слава сезонам, сможет принять правление над Саламандастроном, непобедимый и могучий. Да только жаль, не все понятно. Что за дева, откуда она возьмется?

Миллин лихо закрутил ус и вздернул уши по стойте «смирно».

Гм... Значит, вместо Дозорного Отряда какая-то дива дорогая. Что, спрашивается, сможет предпринять та дева против, скажем, стаи крыс? Или змей ядовитых? При всем почтении, что-то древние лорды перемудрили, во-во-во...

Старый барсук похлопал младшего товарища по лапе:

Не оторви ус, Малл. Как бы то ни было, я должен повиноваться тениям предшественников. Давай-ка поразмыслим, где нам взять эту деву. Ваши предложения, майор?

Но майор Маллин не успел бы ничего предложить, даже если б и пришел ему на ум какой-то ответ. Его выручил громкий стук в дверь. Маллин звякнул ножами сабли о каменную плиту пола и рявкнул:

Прекратить стучать! Войди и доложи!

Дверь распахнулась, в кузницу выпрыгнул капрал Твурл, высокий сутулый заяц. Вид у Твурла оказался несколько нестроевой: нос распух, один глаз заплыл, одно ухо скручено. Он отсалютовал начальству и загундосил:

Докладываю, сэр. В столовке беспорядки, во. Причина — помощник повара, сэр. Снова совсем свихнулся помощник... Помощница, сэр, во, во.

Лорд Пепельный Глаз устало вздохнул.

Конечно, опять Бешеная Моды, — без тени сомнения прогудел барсук.— Майор, разберитесь и... Нет, доставьте-ка ее сюда. Пусть держит ответ передо мной.

Капрал исчез, и какое-то время в кузнице тихо потрескивал огонь, а из коридора не доносилось ни звука. Очень скоро, однако, из-за двери донесся шум голосов, топот ног и какая-то возня.

Во-во-во-во-во! Вон лапы, косоглазые, косозубые, косоухие, кособокие! Погодите, станете безглазыми, беззубыми, безухими, безбокими! Черти, дьяволы! Носы покусая! Салат щбенкой сдобрю! Компот из камушков в глотки волью! Во-во-во!

Четверо рослых зайцев вволокли в помещение мешок, из которого торчала голова возмущенно размахивающей ушами зайчихи. Мешок бухнулся на пол, зайцы замерли рядом с ним, а зайчиха продолжала орать во всю глотку. Майор Малл со звоном выхватил, саблю и рявкнул:

— Молчать!

Свистнул клинок, разрубив узел завязки мешка, зайчиха, не удержавшись, плюхнулась на пол. Еще не успев долететь до пола, она вскинула лапу в салюте:

— Премного благодарна, сэр, спасибо, вы, во, очень добры!

Майор не удостоил ее взглядом, повернулся к капралу:

— Сообщите суть склоки, Твурл.

Капрал бережно потер нос.

— Народ жаловался, что суп острый, во, сэр. Сплошь перец красный, перец черный, дикий чеснок да жгучий корень, рецепт не для каждой выдры, а нашим заячьим желудкам такой суп никак не одолеть, во.

— Ой-ой-ой! — перебила зайчиха, не вставая, лишь приподняв голову. — Чуть оживила пресную перловку, так уж и животики заболели! Мамочкины детки, во, во!

— Молчать, мисс! — рыкнул лорд барсук с подоконника. — Встать, смирно стоять, старших не перебивать! Капрал Твурл, продолжайте, пожалуйста.

— Что ж, сэр, я и говорю, народ жаловался, во... Я суп попробовал... и ей сказал. Она тут же отреагировала. Отрегулировала меня по носу поварешкой, сэр, и принялась угощать тем же оружием всех вокруг, кто подвернулся, во. Когда ее засунули в мешок, она продолжала обзывать всякими неприличными для доброго зайца словами, поминать адские врата и мелких тамошних обитателей, во.

— Ясно, капрал, — кивнул майор Маллин. — Помощник повара, имеет что-нибудь возразить, добавить?

Помощник повара Бешеная Моды Магзбери Тропл сделала майору глазки и свирепо лязгнула зубами:

— Добавить, сэр! Я им такого добавлю, если они еще хоть словечко про мой суп вякнут, во!

Лорд Пепельный Глаз покачал головой:

— Умолкните, мисс. Капрал и стража свободны. Мы с майором подумаем, что предпринять в этой ситуации.

Пятеро зайцев удалились, барсук уселся на подоконнике поудобнее и развел лапами:

— Моди Тропл, что же нам с вами делать?

Зайчиха виновато переминалась с лапы на лапу:

— Даже не знаю, милорд. Мой покойный батюшка и тот не знал. Он тоже частенько у меня допытывался, что со мной делать.

Майор Маллин печально повел ушами.

— Храбрый воин был, мудрый начальник, полковник Тропл. Неужели ты ничему у него не научилась, Моди?

Юная зайчиха широко улыбнулась:

— То есть как это не научилась? А боксировать? Не зря же я уже шестой сезон полковой чемпион по боксу!

Майор Маллин не разделял радости зайчихи.

— Что вы чемпион, мисс, это хорошо. А вот что вы то и дело нарушаете дисциплину — отвратительно. В этом вы тоже чемпион. И терпеть этого более нельзя. Верно я говорю?

Барсук кивнул:

— Совершенно с вами согласен, майор. Моди, у нас нет другого выхода. Мне не доставляет радости выгонять вас из Дозорного Отряда, но завтра на рассвете вы покинете Саламандастрон.

Из глаз зайчихи тут же хлынули слезы, майор недоуменно дернул ушами и подскочил поближе к лорду, горячо шепча ему в ухо:

— Сэр, не было еще такого, чтобы зайца выгоняли из полка. Может, найдем другое решение для Моди? Я ее с младенчества помню, на руках носил. В честь памяти доброго полковника Тропла, сэр...

Лорд барсук не смог бы объяснить своего дальнейшего поведения. Слова сами выскакивали из его рта:

— В вас кроется много хорошего, Моды Тропл. В память о заслугах вашего покойного отца я даю вам последний шанс. Мы с майором решили поручить вам выполнение сложной и опасной задачи. Вы согласны?

Испачканной в муке лапой Моды быстрым движением стерла слезы:

— Согласна, сэр! Скажите полсловечка, и я рвануь вперед, как ласточка за мошкой, во, во!

Майор Маллин, широко раскрыв глаза и не в такт шевеля ушами, слушал барсука, который продолжал:

Сейчас извинитесь перед капралом и всеми, кого обидели, соберите оружие, возьмите еды в дорогу и возвращайтесь сюда за получением инструкций.

Зайчиха умчалась выполнять полученные распоряжения, а майор, хлопая глазами, обратился к лорду:

— Гм... Что это вы такое говорили, сэр? Во имя всех сезонов, чего это, гм, мы с вами такое, гм, решили, во, во...

Пепельный Глаз пожал плечами:

— Сам всего не пойму, Малл, но сдается мне, что Бешеная Моды и есть та самая дева, которая нам нужна. Дева, о которой возвестили мои сны.

Аббат Даукус пребывал в полном расцвете сил. Тем вечером, о котором пойдет речь, силы и энергия мыши-аббата подверглись серьезному испытанию. Даукус в компании с толстой старой ежихой Гранпик Нибло, пчеловодом, облазил все аббатство снизу доверху. Даукус остановился у лестницы, ведущей на чердак, чтобы подождать матушку Нибло. Он тяжело опустился на ступеньку, и подошедшая ежиха уселась рядом. Не сговариваясь, они решили перевести дыхание. Даукус поскреб свою светло-рыжую бороду.

Что ж, мэм, — нарушил молчание аббат, — если не считать чердака, мы уже все аббатство обшарили, от винного погреба до спален. Так ведь, ничего не пропустили?

— А кухонные кладовые? Вдруг он там спрятался.

— Нет-нет. Я их обыскал, когда вы, матушка, смотрели в Пещерном зале. И куда мог этот малый Принк надеваться? А еще больше меня интересует, куда он дел все, что прихватил с собой!

— Ох, батюшка аббат, как я ошибалась! — вздохнула матушка Гранпик Пибло, поднимаясь и отряхивая передник. — Надо было мне вас послушать. Нет, не место этому озорнику в аббатстве. И родители-то его были — хуже некуда, воры-бузотеры. Могли, как говорится, глаза украсть у тебя с головы, и ты бы не заметил. Четыре сезона этого Орквила Принка — хватит с нас! Он уже всем надоед, даже мне, несчастной.

Даукус осторожно, чтобы не уколоться, погладил иголки ежихи:

— Не наша в том вина, Гран. Не могли мы отказать несмышленишу в крове и пище. А вот родители его хороши... Бросили ребенка и сбежали. Да что уж теперь говорить да горевать, пошли на чердак.

Он подхватил припасенный ранее фонарь и потомил вверх по спирали винтовой лестницы. Но не успел отец Даукус сделать и нескольких шагов, не успела матушка Нибло к нему присоединиться, как снизу пророкотал глубокий бас:

— Хурр, сэrr аббат, вниз, вниз... Нашел я сорванца, нашел.

Аббат сразу узнал голос Кротона начальника Берфа, предводителя всех рэдловльских кротов.

— Ох, спасибо, мистер Берф, спешим, спешим... Спускаться — не подниматься, мы мигом.

Кротона начальник поджидал их на лестничной площадке перед спальнями. Он почтительно потянул себя за кончик носа.

— Сэр-р, мэ-м, уж извините, к вам туда лезть страшно, страшно, высоты боюсь, хурр.

Всем известно, что кроты живут под землей и подниматься наверх не привыкли. Аббат Даукус понимающе улыбнулся:

— Да я и сам-то, правду сказать, боюсь всяких лестниц, добрый Берф. Так что там с Орквилом? Его нашли?

Кротоначальник ткнул толстым когтем за спину:

— В сторожке у ворот он, сэр-р, хурр, и стерегут его там как следует.

Все трое спустились на первый этаж.

— Надо же, в сторожке! — хлопнула лапой о лапу ежиха. — Надо было нам снаружи внутрь искать, а не изнутри наружу.

— Ничего, главное — нашелся разбойник, — успокоил ее аббат.

По пути к ним присоединялись все новые обитатели аббатства. Они живо обсуждали очередную проделку сорванца Принка.

Вскоре целая толпа вывалила из дверей аббатства, ссыпалась по ступеням крыльца, направилась по гравию дорожки к главным воротам. Территорию аббатства четырехугольником окружала высокая стена из песчаника. В каждой стороне этого четырехугольника строители проделали маленькие калитки, а в середине западной стены находились ворота, состоявшие из двух внушительных дубовых створок. К этим воротам прилепилась и сторожка привратника. По обе стороны от ворот к верхнему парапету стены взбегали каменные лестницы. У сторожки уже волновались, рассыпая охи и ахи, обитатели аббатства.

Аббат Даукус взошел на крыльцо сторожки и остановился.

— Неужели у нас нет более никаких дел? — строго спросил он у собравшихся. — Брат Хондрус больше не интересуется делами на кухне? У сестры Атраты нет больше пациентов в лечебнице? Прошу вас разойтись и заняться своими делами. Мы со старшими разберемся, и все, у кого что-то пропало, получают свое имущество обратно, уверяю вас.

Возле крепостной лестницы толклась стайка малышей. Даукус погрозил им лапой:

— А вы, шалуны, не вздумайте взобраться наверх!

Бельчонок Димп ответил за всех:

— Мы не наверх, мы все уже старшие и хотим разобраться с разобройником... разбарабойником... разбобойником...

Матушка Гранпик Нибло свирепо тряхнула передником.

— А ну-ка марш отсюда, мелкие господа и госпожи! Умываться пора к ужину! Фолура, Глинггал, займитесь, пожалуйста, малышами!

Сестры-выдры, близнецы Фолура и Глинггал, пошили малышня к пруду. Поднялся шум и визг, кто-то старался ускользнуть, но выдры мгновенно навели порядок. Разошлись и взрослые рэдловльцы.

Оставшиеся вошли в сторожку и сразу же увидели сидящего на полу, напротив двери, виновника переполоха. Орквил Принк, обычно веселый и беззаботный, сидел, нахохлившись, между нависшими над ним Рорком, Командором выдр, и большим ежом Бенджо Типпсом, хранителем рэдловльских погребов. Рорк и Бенджо держали концы веревки, обвязанной вокруг пояса ежика Принка. Присутствовали

в сторожке также сезонописец аббатства белка Фенн Синяя Лапа и водная полевка Марджа Даббидж, исполнявшая должность звонаря. Орквил Принк не поднимал носа, боясь смотреть в глаза старшим.

Аббат подтащил поближе к пойманному преступнику табуретку, уселся напротив Принка и повернулся к Бенджо Типпсу:

— Насколько я понял из объяснений, Орквил Принк обнаружен в погребе?

Бенджо почтительно пригладил свои иглы и развел лапами:

— Ох, и точно, отец аббат. И как я проморгал... Глаза, конечно, уже не те, да и слух тоже... А он входил и выходил, когда ему вздумается. Вот разбойник!

Значит, нашли его в старой бочке, — продолжил аббат. — А что-нибудь из украденного им там обнаружили?

Орквил поднял глаза и наконец открыл рот:

— Я в той бочке ничего не держу, сэр, только немного провизии да фонарь. И еще записную книжку.

Аббат указал лапой на веревку и обратился к Командору:

— Снимите с него веревку, Рорк. Не нравится мне это. Он и так никуда не убежит. Что ты сказал о записной книжке, Орквил? Для чего тебе записная книжка?

Фенн Синяя Лапа сквозь свои маленькие очки раздраженно уставилась на юного ежа:

— Так вот куда делась моя новая книжка для записи песен! Я сама ее переплела, но не успела записать ни одной песни! Мошенник! Подозреваю, что ты и мои угольные палочки для письма позаимствовал!

Вот ужо вернусь в кабинет, все пересчитаю. Я знаю, сколько их у меня было!

Аббат воззвал к благоразумию Фенн Синяя Лапа:

— Дорогая, так мы никогда не доберемся до сути дела! Спокойнее, пожалуйста. Итак, Орквил, для чего тебе записная книжка?

Освобожденный от веревки, Орквил оживился:

— Записная книжка, отец аббат, чтобы все-все записывать, что я взял попользоваться...

— Очень интересно... Попользоваться? — фыркнула Марджа Даббидж, но тут же смолкла под укоризненным взглядом аббата.

Орквил с готовностью продолжил:

— Да, да, попользоваться. Я не собирался присваивать чужие вещи. Вот, к примеру, ваша серебряная пряжка, сэр Кротоначальник...

Кротоначальник Берф наморщил свой бархатный нос:

— Ху-ху-хурр, я и не знал, что ты ее прибрал. Думал, потерял, а потом нашел вдруг под подушкой.

Орквил радостно закивал:

— Вот-вот. Я всегда отдаю, что взял... раньше или позже. Когда я что-то заимствую, всегда записываю в свою книжку. А когда возвращаю, вычеркиваю. Кое-что, правда, держу долго. Уж очень мне нравятся некоторые вещи. Что поделаешь, отец настоятель...

Даукус задал следующий вопрос:

— А где же ты держишь все эти вещи, если их нет и бочке?

Ежик Орквил бодро улыбнулся и произнес:

Ко мне в мозги нельзя залезть,
Но можно в книжечке прочесть.

Командор тут же хлопнул его своим веслообразным хвостом по уху:

— Не забывайте, молодой сударь. Ведите себя как следует. Что за шуточки со старшими!

Гранпик Нибло все еще питала к Орквилю нежные чувства. Она заахала, замахала на Командора лапками.

— Ишь ты, размахался своей лопатой, веслохвост! Отец аббат, малыш ведь просто сказал, что он в книжку все записал, что где у него лежит, где мы все найдем, и ничего обидного. Правда ведь, Орквил?

Ежик снова ухмыльнулся и покровительственно похлопал старую ежиху по иголкам:

— Молодец, бабуля, умница старушка!

Тут уж рассердилась не на шутку Нибло:

— Какая я тебе еще старушка?! — Она щелкнула Орквила по лбу. — Нахал молодой! Зелен еще... Я-то тебя нашла, помню как сейчас, на мелкоlese, голодного, ободранного... плакал горько... помню как сейчас... Подлецы родители... И вот, вырастили нахала на свою голову!

Орквил тоже расчувствовался, даже расхлюпался, прильнул к ее колючему боку.

— Ну прости меня, бабуля... Я больше не буду...

Нибло горестно вздохнула:

— Ах, Орквил, и почему ты таким нескладным вырос?

Аббат сунул ежонку платок:

— Прекратите нюни распускать, молодой человек. Вы уже не впервые проштрафились. Неоднократно вас ловили на воровстве. Верните мне эту испорченную вами книжку. То, чем вы занимаетесь,

называется воровством, и никакие оправдания здесь неуместны. Вы отнимали у добрых зверей имущество и пользовались им без всякого на то права. Как еще это назвать? Почему вы это делали?

— Даже не знаю, отец настоятель. Когда я вижу что-нибудь... что-нибудь... мне сразу этого хочется.

— Это у него в крови, — пробормотала еле слышно Фенн Синяя Лапа. — И родители его, говорят, такие же были, проныры и бессовестные бандиты. Грабители.

— Нет-нет, мэ, вы уж слишком, — перебил ее Командор. — Грабители отнимают вещи насильно, они и поранить могут зверя, даже убить, чтобы отнять имущество. Орквил, слава сезонам, никого не тронул.

— Что значит «не тронул»? А разве мне не было больно, когда он украл мои новые варежки? До слез обидно! Это та же боль. Признавайся, ты стянул мои варежки, разбойник?

Орквил потупился:

— Да, я... Но я хотел их отдать...

— Так где же они, грязный воришка?

Аббат решил, что беседа принимает слишком неспокойный характер.

— Тихо! — прикрикнул он. — Ведите себя пристойно.

Собравшиеся подтянулись, кто-то откашлялся. Даукус оглядел всех по очереди и продолжил речь:

— Все получают свое имущество... если это возможно. Орквил, скажи мне честно, есть ли что-то из взятого тобой, чего невозможно вернуть?

Ежонок наморщил нос:

— Да что-то не припомню, отец настоятель... Разве что провизия из кухни... да немножко сидру из погребов мистера Бенджо.

Бенджо Типпис вспомнил два пропавших бочонка особого светлого сидра, припасенные для летнего праздника, и закусил губу, чтобы не выругаться. Даукус тем временем обратился ко всем присутствующим старейшинам:

— Орквил Принк признал свою вину. Не впервые его ловили на воровстве. Раньше такого среди рэзволльцев не водилось. Что вы скажете на это? Я уже наказывал его, отправлял драить котлы на кухню, но он не исправился. Как его теперь наказать?

Молчание. Марджа Даббидж, впрочем, молчала ровно столько мгновений, сколько требуется, чтобы набрать полную грудь воздуха.

— Гнать его вон из аббатства, чтобы духу его здесь не было! Ничего другого он не заслуживает.

Гранпик Нибло всхлипнула:

— Ой, не надо, не надо выгонять. Может, он еще исправится.

Кротоначальник Берф, призвав на помощь знаменитую кротовую логику, изрек:

— Хурр, выгнать, конечно, стоит... Только не на всю жизнь звериную короткую, да, не на всю, нет... Временно выгнать, на сезон... Может, прочувствует, хурр...

Обдумав это мудрое предложение, члены совета подняли лапы. Все, кроме Орквила, мнением которого никто более не интересовался, а также библиотекарши-архивариуса и колокольной звонарихи. Аббат и Командор сурово уставились на воздержавшихся. С мольбой смотрела на них матушка Нибло. С мудрым

прищуром покачал головой Кротоначальник. Лапы обеих непримиримых мало-помалу зашевелились и тоже поднялись над их головами. Аббат облегченно улыбнулся:

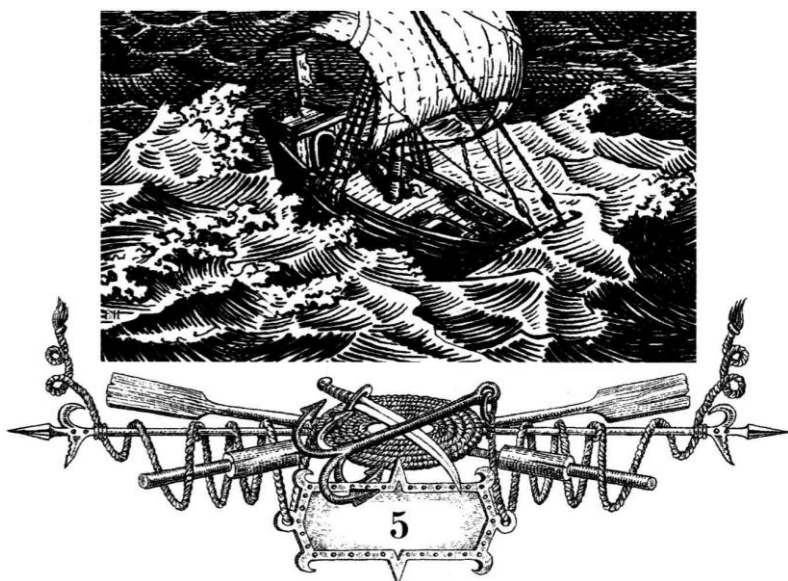
— Ну что ж, единогласное решение — лучшего и желать нельзя. — Он согнал с мордочки улыбку и повернулся к провинившемуся: — Орквил Принк, в течение одного сезона, до дней, когда завянут осенние листья, вам не разрешается ступать на территорию аббатства. Мы надеемся, что за это время вы научитесь ценить общество рэдволльцев, станете честным, полезным членом нашего сообщества. Жизнь за этими прочными стенами сурова. Придется научиться защищаться, добывать пищу, разыскивать укрытие, избегать опасностей. Гранпик Нибло выдаст вам добротную одежду, брат Хондрус снабдит пищей на три дня. Используйте это время с толком, помните нас, а мы о вас не забудем. Не воруйте, не протягивайте лапу к тому, что вам не принадлежит. Желаю вам успехов во всех добрых начинаниях, Орквил Принк.

Закат окрасил стены Рэдволла нежным розовым цветом. Жаворонки спели последние вечерние песни. Орквил понуро брел от Рэдволла на север, вздымал лапами пыль, поглядывал по сторонам. Слезы бабули Гранпик на его лбу уже высохли. Он остановился, обернулся в сторону аббатства, и глаза его наполнились собственными слезами. Аббатство замерло в лучах закатного солнца, сверкавшего в его окнах и витражах. На фоне темнеющего неба вырисовывалась высокая башня колокольни, кровля главного здания, крепкие стены из красного песчаника. Вздохнув, Орквил отвернулся от аббатства, зашагал дальше.

Да ладно, он легко отделался. И выпнали его ненадолго. Никуда оно не денется, древнее аббатство. Вон как в землю вросло! А он изменится, чтобы они там не сердились, изменится... Вот только время пройдет... А времени должно пройти немало...

Зато никто его не станет здесь пилить, воспитывать, запирать в сторожке, допрашивать. Перед ним дорога, леса, равнины, холмы, ручьи... Свежий ветер свободы! Орквил Принк подпрыгнул и завопил: — Й-йе-ху-ху-хо-хо-о-о-о-о-о!...

Пиратский корабль «Кровавая кешка» проби-
рался по бурному морю, ныряя с волны на
волну, валясь на борт, выпрямляясь и снова
зарываясь в пену. Волны морские хлестали его, ве-
тер осыпал тучами дождевых капель. Для прикован-
ного к мачте молодого барсука шторм оказался тяж-
ким испытанием, но принес и облегчение — пресную
дождевую воду. Горас сначала ловил дождь широко
разинутым ртом, затем приспособился ловить сте-
кающие с уже вымытого паруса струи чистой, све-
жей воды. Напившись, Горас подполз к мачте и
оперся о нее спиной, ожидая окончания шторма и
наступления нового дня.

Дождь постепенно ослаб и наконец совсем пре-
кратился, но море не успокоилось. Небо на рассвете
оставалось серым, покрытым тяжелыми тучами. Го-
рас впервые ощутил морскую болезнь. Рана на голо-

ве покрылась толстой коркой запекшейся крови, стягивающей кожу и вызывающей резкую пульсирующую боль. Эти страдания вместе с постоянной качкой вызвали спазмы тошноты. Барсук скорчился, молча призывая смерть, которая смогла бы прекратить эти муки.

Из проема рубки Виска Длиннозуб и его первый помощник Кодж следили за Горасом. Виска вручил Коджу линек — обрезок веревки с навязанными на ней узлами. Он быстро зашептал в ухо брату, оскалив длинные клыки:

— Да, кэп, понял, кэп... Только зачем тебе меня останавливать?

Виска раздраженно плюнул на палубу и толкнул брата к барсуку:

— Болван, все равно ничего не поймешь. Делай, что я тебе сказал! Я за тебя соображать буду.

— Ты капитан! Все сделаю, понял, кэп, — вздохнул Кодж и зашагал к пленному.

Горас закрыл глаза, стараясь дремой унять страдания. Тут его спину ожег удар линька. Он быстро повернулся — второй удар пришелся на его челюсть. Кодж отскочил подальше и зарычал:

— А ну вставай! Разлегся, лежебока! Лентяй! Кто тебе разрешил тут валяться?

Горас почувствовал, что подняться у него нет сил. Он закрыл голову лапами и прижался к мачте. Кодж продолжал хлестать его, входя в раж с каждым ударом.

— Встать, скотина полосатая, стоять, когда я перед тобой!

Виска уже неся от своей кабины. Подбежав к Коджу, он вырвал у него линек и крикнул:

— Прекрати! Оставь беднягу в покое. Видишь, ему больно.

Кодж пожал плечами и удалился, оставив капитана и пленника наедине. Виска опустилсЯ на палубу, оставаясь на безопасном расстоянии от барсука, и засипел тоном, который считал ласковым:

— Бедный, бедный зверь. Бедняга Каменная Башка... Устал... Больно ему. Жалко его, ой как жалко!

Горас молчал, не устаивая лиса ответом.

— Ты ведь совсем больной, — продолжал Длиннозуб. — А внизу тепло, можно отдохнуть, растянуться на мягкой койке.

Горас молчал, но унять дрожь не мог.

— Здесь, на палубе, холодно и неудобно, — вкрадчиво продолжал Виска. — Хочешь есть? У нас много еды, питья. — Никакой реакции. Виска поднялся.

Я здесь капитан, ты мне только скажи, и все у тебя сразу появится. Щедрый я, правда?

Горас даже глаз не открыл.

Виска запахнулся в плащ.

— Ох, замерз я; пойду согреюсь. А ты куда не уйдешь отсюда, Каменнолобый. Рано или поздно сообразишь, заговоришь. А не сообразишь — подохнешь здесь, у мачты.

Виска не ушел в свою каюту. Вместо этого он спустился под палубу, в общий кубрик. Он бросил линек Коджу, и тот его ловко поймал на лету.

— Продолжить, кэп?

Капитан уселся за стол команды.

— Нет, на сегодня с него хватит. Потом, попозже.

Коренастый хореК Гривел прокомментировал высказывание капитана:

— Этот полосатый уже почти подох, его и насмерть захлестать недолго, ежели меня спросить...

Виска нежно улыбнулся Гривелу:

— А я тебя забыл спросить, да?

Улыбка Виски Длиннозуба — предвестница бед. Гривел ничего больше не сказал и отступил подальше от капитана.

Виска встал, не сводя взгляда с Гривела, но уже не улыбаясь:

— Я решу, что сделать с полосатой собакой. Каменная Башка — зверь молодой, сильный. Ему поглотить — большого вреда не будет. Погодите, я его еще заставлю думать по-моему. И любого другого. Так, Гривел?

Гривел избегал поднимать взгляд на капитана.

— Точно, кэп, точно, как скажешь, кто ж спорит...

Неожиданным ударом в зубы Виска прервал Гривела. Поток согласия, изливавшийся из рта хорька, сменился каплями крови, оросившими палубу, на которую он рухнул.

Виска усмехнулся:

— Бедняга Гривел, прохутился, закапало из него, ежели меня спросить...

Он оглядел присутствующих подозрительным взглядом. Все тут же дружно заржали, выражая полный восторг остроумием капитана. Виска поднял лапу, приказывая замолчать, и распорядился:

— Жрать всем на верхней палубе. Усядетесь так, чтобы полосатый видел. Жратву расхваливать, чтоб у него аппетит появился. Кодж, следи за ним. В случае чего, я в своей каюте.

Виска направился к выходу. Подождав, пока за ним закроется дверь, Гривел поднялся на лапы. Большая, жирная крыса Фирог предостерегающе приложила лапу к губам.

Кодж направился к двери вслед за капитаном:

— Пойду погляжу, чем полосатый занимается.

Все понимали, что Кодж с братом заодно, и при нем высказываться остерегались. Однако, как только он вышел, Гривел выплюнул кровь себе под ноги.

— Видали, как он меня? А за что? Что я такого сказал?

Фирог тут же подхватил:

— Да иной раз и говорить ничего не надо, глянь не так — и сразу в зубы. Не дело это, братцы!

— А к чему мы потратили целый сезон на эти голые Северные острова? — Гривел уже не скрывал недовольства капитаном.

Команда горестно закивала и закряхтела.

— Пара мешков зерна да овощей, — подключился Фирог. — Ха, да чокнутая полосатая собака. На юге хоть теплее.

— Были, должно быть, у кэпа какие-то мысли, — возразил поджарый кунь Сники. — Да и от Северных островов мы уже ушли.

— Но курс держим не к Южным. Зуб даю, цель наша — Западное побережье, и можете сообразить, что это значит.

Фирог с размаху всадил нож в столешницу.

— Точное дело, Виска вздумал взяться за то, на чем Диковихрь погорел. Рвется скинуть барсука и стать королем его горы.

— Лучше гора, чем всю жизнь болтаться в этом корыте да в нем же потонуть, — пожал плечами Сники.

Гривел стукнул Сники по голове, ударил его мордой о стол и поволок к двери. Распахнув дверь, он швырнул полуоглушенную куницу на палубу и проворчал, склонившись над ней:

— Хочешь сдохнуть, чтобы Виске хорошо жилось? А я не желаю. И запомни, тварь, пикнешь — дня не проживешь.

Он захлопнул дверь и повернулся к остальным:

— Будет знать, придурок, я его как следует предупредил. Не верю я этой капитанской шестерке.

Черная крыса Дерджи покачал головой:

— Не дело это. Он же стукач, сейчас очухается, поползет к Виске. И мы покойники.

Фирог вытащил нож из стола.

— Не очухается. И никуда больше не поползет. Я позабочусь.

Ближе к вечеру тучи все так же висели над морем, но ветер ослаб и едва наполнял парус. Горас неподвижно сидел у мачты. Морская болезнь отступила, боль в голове тоже утихла. Никто его не беспокоил, хотя он неоднократно замечал любопытные взгляды, а Кодж чуть ли не постоянно следил за ним издали.

И вот наконец какое-то движение. Жирная крысиха-повариха выволокла на верхнюю палубу закопченный котел и остановилась с ним не слишком далеко от барсука, вне пределов его досягаемости. Она сняла с котла мятую жестяную крышку и принялась размешивать варево поварешкой.

— Живо жрать, живоглоты! — завопила крысак во весь голос. — Не то рыбам скормлю, за борт вывалю!

Запах горячей пищи достиг ноздрей Гораса, и он понял, насколько изголодался. Команда заспешила к котлу с жестянками и черепками, мисками и котелками. Повариха шуровала поварешкой, выплюхивала месиво из котла в миски, постоянно что-то приговаривая. Сборище удостоил присутствием даже Виска, потребовав, чтобы повариха наполнила его здоровенную миску, размером с таз, до краев.

— О-о-о, какой аромат, Глурма!

— Особый рецепт, капитан! — ухмыльнулась Глурма, показав сильно прореженные зубы. — Репа с морковкой, да овес, да травки, а уж креветок с макрелью — ешь не хочу!

— Да-а, налопаемся до отвала! — Капитан махнул лапой команде, и та разразилась гоготом да прибаутками.

Нечисть принялась уплетать густое варево кто чем, иные просто немытыми лапами. Виска поставил свой тазик поближе к Горасу:

— Команда питается, Каменная Башка. Тебе тоже пора подкрепиться.

Команда чавкала и хлюпала так смачно, что Горас чуть было не забыл про голод. Он мрачно поглядел на пирата, перевел взгляд на миску, однако не двинулся с места. Виска продолжал дразнить барсучка:

— Хорошая пища, отличная пища, креветки и рыба Северного побережья, овощи с твоей фермы, твоими трудами выращены, попробуй...

Горас потянулся к миске. Цепь натянулась. Команда дико заржала, завопила, заулюлюкала. Горас отдернул лапу от миски, вернулся к мачте.

Златолис окунул лапу в миску, облизал ее.

— Ох, вкусно, Каменная Башка. Вот поговори со мной, и я миску к тебе двину.

Горас повернул голову к ухмыляющемуся лису, но рта не раскрыл. Что-то во взгляде барсука согнала усмешку с физиономии лиса. Он нахмурился:

— Без пищи ты издохнешь. Говори!

И барсук заговорил:

— Ты издохнешь раньше, чем я. Ты и тот, другой лис. И вся нечисть, которую я смогу захватить с собой. Зря стараешься, покойник. И мне с покойниками говорить тоже ни к чему.

Виска подпрыгнул:

— Да ты о смерти взмолишься, придурок!

Он пнул миску ногой, послав ее за борт вместе с содержимым. Хромая на ушибленной лапе, он направился в свою каюту. Кодж бросился за ним:

— Говорил я тебе, кэп, прикончить его надо!

Виска обернулся, схватил Коджа за шиворот и пихнул в кабину перед собой.

— Заткнись, идиот!

Когда оба лиса исчезли в капитанской каюте, Дерджи бесшумно подсел к Сники, который уже покончил со своей порцией и теперь вылизывал миску начисто.

— Видал? — пробормотал Дерджи укоризненно.

— Целый таз классной жратвы рыбам на корм. Я бы от нее не отказался. А ты?

Сники уставился в дно своей пустой миски.

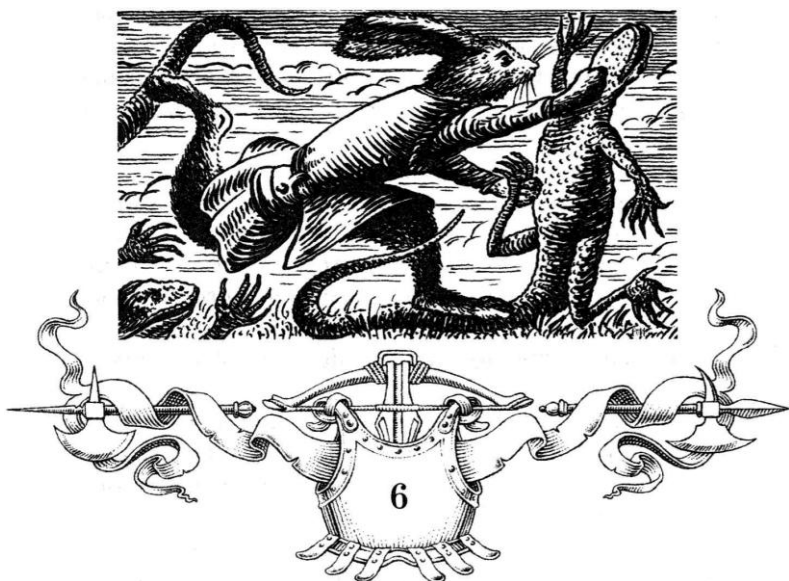
— Ну и я тоже.

— Так сходи за ней, шпионская морда!

Сники взлетел в воздух, описал дугу и исчез за бортом с ножом Дерджи между ребер и с выражением ужаса на физиономии. Гривел и Фирог быстро сдвинулись, заняв место исчезнувшего члена экипажа. Дерджи кивнул в сторону моря:

— Сники отправился за добавкой.

И облачка в небе над Моди Магзбери Тропл. Зайчиха, не ощущая тяжести походного мешка за спиной, одолевала дюну за дюной. Ей одной из всех зайцев Саламандастро́на доверили такое почетное, такое важное задание! Она снова, в который раз, припомнила напутствие лорда барсука и майора Маллина.

— Так-так-так-так-так... Отыскать этого дурацкого барсука... Простой парень, брони не знает, о мече слыхом не слыхивал... лопух какой, деревенщина... тоже, вояка, во-во-во. Судьба отметила его чело... по лбу, стало быть, врезала чем-то увесистым, попросту говоря... мм... что ж там дальше-то, черти-дьяволы?

Моди добралась до вершины очередной дюны, замерла на одной лапе, почесала нос, пошевелила ушами:

— Во-во-во... Вот! С ним какой-то другой... гой... нагой... Изгой!.. Изгнанник... и что-то печененькое... Балда! Горячее, а не печеное... горит... пламя? Адово пламя, адские врата! Найти этого остолопа и доставить в целости и сохранности к его лордству в Саламандастрон, во! Ай да молодец, вспомнила, во, во!

Все еще балансируя на одной лапе, она осмотрелась.

К западу катит волны необъятное море, его темная лазурь встречается на далеком горизонте с прозрачной голубизной высокого летнего неба. Песчаный пляж мягко переходит в дюны, а в отдалении простирался лес. Не имея представления, куда ей идти, Моды подхватила горсть песка и запустила ее в воздух над головой.

— Природа-мать, куда скакать?

Ветер сдул песчинки в сторону далеких деревьев, не дав засорить глаза бесшабашной зайчихи. Моды присела в реверансе:

— Благодарю, мадам Природа.

Она понеслась в направлении леса, бормоча на ходу:

Барсук с судьбою на броне, чело высокое в огне... Ой, нет, не на броне судьба, во лбу, во-во... Ха-ха, но лбу звезда горит... Пылает, во... Нет-нет, не звезда горит, изгнанник пламенный при нем, сидит, не знает, что почем... за пазухой сидит, трусливый, меча боится больше сельской жизни простого пахаря... Изгой пылает... меча не знает... Да нет же, старая балда, все перепутает всегда... Ничего-ничего, во-во, когда надо будет, всё сразу вспомню...

Первую ночь Моды провела в дюнах. На рассвете она позавтракала овсяным хлебом и запила водой.

— Во-во, водица да корочка сухая... А эти обжоры в столовке уписывают за обе жирные щеки, аж глаза вылезают, уши обвисают, усы торчат, хвосты ворчат, во-во-во... ну, где-то там урчит, а как же... в брюхе набитом, тьфу... Ладно-ладно, вернусь — навестаю.

Мысль о горячей пище воодушевила Модя, и она завела тут же сочиненную — точнее сочиняемую на скаку — лихую, развеселую песню.

Сама того не заметив, Модя постепенно сбавила скорость и вдруг заметила крота с тачкой, который еле тащился за ней. Старый крот, запыленный и ободраный. Идет и ревет, всхлипывает. Она остановилась, и крот ткнулся в нее тачкой. Бедняга ничего перед собой не видел, слезы затуманили глаза его. Модя протянула ему платок:

— Во-во, дружище, что с тобой стряслось?

Крот выдул в ее платок содержимое своего объемистого носа, всхлипнул, тяжело вздохнул:

— Хурр, мисс, нет песенки печальнее на свете, чем завыванья горестные эти... не слыхивал я такой песни во всю жизнь свою, нет, нет...

Озадаченная Модя принялась его утешать да успокаивать:

— Да брось ты, дружище, утри слезки, престань, перестань... Так, пустячок песенка, только что сочинила, во...

Крот прекратил плакать, как будто бы сожалел об этом:

— Хурр, а я так люблю добрую печальную песню... Поплачешь — и сразу на душе легче, приятнее, н тело отдыхает...

Модя недоверчиво покачала головой:

— Ну, извини, что помешала тебе нюнить. Во, заплачь снова, только и делов-то...

Крот вежливо провел лапой по носу и протянул ее Моди:

— Нет-нет, мисс, спасибо, я уже закончил на сегодня. Меня зовут Бангвен-отшельник. Вы, должно быть, после такого пения устали, проголодались.

Моди схватила протянутую ей лапу и от души встряхнула ее:

— Насчет чего-нибудь перекусить, особенно горяченького, всегда с удовольствием. Звать меня Моди, очень приятно.

Крот уселся на свою тачку, нагруженную всякими корешками, клубеньками и ягодками, и широко улыбнулся:

— Красивое имя — Моди. Моди, если поможете мне с тачкой, я вас накормлю горяченьким, только что с огня, хурр...

Услышав о горяченьком, Моди схватила за ручки тачки, чуть не стряхнув с нее неповоротливого крота.

Вперед, вперед, друг, плывем, куда ж нам плыть? Только показывай дорогу, и гость к завтраку тебе обеспечен.

Бангвен обитал в пещерке, вырытой в склоне холма. Он слез с тачки и жестом пригласил Моди войти:

— Прошу, мисс Моди, мое скромное жилище, хур-хур-хур...

Жилище и вправду роскошью не отличалось, но оказалось весьма уютным. У стен крот устроил усту-

пы, устлал их сухой травой. Очаг он сложил из камней, замазав щели глиной.

Крот налил в кружку какой-то темной жидкости и протянул кружку Моди:

— Отведайте пока моей пряной наливки, мисс Моди, а я займусь обедом.

Хотя светильниками крот не обзавелся, через вход в пещеру все же проникало достаточно света, чтобы различить обстановку. Моди потягивала вкусную, ароматную наливку и наблюдала за хлопочущим кротом, то и дело добавлявшим в котел на очаге новые и новые травки да корешки.

— Хурр, мисс, как вы сюда попали? Заблудились? Зайчиха затрясла головой:

— Не-е, не заблудилась. У меня важная миссия! Я ищу здорового барсука, могучего и бесстрашного, во. И при нем еще какой-то избранник... то есть изгнанник. Может, проходили они тут?

Бангвен пошуровал в котле поварешкой, поднес ее ко рту, понюхал, попробовал.

— Никого здесь нет, мисс Моди, только ящерицы одни, ящерицы проклятые совсем замучили, не дают мне, старику, покоя.

В этот момент они услышали, как кто-то опрокинул тачку у входа в пещеру. Бангвен закрыл котел крышкой и воинственно взмахнул поварешкой:

— Уже унюхали! И пришли. Хотят украсть мою пищу.

Снаружи раздалось зловещее шипение.

Моди придержала крота, готового выбежать из пещеры:

Во, во, друг, стой, стой, кто там расшипелся?

— Кровь и кускус!.. То есть укусу! Вперед, орлы!..
То есть львы...

Моди успевала также задерживать пытавшихся улизнуть, так что к концу показательного выступления все противники валялись у ее ног в самых разнообразных положениях, кто при хвостах, а кто и без. Зайчиха замерла над полем боя, угрожающе упершись передними лапами в бока.

— Подъем, ленивые дьяволы, чего разлеглись?! Быстренько занялись тачкой, чтобы все, как было, аккуратненько, живо, живо, во-во-во!

Ящерицы зашевелились, хромая, держась за головы, за бока, за хвосты, принялись выполнять приказание. Вернули тачку в исходное положение, пошвыряли в нее разбросанный по земле урожай.

Бангвен-отшельник стоял в дверях, разинув рот и почесывая затылок ручкой поварешки.

— Ху-у-у-уррррр, мисс Моди, никогда такого не видел. Вы великий воин...

Моди с ухмылкой подмигнула кроту:

— Рада помочь, дедуля, ничего особенного... А вы, ящерки, стр-ройся! В одну шеренгу становись! Поклончик изобразить и извиниться перед дедушкой, во!

— Просссссссетишшшшш, мышшшшшш.... — зашипели ящеры, опасливо поглядывая на вышагивающую перед ними Моди.

— А вот мы еще подумаем, стоит ли вас прощать, во, — изрекла Моди, остановившись перед правофланговым. — А пока — считаю до трех, и чтоб духу вашего здесь не было!

Она вообще не успела начать счет: ящериц как ветром сдуло. Моди с кротом вернулись в пещеру.

— Вот теперь, после разминки, у меня не на шутку аппетит разыгрался, — доверительно сообщила Модикроту.

Бангвен расширенными глазами глядел, как Модикрот за миской уминала его стряпню.

— Хурр, опасное, должно быть, дело — голодный заяц... — бормотал крот, почесывая макушку.

Зайчиха молча кивнула и подставила кружку, чтобы получить очередную порцию кротовой наливки. Еда — дело слишком серьезное, чтобы отвлекаться на болтовню. Через некоторое время обжора отвалилась от стола, растянувшись на прикрытом травкой боковом уступе и захрапела. Спала она недолго, а проснувшись, сразу преподала кроту урок бокса и подарила ему пращу с мешком камней. Сама она предпочитала ближний бой и пращей никогда не пользовалась.

— Мне пора, дедуля, надо бы к вечеру до леса добраться. А ты с этими зеленохвостыми не церемонься.

— Спасибо, мисс, теперь я храбрый. Берегите себя, местность здесь опасная. Хурр, в кустах змеи водятся. Живет здесь и один большой с крыльями, совиного роду-племени, так он парень добрый, не обидит. Друг мой, Эйшо Бардвинг. Может, он сверху вашего барсука заметил. Всего вам доброго, мисс Модикрот!

Бангвен махал ей вслед, стоя на вершине холма, и утирал слезы. Звучно высморкавшись, он крикнул вдогонку:

— Не смотрите, что у меня слезы, я страсть как люблю поплакать...

Расставание с добрыми зверями — штука печальная, но перед Модикрот поставлена цель, и она, не падая духом, стремится вперед и вперед. Вокруг все спо-

койно, никаких тревожных звуков, лишь жужжат пчелы, стрекочут кузнечики да заливаются в небе жаворонки.

Моди вспомнила время, когда она вместе с другими зелеными зайчатами приступила к обучению. Товарищи ее оказались настолько неуклюжими, что группу их окрестили леволапой командой.

Линия леса приближалась, она уже различала отдельные деревья: раскидистые дубы, статные буки, липы, под ними — заросли бузины. Может быть, там жил и друг Бангвена, Эйшо Бардвинг.

Моди не услышала никакого угрожающего звука, но инстинкт заставил ее резко обернуться. Кажется, она уловила блеск зеленой чешуи в зелени кустарника. Наверное, ящеры ползут за ней, хотят отомстить за поражение. А может быть, и нет. Во всяком случае, небольшая демонстрация боевой мощи не помешает, решила Моди. Скинув наземь заплечный мешок, она не спеша закатала рукава, поплевала на лапы и угрожающе взвыла во всю глотку:

— О-го-го, вам добавки захотелось, черти, зеленые дьяволы? Вылезайте все вместе, получите еще! Я великий чемпион Дозорного Отряда! Я отключила сразу Вонючку Вырвиглаза! Смела, как солому, Гвоздиллу Бурелома! Джаркинс Ореховая Лапа слег от моей лапы в первом раунде! Никто передо мной не устоит. Я вас раскидаю по кустам одной левой! Жду с нетерпением!

Ответом ей была тишина.

Моди вернула мешок за плечи и снова пустилась в путь, бормоча под нос:

— Пусть только попробуют, пусть только носы высунут, всем хвосты поотрываю.

До деревьев Моды добралась еще засветло. Набрав хвороста, она развела небольшой костер под кроной огромного дуба. Порылась в рюкзаке, обнаружила каштановую муку, орехи и сушеные ягоды. Развела муку водой, щедро добавила в получившееся месиво ягоды и орехи, скатала тесто в тутую колбаску, обвила ее вокруг свежей ветки и принялась печь над огнем. Результат оказался вкуса весьма приятного, хотя видом какого-нибудь слабонервного зверя мог и испугать. Моды назвала этот шедевр троплкренделем в честь своей славной семьи. Бангвен подарил ей объемистую фляжку своей пряной наливки, отлично дополнившей ужин.

Привалившись к стволу дуба, Моды жевала троплкрендель, запивала его наливкой и развлекала себя беседой:

— Интересно, выздоровел уже нос у капрала Твурла? В ухо бы еще этому зануде залепить, во... А наши б сейчас меня видели... Ха, младший повар с личным поручением его лордства! Важнейшая миссия! Вернусь — лорд произведет меня в повариссимусы. Нашивок на весь рукав!

Ленивый голос Моды приобрел покровительственный командный оттенок.

М-да, пожалуй... да-да, именно этого сидра мне и хотелось, благодарю вас. Налейте... да нет, давайте сюда весь бочонок, так проще, пожалуй... А вы, капрал, как вас там... Твурл, что ли? Намажьте-ка мне лепешку малиновым джемом, да не жалейте, погуще... Экий вы, право, неловкий... Откуда только лапы растут, во, во... Ха-ха-ха, вот это жизнь!

Летнее солнце соскальзывало к западному горизонту, потрескивал костерок, Моды размякла у ствола

старого дуба. Весь день в пути, если не считать краткого отдыха с развлечениями в гостях у старого Бангвена... Моди начала клевать носом, глаза ее закрылись... И вдруг сон исчез. Две зеленые ящерицы с веревкой в лапах скользнули справа и слева от нее и исчезли за стволом дуба, у которого отдыхала зайчиха.

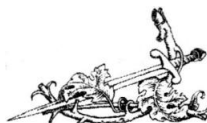
— Какого черррр...

Но узел за стволом уже захлестнулся. Моди напряглась — тщетно. Вербки держали крепко.

— А ну отпустите, придурки! Хуже будет!

Ящеры высыпали из кустов. Самый крупный, тот, которого Моди уложила первым, подошел ближе. Он показал на свою вспухшую челюсть и прошипел:

— Сссссмотри... Узнаешиишшь сссевою работу? Ссссейчас заплатишшь...

Орквил Принк свою первую ночь за стенами аббатства коротал в канаве. Юный ежик грустил, свобода больше не радовала его. Он вдруг обнаружил, что вздрагивает от каждого звука, даже от шелеста листьев, вызванного легким ветерком. Полностью растерявшись, он даже не подумал о ночном отдыхе, по инерции продолжал шагать по тропе, все ближе приближаясь к канаве. Наконец он споткнулся о ее край и рухнул вниз.

К счастью, воды в канаве осталось не много, Орквил плюхнулся в жидкую грязь, затрепыхался, зашлепал лапами по вонючей цветущей жиже. Иголки па его голове запутались в траве, и он вообразил, что стал жертвой какой-то страшной ночной гадины. В панике он завизжал и рванулся, вырвался и, спотыкаясь, мет-

нулся прочь, так и не узнав, что стал жертвой безобидной кочки.

Все еще всхлипывая, Орквил забрался повыше и спрятался в густой растительности склона канавы. Втиснувшись меж двух веток куста, покрытый липкой грязью ежонок горевал, вспоминая уютный Рэдволл. Увы, не попасть ему туда целый сезон. Он стер со щеки грязную слезу. Дожить бы до конца сезона!

О, милое аббатство! Смеяться и шутить с друзьями в теплом, уютном Пещерном зале... А ужин... горячий суп... свежие булочки... хрустящая корочка... А мягкая постелька... пахнущее лавандой одеяльце... мягкая подушка под головой...

Орквил слизнул соленые слезы, выплюнул грязь. Бедный он, бедный... И за что? Разве он виноват? Эти, которые остались в аббатстве... Ох уж яти скучные взрослые! Нет у них чувства юмора. Шуток не понимают. Они же всё получили обратно. Ну почти всё. Даже если не всё. Разве это причина для того, чтобы выгнать милого малого ежика в глушь лесную, в чащу страшную! Сиди теперь из-за них в канаве, весь в грязюке... Орквил поковырялся в мешке, нащупал в темноте овсяную лепешку, вытащил, принялся ее жевать. Это занятие не мешало ему жалеть себя и осуждать гонителей и мучителей.

А вот если он не сможет выбраться из канавы, что тогда? Налетит буря, хлынет ливень, канава наполнится, мощный поток унесет его и утопит. Может быть, бабуля Гранпик Нибло, собирая водный кресс, обнаружит его бездыханное тело... Орквил представил сцену в деталях. Вот он возлежит на носилках, весь и цветах, едва нос торчит. Вот его приносят в аббатство, малыши ревут, все горюют. Члены совета места не нахо-

дят от угрызений совести. Ага, пожалели теперь? То-то же. Особенно эта Марджа Даббидж. И Фенн... Синяя Лапа. Они понимают, что виноваты в смерти юного страдальца. Отец настоятель Даукус печально качает головой и тут же решает, что никто больше никогда не будет изгнан из аббатства на сезон. Рэдловльцы навсегда запомнят жестокий урок, полученный от юного Орквила Принка, доброго милого существа, жизнь которого оборвалась на заре сезонов.

Орквил дожевывал лепешку, переполненный чувством глубокого уважения к своей персоне. Ведь он спас ценою своей жизни многие грядущие поколения Рэдловльцев. Конечно спас. Наверное, на его могиле воздвигнут мемориал. И день памяти Орквила Принка будут отмечать каждое лето. Тут он не удержался и вскрикнул от полноты души:

— Поняли теперь, да?

Крик его вспугнул двух дремавших неподалеку дроздов, которые шумно вспорхнули из куста. Тут уж испугался сам Орквил. Он задрожал, сжался и вскоре заснул.

Прекрасная штука — свет нового дня. Он прогоняет ночные страхи. Согревающие лучи солнца проникли сквозь листву, разбудили Орквила. Он потянулся, зевнул, забыв, где находится, и снова плюхнулся в грязь. Разразившись руганью, за которую в аббатстве ему бы не поздоровилось, он выбрался по склону канавы на трону.

С жадностью проглотив лепешку и яблоко, ежонок продолжил путь, не обращая внимания на грязь, налипшую на иголки. Мысли его продолжали бродить от темы к теме, перепрыгивать с предмета на предмет.

А что, если он встретит милое семейство каких-нибудь лесных жителей... сонь или полевок... Они живут в миленьком домике на берегу реки. Он им будет помогать, они его приютят. Можно с ними пожить и подольше, возможно два сезона.

Орквил усмехнулся. Вот и аббатстве-то забеспокоят-ся, когда он осенью не вернется! Лапы сотрут, по лесу бегая, разыскивая его. Где ближайшая река на северной тропе? Конечно, река Мох. Он слышал, как Командор Рорк рассказывал о ней, говорил и о броде, где тропа пересекает реку.

Орквил повеселел. Ноги двигались легче. К полудню он вдруг заметил впереди какое-то мерцание и остановился, гадая, дрожит ли это воздух от жары или блестит в отдалении речная вода. Орквил упал на мох, росший в тени у края канавы, развязал свой узелок. Пресные лепешки да фляжка лопуховки, вот и все.

— У-у, противные... Мне вон чего, а сами там обжираются, в аббатстве, — проворчал Орквил. — Сейчас, наверное, на травке закусывают, лето, тепло, солнышко греет... И пудинг, и земляничная вода, и все такое прочее... Гм, а это что такое?

Он открыл маленький пакетик, которого раньше не замечал. Дюжина засахаренных каштанов! Вот это да!

— Вот это да! — крикнул он. — Добрая бабушка Гранпик... Ой! — Что-то больно ударило его в спину. Он обернулся и увидел сороку, собирающуюся снова клюнуть его. — Пошла вон, наглая тварь! — Орквил замахал на птицу кулаками, но та отскочила и замерла, пристально глядя на него.

Статная сорока, черно-белая, нахальная и не из путливых. Она склонила голову набок и сверлила Орквила одним глазом.

Орквил снова поднял сжатый кулак:

— Уйди отсюда, мордастая!

Сорока прыгнула к Орквилу, клюнула его в кулак и ловко отскочила. Юный еж взбеленился:

— Ах ты... Ах ты...

Птица не испугалась. Она насмешливо крикнула:

— Р-раха-хар-р.

Орквил схватил посох, на котором нес свой узелок, намахнулся. Сорока отскочила, Орквил бросился за ней, размахивая своей палкой:

— Ах ты, клювоносый мешок перьев!

Сорока взлетела, но не улетела прочь, а порхала вблизи, уклоняясь от бестолковых ударов Орквила. Ежонок подобрал камень и запустил в птицу. На этот раз сорока рванулась в сторону, затем взлетела над тропой и устремилась к деревьям. Орквил погрозил ей посохом:

— Ага, испугалась! То-то же! Попробуй появишься рядом еще раз! Я тебе быстро клюв сломаю.

Он отвернулся от противной птицы и вернулся к завтраку. Но завтрак исчез! Исчезли лепешки, исчезли каштаны. Остался платок, осталась фляжка, но все ее содержимое вытекло на тропу.

Ярость Орквила возросла, когда он услышал, как орут на дереве сороки, дерущиеся из-за его провизии. Он побежал к ним, размахивая палкой, но грабители просто взлетели повыше, продолжая уплетать украденную пищу и насмехаясь над ним. Орквил, вне себя от злости, скакал под деревьями со своим посохом.

— Ворюги, наглые грабители, бандиты! Погодите, я до вас доберусь!

Сороки, чувствуя себя в полной безопасности, поглядывали на него вполглаза, доклевывали лепешки

и, казалось, развлекались, глядя на упражнения Орквила. Он швырял в птиц камнями, комьями грязи — все впустую. Наконец он опустился наземь, не глядя на презрительно скачущих по веткам сорок. Птицы чистили клювы о ветки и сбивали на голову ежонка попадавшие под клювы листья.

Орквил посидел, погоревал, потом встал и, повесив голову, направился подальше, сопровождаемый презрительным сорочьим хором. Грязь между иголками высохла. Приходилось нести на себе бесполезную ношу, к тому же кожа под грязью жутко чесалась. Где же этот брод, где река, помыться бы наконец, смыть с себя грязюку. А тут еще эти воры...

Тут ему вспомнилось, что так же еще вчера называли в аббатстве и его самого.

Тени уже снова начали удлиняться, когда он увидел брод. Спотыкаясь от усталости, еле волоча ноги, он доплелся до воды, рухнул на берег, тяжело вздохнул и припал к источнику живительной влаги. Свежая вода! Орквил напился, потом перекатился в воду всем телом, поднялся и вошел поглубже. Позволил течению отнести себя вдоль берега, схватился за свисающую ивовую ветку, задержался на месте. Лапы едва доставали до дна. Орквил погрузился с головой, вынырнул, отфыркнулся, нырнул снова... Отмылся и освежился, не переставая радоваться живой, бегущей воде. Тут на берегу появился новый зверь — водная полевка. Орквил, не забыв уроков хороших манер, вежливо махнул лапой:

— Добрый день, сэр!

Пришелец хмуро глянул на ежонка:

— Не важно, какой день, а вот кто тебе разрешил тут воду мутить?

Орквил дружелюбно улыбнулся:

— Прошу прощения, я не знал, что нужно разрешения спрашивать. Я просто помылся.

Полевка махнула лапой в обе стороны, вверх и вниз по течению:

— Вон сколько места, а ему, видишь ли, обязательно надо у меня в воду влезть. Небось мой водный кресс ворует?

Орквил все еще старался лести себя вежливо:

— Нет, сэр, ничего не ворую. Честно говоря, у меня украли все припасы. Там, на тропе. Стая сорок-разбойниц.

Собеседник его злорадно ухмыльнулся:

— Так тебе и надо. Поделом. Сам виноват, не я же. К моему крессу-то они не подберутся. Пусть только попробуют! А ты проваливай поскорее...

Орквилу вдруг расхотелось разговаривать вежливо. Он уже собирался обругать наглого жадину, как вдруг тот сменил тон и почти ласково попросил:

— Дружок, глянь, какой кресс там вырос, возле тебя, совсем рядом. Нарви-ка мне его, сделай одолжение.

Орквил обрадовался. У него появилась возможность осуществить свой план. Он поможет этому сварливому существу, а оно увидит, какого полезного помощника послала ему судьба. Так он, глядишь, и останется здесь, у реки, па весь сезон. Он пробрался к зарослям кресса и принялся срывать зелень целыми охапками.

— Конечно, сэр. Меня зовут Орквил Принк, всегда рад помочь. Скажите, когда хватит. Держите, сэр!

Он срывал кресс и подавал его наверх, на берег, а полевка укладывала урожай, притаптывала, накладывала

вала сверху. Ежик работал и продолжал светскую беседу:

— Хороший кресс, сэр, сочный. Что вы из него делаете, салат?

— Салат, салат... А сегодня и на суп хватит, с грибами и креветками...

— Прекрасно звучит, сэр! — прищелкнул языком Орквил. — Никогда еще такого супа не пробовал.

— И не попробуешь. — Полевка снова забыла про вежливость. Более того, она вдруг вытащила из травы лук и колчан со стрелами, наживила стрелу на лук и прицелилась в Орквила. — Проваливай отсюда, Коркил Свинк, или как тебя там... Вали откуда пришел или куда хочешь. Пошевеливайся!

Орквил, пораженный подлостью этой водной мыши, аж задохнулся от возмущения:

— Ах ты, жадная тварь! Наглая вонючка! Да если бы я знал...

Противник его натянул тетиву:

— Заткнись и проваливай, пока я добрый. Считаю до трех, а потом выстрелю, вот как. Раз...

По злобному сверканию глаз полевки Орквил понял, что продолжать беседу опасно. Он развернулся и поплыл обратно к броду.

Орквил выбрался из воды. Вечерело. Он опустился на берег, отдышался, думая о подлой полевке и слушая урчание голодного желудка. Попробовал поискать что-нибудь съедобное, но ничего не нашел, потому что раньше этим не занимался.

А все из-за того, что вырос в аббатстве, подумал он. Там ведь тебя кормят, не нужно ничего искать, все приготовят и подадут. И ведь как вкусно приготовят! Ни в земле рыться не надо, ни на деревья лазить, ни в

траве шарить. Правда, в школе аббатства учили, как выжить в условиях дикой природы, но Орквил прилежанием не отличался и уроки чаще всего пропускал. Сколько в жизни несправедливости, решил Орквил. Голод, однако, заставил его продолжить поиски ужи-
на.

К броду он вернулся уже затемно. Закусил корнями одуванчика, нашел несколько ягод, не замеченных птицами, кислое яблоко и еще какое-то растение, которое считал съедобным, но не знал, что в нем есть, вершки или корешки. Подумал — и съел его целиком. Затем жадно припал к потоку, напился воды, чтобы заглушить не отступавшее чувство голода. Усевшись на берегу, принялся обдумывать свое положение.

Решение пришло тут же. Его заклеямили вором — что ж, следует извлечь из этого пользу для себя. Он отбросил неаппетитные недоеденные остатки, перебрался на другой берег и направился вниз по течению. Где-то там находилось жилище негостеприимной полевки, оттуда заманчиво пахло супом и огнем костра.

Перед ним непростая задача: разлучить аппетитный суп и неаппетитного повара этого супа. Проблему эту ему, однако, разрешать не пришлось, а пришлось ему быстренько спрятаться, затаиться под кустом. Откуда-то вынырнула нечисть — пара крупных речных крыс. С поваром ароматного супа они церемониться не стали. Главный сжимал в лапе здоровенную дубину.

Сейчас мы эту шмакодявку по башке шмякнем, вот супчик-то и наш, — поделился он планом со своей подругой и облизнулся.

Его подруга тут же вытащила из-под драной заса-
ленной юбки ржавый зазубренный нож.

— Супчик-то мы съедем. — Она тоже облизнулась и добавила: — А потом с ним позабавимся.

Орквил, в жизни не встречавший нечисти, не на шутку перепугался. Едва дыша, он наблюдал, как крысы обшаривали берег, разыскивая вход в жилище полевки. Вот самка нашла хитро замаскированное входное отверстие и подпрыгнула от восторга и нетерпения.

Не тычь в него своей железякой, прикончишь,— проворчал самец. Дубина его надежно усыпит. А потом театр устроим, поразвлечемся вволю. Пусти меня вперед.

Они исчезли в норе. Орквилу неприятно было даже думать о том, что сейчас произойдет. Он перепрыгнул за ствол упавшего дерева, обдумывая ситуацию. Собственно говоря, не его это дело. Тем более этот «водяной» такая неприятная особа. К тому же крысы эти... здоровенные твари, вооружены, убить живое существо им ничего не стоит, да и не просто убить, они радуются, мучая других. Предположим, он попался бы в лапы этим негодьям, стал бы этот жадина ломать голову над его спасением? Конечно нет.

Орквил услышал пронзительный крик и вслед за этим грубый гогот крысы. Почти сразу из пещеры появилась крыса, волокущая «водяного» за задние лапы.

Тащи сюда котел, пожрем на свежем воздухе,— бросила она подруге по разбою. — Гы-гы, слышала, как орал? Пришлось два разика ему врезать, чуть сам в свой суп не ухнул, придурок, га-га-га... — Она связала жертву обрывком какой-то веревки.

Подруга вернулась в пещеру и снова появилась на берегу с увесистым котлом, пыхтя и приговаривая:

— Ммм, хороший супчик, наваристый супчик, креветок много, улиток много...

Обе занялись котлом, загребая суп лапами, обжигаясь, хлюпая, чавкая, сопя, шмыгая носами, притопывая и вырывая друг у друга приглянувшиеся кусочки. Поначалу пасти их занимались лишь пищей, но вот самца посетила гениальная мысль, и он тут же ее высказал:

— А когда сожрем все, сунем его в котел с парой бульганов покрупнее да позырим, далеко ль он вдоль по речке уплывет, га-га-га...

— Не-е-е, котел жалко. Лучше мы его в котел-то сунем, да не в речку, а на костер, да суп из полевки сварим, хи-хи-хи... тут же отозвалась подруга.

В этот момент Орквил не выдержал. Повинуясь непонятному порыву, он перехватил посох поудобнее и ринулся на нечисть. К счастью, напал он сзади, крысы его не заметили, не то плохо бы ему пришлось.

Удачный удар посохом оглушил разбойника. Тот рухнул на лежавшую у его ног дубину. Подруга его повернулась к Орквилу, оскалила зубы и быстро выхватила нож. Но Орквил оказался быстрее. Вух! Ударом по лапе он вышиб у крысы нож. Бах! Тычок посохом в живот — и крыса согнулась пополам. Бряк! Удар по макушке оглушил и второго противника.

Орквил опустил посох и замер. Надо побыстрее соображать. Что теперь? Так, прежде всего связать обеих крыс. Он развязал хозяина, все еще валявшегося без сознания, подволок обеих крыс к дереву, усадил спинами к стволу и связал их лапы. Затем вернулся к полевке. Надрал мха, смочил его, приложил к ране на голове.

— Ты противный старикашка, водяной, — приговаривал Орквил. — И помощи вовсе не заслужил за то, как со мной обошелся. И поэтому за помощь заплатишь мне супом. Вполне справедливо, по-моему. Миска супа за твою жалкую жизнь. Большого ты и не стоишь.

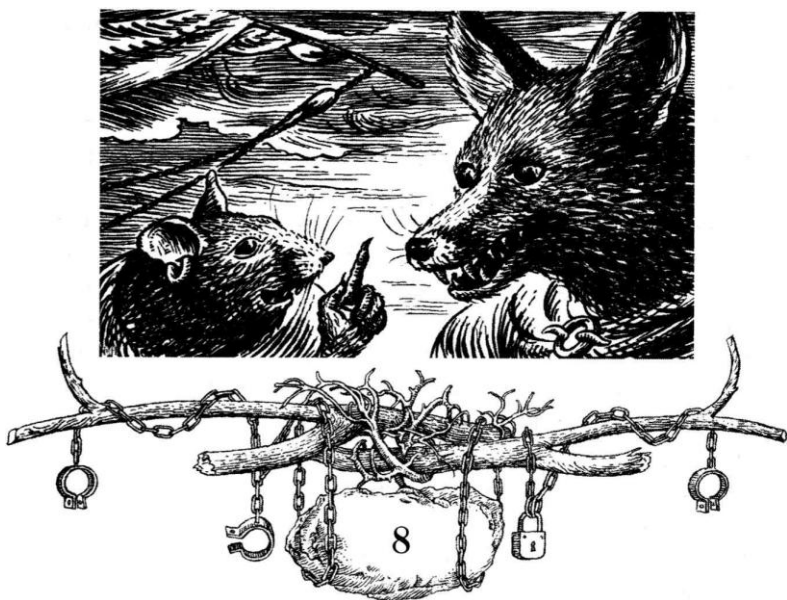
Орквил сбегал в пещеру, нашел миску. Наполнил, съел, зачерпнул миской еще раз... и еще раз. Жизнь жадной полевки оказалась втрое дороже, чем оценил ее Орквил. Жадина тем временем начал шевелиться, застонал, пришел в себя. Глаза его открылись, с жалобным выражением физиономии он начал оглядываться. Орквил бухнул рядом с ним пустую миску.

— Вон тебе в подарок две крысы, которые точно заслуживают твое гостеприимство. Гм... А суп у тебя вкусный, спасибо... хоть ты никакого «спасибо» и не стоишь.

И он пустился в путь, направился вниз по реке. Невдалеке от берега его внимание привлекла лужайка, поросшая нежной зеленой травкой. Им овладела усталость. Неравный бой, возбуждение, вызванное победой, да еще тяжесть трех мисок густого супа в животе... Травка, папоротники... упругая живая постель манила, и ежик поддался соблазну. Он опустился на мягкое ложе и тут же уснул.

Он спал, спокойно посапывая, а постель его медленно опускалась в трясину. Орквил улегся в болоте.

Впередсмотрящий «Кравявой кешки» заметил землю по правому борту, и Виска Длиннозуб приказал следовать вдоль берега. Погода улучшилась, потеплело. Уже четыре дня Горас был прикован к мачте. За все время ни крошки пиши, лишь во время дождя удавалось пить. Молодой барсук заметно отощал, корка, закрывшая рану на голове, напоминала какой-то причудливый чепец, сползший на один глаз. Но, несмотря на голод, жажду и издевательства, он не сдавался. Лишь врожденное упрямство мешало золотистому лису понять, что этого зверя ему не приручить.

Тихим летним утром Виска, как всегда, завтракал неподалеку от Гораса. Причмокивая и похваливая, он хлебал из миски овсяную кашу с медом.

— О Горас, ценю твой труд, хороший овес ты вырастил на своей ферме. И мед отличный, густой и сладкий.

Барсук не глядел в сторону лиса и не видел, как тот протянул ему миску:

— Тебе понравится, Каменная Башка, поговори со мной, получишь... — Не дождавшись ответа, лис вздохнул. — Что ж, ежели ты сыт, покормим рыбок. — Виска выплеснул остаток каши за борт и потянулся за линьком. — Покормлю тогда тебя вот этим, может, больше понравится.

Тут, однако, к нему подбежал Кодж, тыча лапой в сторону земли:

— Кэп, там речка, вон, вон!

Виска поднес лапу к глазам и прищурился. Действительно, песчаный пляж пересекала широкая река.

— Расспроси команду, брат. Может, кто знает эту реку.

Кодж побежал выполнять поручение. Он быстро вернулся с судовым коком, толстой старой Глурмой. У многих капитанов служила Глурма, где только не пришлось ей побывать за долгую жизнь...

Ну, что скажешь? — поторопил ее капитан.

Глурма обстоятельно вытерла грязные лапы о грязный передник.

— Да, кэп, видала я эту реку. Река Мох, а течет она из страны Цветущих Мхов.

Виска махнул рулевому в сторону реки:

— И вверх по реке ходила?

— Точно, кэп, точно, было такое. Давно, тебя еще на свете не было.

Она сунула в рот коготь, ковырнула им между зубов и принялась его сосредоточенно грызть. Виска отмахнул ее лапу от пасти и потребовал:

— Расскажи подробнее.

Глурма шмыгнула носом, сплюнула за борт:

— Капитан Болджан, помню это я, да... «Зуб акулы», да, служила я, это, тогда у Болджана на «Зубе акульем», вот... А искал он монастырь какой-то, как сейчас помню, да... Да только не нашел. Не дошли мы дотудова. Там, повыше по речке, брод, мелководье... Да, так вот, у этого мелководья навалилась на нас туча землероек да выдры здоровенные. Бешеные эти землеройки, как только нас не заели... Еле ноги унесли. Помню, здорово мы радовались, как от них удрали.

Виска Длиннозуб размышлял, скрестив лапы перед грудью:

— «Зуб акулы»... знаю, слышал... Вы б еще в ореховой скорлупке туда... Болджан тоже мне, капитан... Собственной тени боялся... Ха, аббатство Рэдволл — вот как этот город называется! Он схватил Глурму за шиворот. — Что о нем капитан Болджан рассказывал?

— Кэп, я скажу, все скажу, только у меня в памяти все одно о другое стучается, ты из меня душу вытрясешь. Может, отпустишь?

Виска отпустил повариху. Она вздохнула и продолжила:

— А и точно, Рэдволл, так и Болджан его кликал, вспомнила я, старая. И дорогу он туда знал, потому карта у него была нарисованная, все значки, значки, закорючки всякие... На коре березовой. До брода по реке, а потом надо по суше, все к югу. И топать, что ли, день или даже поболее. А там уж и глазом видать, тор-

чит над лесом высокая-превысокая башня, таких больших и нет нигде...

Горас сидел возле мачты не шевелясь, как будто ничем не интересуясь. Но сердце его бешено забилося. Аббатство Рэдволл! Страна Цветущих Мхов! О нем рассказывал ему дед. Барсук справился с волнением и старался не пропустить ни слова.

Виска Длиннозуб уже распоряжался:

— Отдать якорь, парус спустить! Кодж, команду на палубу, меня слушать!

И вот разбойничье судно замерло на якоре в устье реки.

Горас слегка приподнял голову. Солнце, дюны, грубая трава... В отдалении лес... А где-то за лесом аббатство.

Спину кольнул удар линька.

— Чего уставился? Так и подохнешь здесь, у мачты, травки тебе уж не мять, если за ум не возьмешься. Сдохнешь здесь, обещаю. Мне-то все равно, в море тебя скинуть или в речку.

Виска подождал, пока соберется команда. Нечисть неслась к капитану со всех ног, всех интересовало, что они сейчас услышат. Лис подхватил двузубые вилы Гораса и указал ими вверх по течению:

— Аббатство Рэдволл, слышали о таком?

По толпе нечисти пронесся рокот. Виска чуть выждал и продолжил:

— Кто-то рассказывает, что там богатства не счесть, другие говорят, что враки всё. А вам интересно? Может, проверим?

Ему ответил единодушный рев множества глоток. Наконец-то капитан дело говорит! Богатое аббатство!

А то — по Северным островам болтаться, грабить фермеров, которые сами голодают.

Капитан широко улыбнулся, обнажив все свои острые зубы:

— Идем на Рэдволл, ребята! Но дело это серьезное, и мне нужны верные товарищи, которым можно доверять. Так ведь?

Команда с энтузиазмом завопила:

— Так, капитан!

— Мы с тобой, кэп!

— На все сезоны!

Капитан вдруг повернулся к Гривелу и его друзьям, Фирогу и Дерджи. Голос его зазвучал особенно ласково:

— Ха, ребята, а кто из вас троих поведет отряд на Рэдволл?

Все трое рванулись вперед, позабыв про дружбу.

— Я, кэп!

— Меня, меня!

— На меня можно положиться, капитан!

Обиженный Кодж надулся. Он-то полагал, что ему, помощнику капитана, выпадет почетная обязанность вести разбойников. Виска подмигнул Коджу, растянув улыбку, казалось, до ушей. Кодж, знающий цену улыбки брата, благоразумно помалкивал.

— Кого из этой троицы выбрать? — обратился капитан к команде. — Все трое ребята хоть куда.

Теперь все заорали вразнобой, каждый кричал свое, начали уже и пихаться, замахиваться друг па друга. Дав им поорать, капитан взмахнул Горасовым двузубцем и призвал к тишине:

— А пусть-ка они решат сами, в честной драке. Кто в живых останется, тот и поведет.

Снова вопль полного согласия. Мудрый у них капитан!

— Точно, кэп! Честная драка! Лучший победит!

Пираты образовали круг, в центр которого выпихнули троих кандидатов в командиры отряда. Те неуверенно переглядывались, зная, что против воли Виски не попрешь. Капитан взмахнул вилами.

— Вперед, молодцы, и никакой пощады! Посмотрим, кто лучше всех годится в командиры.

Гривел первым неохотно схватился за свою абордажную саблю, вздохнув:

— Что ж, выбора нет...

Фирог, не колеблясь, выхватил меч и проткнул Гривела. В тот же момент черная крыса Дерджи, у которой меча не было, но имелся кинжал, вонзила Фирогу свое оружие между лопаток. Фирог удивленно вздохнул и бесшумно рухнул. Команда, как будто отрезвев, рассматривала два валявшихся у их лап трупа.

Дерджи повернулся к капитану, вытер клинок о свою грудь:

— Я победил, кэп. Мой отряд.

Виска печально покачал головой:

— Нет, Дерджи, нет. Ты убил троих членов экипажа, хорош командир...

— Троих? — удивился Дерджи. — Тут только двое.

Виска наслаждался своим актерским талантом и хитроумием. Он повысил голос, зывая к команде:

— Вот, ребята, этот тут плохо считает, только до двух. Они втроем замыслили против меня, против нашего общего дела. Бедняга Сники об этом узнал, и Дерджи отправил его за борт. Так, Дерджи? Не таись.

Дерджи не знал, что ему и сказать.

— Нехорошо, Дерджи, плохо. Капитан должен знать обо всем, что творится на судно. Верно, Глурма?

Повариха кивнула. Команда поняла, что место ступача пустовало недолго.

Глурма потихоньку скрылась в камбузном люке, сопровождаемая недобрыми взглядами нескольких матросов. Однако Виска только что пообещал золотые горы тем, кто хранит ему верность.

— Что ж, ребята, отряд поведет Кодж. Возьмем аббатство, разграбим его, разнесем, все наше будет. На все лапы добычи хватит.

При упоминании грабежа и добычи команда вновь повеселела. Вновь у Виски полным-полно верных друзей.

Лис оперся на древко вил, улыбаясь толпе подчиненных:

— Да, ребята, жратва, грог, добыча... Все, чего душа желает. Для всех, кроме одного. Ну, с ним-то вы разберетесь. Нет на борту места для бунтовщиков. Оставляю его вам, а сам пойду в каюту, скорбеть о потерях.

Множество клинков взметнулось в сторону Дерджи.

Перед дверью в каюту Виска задержался, вслушался в последний вопль Дерджи, перешедший в хрип, в последовавший за этим всплеск за бортом. Виска смахнул с глаза воображаемую слезу:

— О, сколь печален день сей...

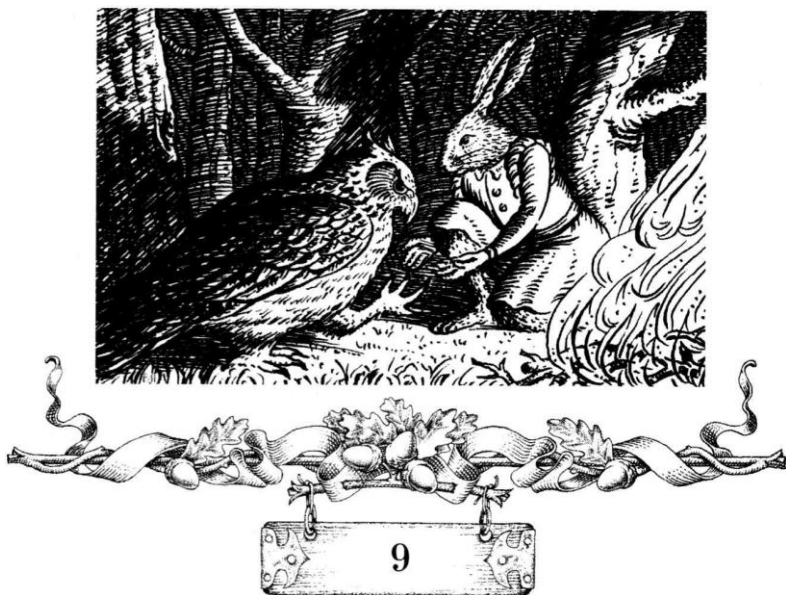
К вечеру «Кравявая кешка» углубилась вверх по течению в дюны. С бортов шестами промеряли глубину, две группы матросов сошли на берег и тянули судно на буксире. Горас глядел на берег, на песчаные холмы. Свобода близко, но он далек от нее. Команда

уже захрапела на своих рундуках и в гамаках, когда Горас, оставшись на палубе один, в который раз обследовал цепь. Прочная цепь, новая, не ржавая, не порвать ее, не сломать. И замок весьма солидный, тяжелый, прочный. Ключ скорее всего у самого капитана или у его брата. В замках Горас не разбирался, вообще никогда в жизни их не видел до этого прискорбного происшествия. Он поковырял в дырке для ключа когтем, но ничего не добился. Вертел замок, обнюхивал, даже куснул... Надо, надо освободиться и попасть в Рэдволл.

Голод, усталость, переживания свалили его, и он заснул. И увидел во сне мышь весьма воинственного вида, в доспехах, вооруженную сверкающим мечом. Мышь эта обратилась к нему с такими словами:

— Не суждено тебе сгинуть среди нечисти. Жди во-ра юного. И не теряй надежды.

Вешеная Моди Магзбери Тропл никогда не была плаксой и растяпой. Даже примотанная к дереву, окруженная ящерицами, не теряла она боевого духа. Когда крупная ящерица в запале приблизилась к ней, она, не раздумывая, погрузила ногу в ее пятнистое бледно-зеленое брюхо. Противник сложился пополам, и она припаяла ему передней лапой по месту, в котором у всех нормальных зверей предполагается зад. И все ему высказала:

— Ты, слюнявый недоумок, не думай, что меня испугал, во, во. Ни ты, ни твоя мелкая шупшера...

Ящер откатился от нее подальше и с трудом прошипел:

сСсссдохнешшшь, сссивоухая...

Моди презрительно двинула ушами.

вздрагнула, когда перед носом у нее мелькнул страшный изогнутый клюв. Этот хищный крюк не нанес ей, однако, вреда, а лишь перерезал веревку. Голова повернулась вокруг шеи почти на полный оборот, птица выпалила скороговоркой:

— Прошу прощения, мадемуазель, я вас оставлю ненадолго, беседа с ящерицами еще не завершена.

Со свистом взмахнули крылья, мощный прыжок — и птица снова вознеслась, рисуя замысловатые петли.

«Эйшо Бардвинг!» — мгновенно выскочило имя к голове Моды. Друг Бангвена-отшельника.

— Эйшо Бардвинг... И как он вовремя, во, во! Гм... И куда это он так заторопился?

Моды снова раздула костерок, добавила веточек. Уже полностью стемнело, и Моды сидела у огня, гадая, вернется ли Эйшо. Он вернулся, когда Моды снова начала клевать носом. Бухнувшись возле костра, филин вежливо поклонился:

— Прощения прошу, прощения... Как вас зовут, сударыня?

Моды встала, присела в реверансе:

— Меня зовут Моды, во, во, а вы, конечно, Эйшо Бардвинг, сэр.

Громадные глаза филина, казалось, стали еще больше.

— У-у-у! Магия! Она знает мое имя!

Моды хихикнула:

— Нет-нет, никакой магии. Ваше имя назвал мне ваш старый друг Бангвен-отшельник.

Эйшо повертел своей крупной головой:

— Никогда о таком старом друге не слыхивал. Значит, магия. Моди-маг. У моей старой тети Кордулии была кузина Моди, дочка дяди Вилфрума. И что вы, сударыня, изволите здесь поделявать?

Моди охотно объяснила:

— Я, значит, барсука ищу, во. Здоровый барсучище, и изгнанник обязательно при нем. Вы его, часом, не заметили, сэр?

— Ни днем, ни часом; не видел и не слышал. С прошлого сезона никого здесь из пришлых не видел, кроме вас, магическая девушка с магическим огнем.

Моди подбросила в костер веток:

— Да ничего в этом костре магического, во...

Эйшо погрозил ей когтем-кинжалом:

— Экхе-кхе, уж магии-то мне не знать... И по когтям гадать магия может.

Моди не захотелось показаться своему спасителю неблагодарной.

— Ну разве что немножко по когтям, — согласилась она.

Эйшо тут же радостно захлопал крыльями и возбужденно завертел головой:

— Может, может! — И он тут же сунул под нос Моди когтистую лапу, впопыхах забыв про свои поклоны да расшаркивания. — Давай, гадай, скажи, будет у меня невеста, будут маленькие филинята?

Моди видела, как зайчихи долгими зимними вечерами гадают по лапам в Саламандастроне. Никто в это гадание толком и не верил, так, шутки ради, чтобы время провести. Лапа Эйшо, конечно, сильно отличалась от заячьей, но почему бы не попробовать?

— Прошу, прошу сюда ваши когти, сэр!

Эйшо вытянул лапу, вооруженную четырьмя мощными кривыми когтями. Моди едва сдержалась, чтобы не зажмуриться от произведенного на нее этой убийственной лапой впечатления.

— Теперь прошу вести себя смирно, лапой не дергать, во. Итак, нас зовут Эйшо Бардвинг?

— Нет, это нас зовут Эйшо Бардвинг из Большого Гнезда Бардвингов. А откуда ты это имя знаешь?

Тут Моди поняла, что памятью сезоны эту птицу обделили. Что ж, грех этим не воспользоваться.

— Я знаю это, потому что я Магическая Моди. Знаешь ли ты крота по имени Бангвен-отшельник, о пернатый?

— Да-а, — протянул Эйшо. — Знавал я болтуна Бангвена.

Моди провела лапой над когтями Эйшо, как будто муху отгоняла. Ей казалось, что жест этот почти колдовской — и филину тоже так почему-то покаталось.

— Спокойствие, мой пернатый друг. Вижу судьбу твою в сияющих когтях судьбы, в сияющей дали. Вот-вот, во-во, вижу я Большое Гнездо Бардвингов, вижу птицу по имени тетушка Кордулия.

— Ух ты, она и тетушку знает-видит, Мистическая Могулия, смотри-ка ты... И что тетушка сказала?

Моди всмотрелась в когти, осторожно потрогала один:

— Она говорит, что сезоны твои будут долги и счастливы, если будешь поменьше лопать ящериц, а побольше овощей и зелени.

Эйшо недовольно забулькал горлом:

— Овощи... Пусть сама огурцы клюет, старая... Ну а зелень... Что ж, я люблю зеленое: ящерицы, лягушки,

жабы, тритоны... Очень зелененькие все и вкусные, вкусные... А еще чего?

— А еще... Во-во-во! А еще встретишь ты, Эйшо, пернатую красавицу рода своего. И тогда не обижай ее, пожалуйста.

Эйшо от радости дернул лапой, чуть не отхватив зайчихе нос.

— Еще скажи, еще!

— Будешь хорошо себя вести, она выйдет за тебя замуж. И отложит много яиц, целую кучу! А дальше я ничего не вижу, туман сплошной, во...

— Я буду себя хорошо вести! А яйца — это птенчики, я знаю... И ты, конечно, знаешь, не зря же ты Магическая Моды. Спасибо, спасибо тебе!

О, ничего, не стоит благодарности. Мы, магические зайцы, рады услужить славным филинам, во...

— И должен тебя отблагодарить. Сейчас для тебя спюю. Редко кого удостою я такой чести, а для тебя...

И он взлетел в крону дуба. Порывшись там, он выволок маленькую лиру и принялся ее настраивать, пробовать струны и голос.

Трень-трень-трень...

— У-гу-гу-у-у-у-у...

Брень-брень-брень...

— Ху-ху-ху-у-у-у-у...

Лапы зайчихи едва не вскинулись к ушам, но она собралась с духом и даже выдавила слащавую улыбку.

Филин напыжился, надулся и разразился ужасающим уханьем, в котором с трудом угадывались слова какой-то совиной баллады.

Долго еще у Моды звенело в ушах. Пересилив себя, она захлопала лапами и принялась нахваливать ис-

полнителя сразу же, как он захлопнул клюв и опустил инструмент.

— Потрясающий голос! Какая сила, мощь, в жизни такого не слыхала, во!

Эйшо скромно поклонился:

— Ну, раз тебе так нравится, я еще спою.

— Нет-нет, побереги свое горло для милой подружки. которую обещала тебе тетушка.

— Гм... Пожалуй, ты права, Модная Моги... Ух, что с тобой?

Моди томно поднесла лапу ко лбу:

Нет, ничего особенного... Просто три-четыре камня этих безобразников... Да и усталость сказывается...

Эйшо засуетился:

— Да, да, ложись да отдохни, засни до утра. А об этих хвостатых можешь не беспокоиться. Я уж за ними присмотрю.

В эту ночь Моди спала спокойно, зная, что никакой враг ей не страшен, пока в ветвях над ней восседает могучий Эйшо Бардвинг.

Проснувшись Моди уже после восхода солнца, отдохнувшей и посвежевшей. Утро обещало добрый летний денек. В лесу повсюду распевали птицы, уже стрекотали кузнечики. Хорошо в лесу! Моди осмотрелась, зевая и потягиваясь, и тут заметила над собой Эйшо. Филин крепко спал, не замечая, что происходит вокруг него.

Моди, недовольно ворча, подбросила веток в почти угасший костер, вытащила лепешки и принялась греть их возле пламени.

— Х-ха, «ложись да отдохни, засни до утра». «Можешь не беспокоиться, я за ними присмотрю»... Тоже

мне, ночная птица. Сонная тетеря, а не филин. А бедную зайчиху запросто могли сожрать, на куски разорвать. Вот майор Малл тебе бы фитиль вставил... Ну и пусть себе дрыхнет, а я потихонечку с лепешками управлюсь.

— У-ху-уу, как вкусно пахнет! Лучите лягушки!

Зайчиху чуть не сбил с ног порыв ветра из-под крыльев Эйшо. Он рухнул возле костра, беспокойно вертя головой и хлопая глазами.

— У-у-у, у тебя и мед есть, лепешки намазывать!

Зайчиха подумала, не лишит ли соню завтрака, но Эйшо и не спрашивал разрешения. Он уже заgrabал лепешку и, не дожидаясь меда, отправил ее в клюв. Моди поспешила спасти что-нибудь и для себя.

Наевшись, Эйшо принялся вышагивать взад-перед, постоянно вертя головой.

— Работай, голова, работай, — то и дело приговаривал филин. — Это я думаю, думаю, — пояснил он, повернувшись к Моди.

— Слышно, как мысли стучаются, во, — кисло заметила она.

— Вот балда! Мыслей совсем не слышно! — Сегодня Эйшо относился к Моди без вчерашнего почтения.

— Прошу прощения, мне показалось, — поспешила извиниться зайчиха.

— И вот что я надумал. Барсук, которого ты ищешь. Барсук ведь не мышь, в траве не скроется. Зверь редкий, крупный. Куда такому зверю податься? Точное дело, в аббатство Рэдволл. Много путешественников туда навещается каждый сезон.

— Верно-верно, — оживилась Моды. — Ведь и мне велели в Рэдволл идти. Надо мне туда отправляться. Только вот как дорогу найти?

— Знал я дорогу, да, как водится, забыл. Зато помню, кто дорогу знает, и тебя к ним отведу.

Моды быстренько подхватила мешок со скудными пожитками.

— Отлично, пернатый друг. И кто же знает туда дорогу?

Эйшо склоннул прилипшую к когтю крошку.

— Слышала о землеройках Гуосим?

Зайчиха уже стояла с мешком за плечами.

— О, землеройки Гуосим, партизанский союз Цветущих Мхов! Конечно, конечно! Встречались мы с ними. Отличные ребята, спеть любят, повеселиться, пир горой закатывают.

Они пустились в путь. Зайчиха топала по лесу, Эйшо Бардвинг летел над деревьями, то и дело спускаясь пониже, чтобы поболтать.

— Я как раз собирался зачем-то в гости к Гуосим, да забыл зачем и забыл, что собирался. Стар я, должно быть, стал. Голова дырявая, ничего не помню.

— Ничего, ничего, — утешила Моды. — Главное — дорогу не забыть. И не заблудиться.

— Х-ху-ху-ху! Здесь заблудиться? К Камышовому Садку не выйти? Да я туда с завязанными глазами и со связанными крыльями долечу.

Они шли и шли. Лес становился все гуще, трава под ногами уступила место мху.

— Камышовый Садок! Да как тут с дороги сбиться... Никак, никак не сбиться.

Эйшо настолько был уверен в себе, что Моды начала подозревать, что они заблудились. Однако

вскоре она услышала пение множества голосов, молодых и старых, звонких и гулких.

Я с твоими столкнулся с папой-мамою, у-ух,
И мне лапу разрешили попросить твою, у-ух,
А теперь ты мне ответь как на духу, у-ух.
Любишь ли меня, как я тебя люблю, у-ух?

Промычит тебе корова му-у-ух,
Ну а рыба промолчит — и в глубину, у-ух,
А поухать я зову сову, у-ух!

Мы взлетим с тобою в синеву, у-ух,
Для тебя поймаю бабочку, у-ух,
В небе счастливы мы будем и в лесу, у-ух,
И но брошу, не обижу я любимую, у-ух!

Прилипалы прилипают,
Прилипалы на клею, у-ух,
Отлепить нельзя, однако, от совы сову, у-ух!

Моди от радости принялась подпрыгивать и приплясывать на ходу. Эйшо озадачился:

— Что это они такое рассказывают? Мне что-то не понять.

— Ну и что? — утешила его Моди. — Песню поют ведь не обязательно, чтобы что-то рассказать. Можно и просто для развлечения петь, для веселья.

Камышовый Садок оказался небольшим прудом среди поляны. Конечно же, и камыша там росло предостаточно, и землероек оказалось видимо-невидимо. Все эти мелкие существа с колючей шерстью и вытянутыми мордами, вооруженные короткими рапирами подвешенными на кожаных поясах с металлическими пряжками, одевались в юбки-килты.

Более никакой одежды они не носили. Посетителей они не испугались, кроме одного воинственного типа, который вытащил свою шпажонку и заступил гостям дорогу:

— Вы куда это направились?

Моди слегка кивнула, повелительно шевельнула ушами. Она знала себе цену и умела обращаться с такими юнцами. Уставившись на землеройку холодным взглядом, она процедила сквозь зубы:

— Я курьер повелителя Саламандастрона Пепельного Глаза, милейший. Будь добр, доложи обо мне своему вождю, да поскорее, во.

Землеройка немедленно сорвалась с места и побежала выполнять поручение, а Моди и филин последовали за ней. Эйшо одобрительно ухнул:

— Ху-ху, магия, магия...

Пространство солнечной лужайки устилали пестрые скатерти, на которых лежали пироги с разной начинкой, но сверху все их украшал толстый слой крема. Среди пирогов расхаживал толстяк с громадными ушами, время от времени пробовал пироги и неизменно недовольно кривился. Завидев посетителей, он утер рот платком:

Эйшо Бардвинг, ты, как водится, опоздал. Фестиваль начался вчера. Конечно, опять все забыл. А кто это с тобой?

Эйшо повернулся к Моди:

— Это... Она... В общем... Ну, расскажи ему о себе сама.

Зайчиха протянула вождю лапу:

— Я Моди Магзбери Тропл, Саламандастрон, сэр.

— О, Саламандастрон, — кивнул вождь, сжимая лапу Моди, как в кузнечных тисках. — Очень приятно,

мисс. Я вождь здешнего народа Гуосим, а звать меня Лог-а-Лог Лопоух. Лог-а-Лог, как известно, титул всех вождей землероек, а Лопоух... И не спрашивайте о происхождении моего имени, если не хотите со мной поссориться. — Он подхватил пирог посимпатичнее и предложил гостям угощаться. — Попробуйте да скажите, как вам понравится. Лучшая наша чета поваров уехала в гости к родственникам, так что сегодняшние пироги пекли поварята. Чего уж они напекли... — вздохнул Лог-а-Лог.

Выглядели пироги вполне съедобными, но на вкус... Зайчиха откусила, филин клюнул — и из глаз обоих потекли слезы.

— Угу-гу-ху-гу! Клюв сгорел! Лопоух, хочешь Эй-шо отравить, живьем сжечь?

Уши Моды скрутились спиралью.

— О-хо-хо! Во-во-во-во-во! Левым хуком клянусь! Правым ухом! Кха-кха-кха! Глотку сожгла на десять сезонов! Адский огонь туда запекли?

Лог-а-Лог Лопоух пожал плечами:

— Да вроде ничего особенного. Какие-то фрукты сушеные трехсезонной свежести, да хрену, да горчицы, да корня жгучего, да чеснока толченого... Все, что обычно суют в пирог молодые разгильдяи, чтобы старших позлить. Жаль, что повариха уехала, жаль, да что поделаешь.

Не часто Моды вызывалась сделать что-нибудь полезное по доброй воле, но очень уж хотелось установить добрые отношения с вождем землероек.

— Я с удовольствием вам помогу, сэр! — воскликнула она. — Не зря же я помощник повара в полковой кухне Саламандастроны. Где ваш камбуз и припасы?

Лог-а-Лог подозвал своих старейшин:

— Покажите мисс Моди, где что лежит, да разведи огонь в печах как следует. Может, она нас выручит. А это... — он недовольно махнул лапой на испеченные молодежью пироги, — прикажите зарыть поглубже.

Множество лап вызвалось помочь Моди, и вскоре она уже предложила плоды своего труда. Недолго думая, она наготовила простой пищи, но питательной и вкусной: лепешки ореховые и ягодные, пончики, блинчики, бублики, баранки, салат из свежих фруктов, зем-леройковые сыры. Вождь Гуосим жевал да похваливал.

— Отличный пир, и как раз по погоде. Уж и не припомню, когда я так веселился, — степенно бормотал он Моди, чуть наклонив голову в ее сторону, но не отводя взгляда от стола.

Эйшо подтянул к себе очередной пончиковый блинчик.

— Ежелетний праздник — День Бешеной Моги, — предложил он, подхватывая блинчик клювом.

— Да будет так! — согласился серьезный Лог-а-Лог Лопоух, поднимая кубок в честь зайчихи. — Ежелетний День Бешеной Моди. И если мы что-нибудь для тебя можем сделать, друг, то только попроси.

Моди не раздумывала ни мгновения:

— Попрошу, сэр, раз вы просите, отчего ж не попросить, во. Не можете ли вы любезно показать мне дорогу до аббатства Рэдволл?

И она рассказала о своей важной миссии, а также расспросила, не видели ли землеройки большого барсука.

Лог-а-Лог задумчиво почесал нос.

— Нет, мисс, нет. Барсука заметить — дело нехитрое, ежели есть барсук, то попробуй его не заметить!

А что до Рэдволла, то путь это неблизкий, но проводить можно, отчего ж не проводить. Вот только еще ужин нам приготовьте, а завтра с утра и выйдем. Идет?

Моди пожала протянутую Лог-а-Логом лапу:

— Идет! Как насчет капельки лесного супчика у костра, во?

Бешеную Моди обучали лучшие повара Саламандастрона. Даже великий лорд Пепельный Глаз просил добавку, отведав ее супы и бульоны. И этим вечером землеройкам Гуосим предстояло редкое счастье насладиться ее лесной похлебкой.

После ужина Моди уселась вместе с землеройками у костра. Молодежь плясала и пела, нарушая тишину теплой летней ночи. Звезды отражались в водной глади Камышового Садка. Эйшо Бардвинг дремал, иногда приоткрывая то один, то другой глаз.

— Неплохо, неплохо, гм... — бормотал он. — Спеть и мне, что ли...

— Лучше не надо, — буркнула под нос зайчиха.

— Чего-чего? — не расслышал Эйшо.

— Я говорю, лучше завтра, во! — обворожительно улыбнулась Моди.

Постепенно замолкли пение и музыка, закончились танцы. Землеройки укладывались отдыхать. Укрываться одеялами никому не хотелось, ночь ласкала теплом. Моди растянулась на моховой подстилке, гадая, как выглядит аббатство Рэдволл. Все тише трещал костер, все громче храпели землеройки.

В серой предрассветной мгле тишину над Камышовым Садком прорезал пронзительный вопль:

— А-а-а-а-а! Даппер! Даппер! Где мой крошка Даппер?!

Моди вскочила, чуть не опрокинув Эйшо Бардвинга. Разбуженные землеройки протирали глаза, стараясь понять, что случилось. Молодая мамаша-землеройка металась по берегу, крича во весь голос:

— Даппер, крошка моя! А-а-а-а! Даппер!

Зайчиха схватила мечущуюся землеройку за цветастый передник.

— Стоп, мэм, прошу успокоиться. Вы затопчете все следы. Где вы в последний раз видели своего Даппера?

Разведчики Гуосим уже кинулись в окружающие заросли. Несчастливая мать, обливаясь слезами, вскинула взгляд на Моди:

— Когда заснула, держала в лапах. Бедный, бедный Даппер...

От северного края Камышового Садка донесся возглас землеройки-разведчика:

— Сюда, ребята!

Первой к нему подскочила Моди. Но по следам на траве она уже и сама поняла, что сейчас услышит.

— Мальшa угащила змея.

Услышав слово «змея», землеройки замерли в ужасе. На Эйшо это слово, однако, не произвело никакого впечатления. Он его даже толком не расслышал и тут же потребовал уточнения:

— Кто-о у-ху-ху?

Моди поняла, что от землероек проку не будет. Вся надежда на Эйшо Бардвинга.

— Живей, живей, — заторопила его зайчиха. — Вернем малыша, во!

Лог-а-Лог Лопоух, однако, пал духом:

— Да уж... Если змея кого утащит, не вернешь.

Моди выхватила рапиру из ножен Лог-а-Лога и втиснула оружие ему в лапу:

— Сэр, надо показать пример своим воинам. Поддержать боевой дух, во! Ребенок погибнет, если мы ничего не сделаем.

— Вы правы, мисс, — опомнился Лог-а-Лог. — Вперед за гнусным червяком!

Эйшо, Моди и Лопоух рванулись в полумрак лесной чащи.

Равявая кешка» сменила привычную морскую стихию на Лес Цветущих Мхов. На палубу то и дело падала тень от древесных крон; полный штиль перестал радовать команду — приходилось отталкиваться от дна шестами, чтобы корабль не стоял на месте.

Виска Длиннозуб отсиживался в каюте, оставив команду на попечение Коджа и горностая Билджера. Оба старших расхаживали вдоль бортов, у которых члены команды трудились длинными веслами, продвигая судно против течения. Кодж помахивал линьком, который должен был поощрять наиболее ленивых, но пускать в ход этот инструмент боялся, ибо среди нечисти много было отчаянных и здоровенных разбойников. Команда устала, всем эта река уже надо-

ела, градом посыпались жалобы на голод и назойливую мошкару.

Кодж на всякий случай прервал свою прогулку и направился в каюту брата-капитана. Тот валялся в гамаке, потягивая грог.

— Ну, чем порадуешь? — спросил он, заметив кислое выражение на физиономии Коджа. — Снопа бунт?

Кодж нервно трепал когтями конец линька.

— Не бунт, кэп, но ноют все время, ноют, зануды, жалуются. Что делать? Ты у нас капитан, думай, решай.

Златолис выскочил из гамака, уставился в дверь:

— К вечеру дело идет, хватит на сегодня. Что еще?

— Воды мало осталось. Пить нечего.

Виска отвесил братцу оплеуху:

— Дубина! Закинь ведро в реку — вот тебе и вода. Пей, залейся! Мы здесь в речке, не на море!

Кодж попытался выскользнуть из кабины, но Виска поймал его за огрызок хвоста.

— И еще ты мне забыл поплакаться, что жрать нечего. Так вот, организуй высадку на берег. В лесу ягоды и корни, птицы и яйца птичьи в гнездах. Все подсказывать надо? Совсем соображать не хочешь?

— А как же полосатая собака, кэп? Кого в карауле оставить?

Капитан презрительно пихнул брата к двери:

— Нашел о ком заботиться! Никуда эта тупая Каменная Башка не денется с такой веревочкой. Он уже полудохлый, еле дышит.

Горас неподвижно лежал возле мачты, брошенный за новыми заботами команды. Струп уродовал лоб каким-то не то рогом, не то гребнем. Шерсть свалилась, липла к тому, что осталось от тела, как грязная

накидка. Каждому, кто кинул бы на него хоть беглый взгляд, становилось ясно, что он долго не протянет. Но под опущенными веками в глазах его светился неугасимый огонек, горела жажда жизни, жажда мести за гибель родни. Он смерти не боялся, он знал, что не умрет, не отомстив.

Ранним вечером Кодж отобрал полдюжины матросов, избегая здоровенных задир, которых побаивался, и отправился в лес на промысел. Очень скоро выяснилось, что разбойнички не слишком хорошо разбирались, где в лесу искать съестное.

— Эй, Кодж, глянь, какой красивый фрукт, зеленый, сочный, с пупырышками. Его можно жрать-то?

— Откуда я знаю? Попробуй.

— Брр! Гадость! Горько!

— Кодж, а где красные яблоки растут?

— Что за лес, почему па ветках жратва не растет? Листочки какие-то. Тьфу!

— Кодж, где что для супа растет? Надо суповое дерево найти, с морковкой там, репой, огурцами...

Кодж отмахнулся от нацелившейся на его нос осы и от вопросов:

— Вот и я хочу знать, где это все растет.

Ферти вдруг замер и приложил лапу к уху:

— Ша! Тихо! Что там такое?

— Где «что такое»? — отозвался Кодж. — Не обращай внимания ни на что, чего сожрать нельзя. У нас боевая задача — жратву ищем.

— Вопит кто-то, — не сдавался Ферти. — Навострите уши, все.

Орквил Принк оказался в незавидном положении. Трясина вцепилась в него мертвой хваткой. Сон с него слетел, когда вонючая вязкая болотная жижа затекла в рот. Еж быстро сообразил, в чем дело. Во тьме ночной он улегся в заросли папоротника, прикрывавшие болото. Стебли папоротника мягко приняли его тело, но потом согнулись, сломались под тяжестью и от сонной возни Принка, и трясина принялась медленно и неуклонно его обволакивать. Орквил ухватился за ближайшие стебли папоротника и освободил голову, но тело погрузилось еще больше. Ночная тьма не давала разглядеть, в какой стороне твердая почва.

Барахтаясь, Орквил ухватился за ветку куста, склонившуюся к болоту, и это его спасло. Погружение прекратилось, но выбраться он все же не смог. Отдышавшись, Орквил принялся вопить, что оставалось сил:

— Помогите! Спасите! Помогите!

Но на помощь никто не спешил. Утро застало Орквила Принка все в той же позиции уставшего, продрогшего, осипшего. Теперь он мог разглядеть и куст, росший на краю болота, густую поросль молодого ольшаника. Но добраться до его корней у ежонка не хватало сил. Оставалось ждать неминуемого конца.

Глубоко ли болото, сможет ли он прощупать дно? Лучше и не думать, каким образом он до этого дна доберется. Опустится медленно-медленно, ляжет, бездыханный, безвременно окончив жизненный путь. Орквил всхлипнул:

— Помоги-и-и-и...

Но он и сам себя еле слышал.

На небо выползло жаркое солнце, пригрело болото и макушку Орквила. Он прекратил бормотание и

заснул. Разбудила его замельтешившая к вечеру мош-кара. Комары налетели на его беззащитный нос, и Орквил принялся отдуваться, вертеть головой, макать морду в противную болотную жижу, жалобно причитая:

— Пошли вон, гнусные твари! Дайте несчастному ежонку мирно утонуть в этих помоях! Хватит жужжать, я вас все равно не понимаю и слушать не желаю!

Эти его причитания и услышали проходившие неподалеку разбойники. Бесхвостый лис вытащил меч и величественным жестом указал туда, откуда исходило бормотание.

— Там. Туда. Оттуда, не слишком связно забубнил он.

— Я ж говорил, — с довольным видом ухмыльнулся Ферти.

Кодж, не упускавший случая придрататься к тому, кто слабее, хлопнул Ферти плоскостью меча по лапе:

— Первым услышал — вот первым и топай туда, умник востроухий.

Ферти с опаской двинулся на звук, бормоча под нос:

— Кэп Виска сам бы вперед пошел.

Кодж пощекотал зад Ферти острием меча:

— Я не кэп Виска, а ты потолкуешь еще — и без хвоста останешься.

— Га-га, и Ферти тоже станет огузком, — заржал кто-то сзади.

Кодж резко обернулся и обшарил взглядом группу нечисти:

— Кто там такой умный?

Все пятеро молчали.

— Ну, ну, кто там гадости бормочет за моей спиной? Признавайтесь, не то худо будет.

Никто не спешил высказаться. Молчание затянулось, но тут издал жалобный вопль Ферти.

Кодж снова дернулся в его сторону:

— Чего развопился, как старая прачка?

Ферти продемонстрировал измазанные лапы:

— Там... маленько много грязюки... немного здорово засасывает...

— Чего-чего? Чего много? Или немного?

— Много или немного, а по уши будет, — махнул Ферти лапой в сторону папоротников.

Теперь до разбойников уже ясно доносились страстные причитания Орквила:

— О добрые сэры, сжальтесь над несчастным существом, протяните лапу помощи, умоляю ради всех сезонов...

Горностай Джанго, в пасти которого красовался один-единственный зуб, ухмыльнулся:

— Хы-хыррр, кто-то там обознался, добрыми сырами нас величает?

Кодж начальственно нахмурился и принялся распоряжаться:

— Ну-ка, пошарьте по кустикам. Надо найти, кто там хулиганит, тишину нарушает. Живо, живо, пошли!

Первым Орквила обнаружил Джанго:

— Хыррр, тут колючая мышь причитает.

Кодж определил место, на которое указывал Джанго.

— Где ты, чтоб тебя акулы слопали?

— Здесь я, добрый сэр, в болоте...

Кодж сердито смахнул мечом ближайший стебель папоротника.

— Заткнись, с тобой не разговаривают! Джанго, где твоя тупая однозубая морда?

Голос Джанго прозвучал сверху, как раз над головой Коджа:

— Хи-хыр, я добрый сэр с большого дерева. Высоко сижу, далеко гляжу.

Кодж принялся вырубать папоротники.

— Сюда, команда! Достать мне эту колючку! Я его в плен возьму и допрашивать буду.

Привыкшим карабкаться по мачтам и разбираться с такелажем морским разбойникам не составило труда взобраться на дерево. Очень скоро на Орквила накинули петлю, дружно ухнули, и ежонок, громко чпокнув напоследок, вылетел из болота, как затычка из бочки. Лихие разбойнички с гиканьем раскачали его и выпустили веревку, когда он летел в стоявшего возле самого ствола Коджа.

— Эй, вы, поосторожнее! — недовольно заорал Кодж. — Смотрите, куда грязюку кидаете.

Ежонок принялся стягивать с себя петлю, приговаривая скороговоркой:

— Прошу прощения, добрый сэр, если ненароком обрызгал вас. Меня зовут Орквил Принк, и я с прошлой ночи в этом болоте. Благодарю вас и ваших друзей, вы спасли мне жизнь.

Лис с силой ударил Орквила в живот и стукнул по лапам, распутывающим веревку. Поднеся кончик меча к горлу Орквила, он зловеще процедил:

— Шорхил Швинк, значит? Насчет жизни мы еще посмотрим, спасли или погубили. Может, ты еще об-

ратно в болото запросишься. Откуда в болото упал, говори!

Зверье, спускавшееся с дерева, дружно загоготало. Джанго, до которого остроумие начальства дошло с запозданием, засмеялся последним, но зато с такой силой, что свалился с дерева, вызвав новый взрыв хохота.

Ежонок печально вздохнул:

— Вот уже второй раз за день... нет, за два дня, меня неправильно называют. Орквил я, Орквил. Орквил Принк, с вашего позволения.

— «Позволения»... Ты мне зубы не заговаривай, Пинк. Я тебе вопрос спросил, ты мне ответ отвечай. Откуда ты взялся?

— Я взялся из аббатства Рэдволл, сэр, но я...

Кодж подпрыгнул.

— Рэд... Вэд... Ну, добро пожалуйста, милый. Эй, ребята! Виска с этим парнем очень даже побеседует. Заверните малыша аккуратно, чтобы не помялся.

Орквил понял, что протестовать и вырываться бесполезно, и молча позволил связать себе все четыре лапы. Минута — и он уже подвешен к уложенному на плечи двух горностаев древку копья, глаза его сверлят равнодушное небо.

На борт поисковая партия возвратилась лишь в сумерки. Виска Длиннозуб бросил косой взгляд в сторону привешенного к копыю коlobberка из засохшей грязи, из которого торчали иглы и черный нос Орквила Принка. Скривив губы, капитан повернулся к младшему брату:

— Очень интересной провизией вы запаслись на берегу. Ты мне это грязно-колючее чучело на ужин предлагаешь? Для какой надобности мне на моей чистой посудине этот комок грязи?

Кодж ткнул своим мечом в сторону Орквила:

— Ты только подумай, откуда он!

Виска сморщил нос:

— Судя по тому, как от него воняет, из болота.

Кодж кивнул:

— Точно, из болота. А вот где он живет — совсем другое дело.

Виска поглядел на брата в упор и улыбнулся одной из своих обычных — очень опасных — улыбок. Он потянулся за двузубыми вилами Гораса, подхватил их, взвесил в лапе.

— Что-то мне надоели твои игрушки. Выкладывай, прежде чем я сделаю что-то, о чем потом жалеть буду без тебя. Где он живет?

Кодж доложил четко и ясно:

— В аббатстве Рэдволл!

Виска швырнул вилы в мачту. Зубец глубоко вошел в дерево, рукоять задрожала, завибрировала... Капитан схватил брата и сжал его в объятиях:

— Вот теперь тебя хвалю я. Наконец ты дело сделал настоящее. Ха-ха, Кодж, якорь мне в глотку, зверь из Рэдволла. Я знал, что это место — не сказка, знал!

Виска пригнулся к пленнику:

— Как тебя звать-то, замарашка?

— Орквил Принк, — еле слышно пробормотал ежонок.

Златолис откинулся назад, схватился за бока и загоготал:

— Га-га-га! Норквил Свинк! Вот уж действительно Свинк. Свин... и грязь отыскал! Га-га-га! Свинья грязь везде найдет!

Команда услужливо подхватила капитанский гогот, даже те, кто находился в отдалении и не слышал слов любимого вождя. Орквил устало закрыл глаза, уже не пытаясь исправлять кого бы то ни было.

Виска повернулся к Билджеру:

— Выполощите этого Свинка, чтоб не вонял.

На Орквила опрокинулись ведра воды, освежившей его и очистившей. Он даже смог утолить мучившую его жажду, умудрившись поймать несколько глотков воды ртом. Виска снова склонился над ним:

— Слушай, друг, я с командой собираюсь в твоё аббатство в гости, да вот беда — дорогу забыл. Ну, ты-то ещё дорогу помнишь, так что подскажи, как туда попасть. Я тебе век благодарен буду.

Орквил зажмурился и сжал зубы. Ему даже думать не хотелось о том, что этот кошмарный капитан и его бандиты могут оказаться в Рэдволле. Сердце Орквила сжималось от страха, но он твердо решил: что бы ему ни угрожало, он не укажет дорогу к аббатству, ставшему вдруг ему столь дорогим, дороже собственной жизни.

Кодж пощекотал пленника мечом:

— Живей шевели языком, не то я тебе его отрежу вместе с колючей башкой.

Виска снова улыбнулся и поскреб клыки когтем передней лапы:

— Слушай, иглосвинк, внимательно слушай и запоминай. Завтра утром в камбузе разожгут огонь. Жаркий огонь, яркий огонь. И я своими лапами положу в этот огонь железный прут. Пожалуй, я все сказал. А ты слышал. И вот тебе ночь, подумай хорошенько. А завтра утром, уж думай ты, не думай, а станешь ты болтливым Свинком, уж хочешь или не хочешь.

Виска Длиннозуб на мгновение закрыл рот и вдруг добавил:

— Ха-ха.

Он снова закрыл рот, зато разбойники разразились диким хохотом.

Виска принялся отдавать распоряжения:

— Посадите его на ночь на ту же цепь, к полосатому псу. Меня разбудите пораньше. А за ним ночью присматривайте как следует.

Когда разбойники подошли к Орквилу, чтобы развязать его, ежонок принялся брыкаться и вырываться. Пришлось Билджеру, Ферти и Джанго его держать за лапы, а Кодж перерезал путы мечом. Они отволокли Орквила к мачте, где Горас лежал как мертвый, не шевелясь и ни на что не реагируя. Кодж внимательно следил за барсуком, держа наготове меч, а остальные обернули цепь вокруг пояса Принка и навесили на нее замок. Только они покончили с этой процедурой, как Горас вдруг пошевелился. Нечисть отскочила подальше, с опаской поглядывая на барсука.

— Пошли, — сказал Кодж, — пора чего-нибудь сожрать да грогу выпить. А колючий никуда не денется. Разве что полосатый его сожрет.

Джанго поскреб хвост.

— Что, полосатые едят колючих?

Ферти ткнул его локтем в бок.

— Кодж просто шутит, Джанго.

Джанго чуть подумал и повернулся к Орквилу:

— Ты, колючий, не бойся. Если полосатый тебя съест, то это просто шутка. Хы-хы.

И разбойники ушли на камбуз. Орквил осторожно похлопал барсука по ноге.

— Как тебя схватили, друг?

Горас открыл глаза, хрипло и медленно прошептал и ответ:

— Я с Северных островов. Они сожгли мой дом и убили родню. Тот, которого зовут Длиннозубом,

оглушил меня кистенем. Очнулся я уже здесь, на цепи. Когда это было, не знаю, счет времени уже потерял. Зовут меня Горас.

Он протянул ежонку свою громадную лапу, и Орквил схватил ее обеими лапками.

— А меня зовут Орквил Принк. Я из аббатства Рэдволл.

Барсук насторожился:

— Аббатство Рэдволл! Слышал я о нем. Что, Орквил, это действительно такое замечательное место, как о нем рассказывают?

Глаза ежонка наполнились слезами.

— Ах, Горас! Еще прекраснее, чем о нем рассказывают. Только сейчас я это понял. А ведь эти разбойники хотят туда направиться. И напасть на него. Слушай, друг, мы должны туда добраться раньше, чем они. Должны!

Барсук с горечью скривил губы:

— Конечно, Орквил, да только вот цепь не пускает. Да и не только я на цепи, ты тоже. Тебя замки и цепи не удержат?

Орквил Принк уже деловито осматривал замки:

— Видал я замки и получше, чем эти старые ржавые железяки.

Барсук сжал лапу своего нового друга:

— Ты хочешь сказать, что справиться с замками? Отопрешь их?

Орквил пискнул:

— Отпусти лапу! Отопру, если ты мне лапу не расплющишь. Нужен какой-нибудь гвоздь. Или что-то похожее на гвоздь.

Они внимательно осмотрели палубу, но ничего подходящего не обнаружили. Орквил указал вверх:

— А это что за штуковина торчит из мачты?
Сердце Гораса замерло при виде деревянных вил.
— Это Тунг, мой инструмент. Лис забыл о нем.
— Тихо, тихо, приятель... — предостерег барсука
Орквил. — Ай!

Горас подпрыгнул, увлекая за собой прикрепленного к нему цепью Орквила, схватил рукоять вил и мощным рывком выдернул их из мачты. Орквил снова шмякнулся на палубу, торопливо бормоча наставления:

— Спрячь, спрячь под собой вилы, мало ли кто выйдет на палубу.

Горас улегся на вилы, почти полностью прикрыв их телом. Орквил осмотрелся, прислушался. Он ощупал мачту и нашел то, что надеялся найти.

— Друг, — зашептал он снова, — там, где я держу лапу, из мачты торчит гвоздь. Попробуй вытащить его зубцом своих вил.

Орквил внимательно следил за люками и дверями судна, а Горас поддел шляпку гвоздя зубцом вил, нажал, раскачал... Затем обхватил гвоздь лапой, потянул — и наконец гвоздь с легким скрипом вылез на волю. Они прижались спинами к мачте, и Орквил принялся за работу. Он засунул гвоздь в отверстие для ключа в замке Гораса и принялся что-то нащупывать внутри. Барсук внимательно следил за манипуляциями своего юного друга.

— Ну как? Получается?

Орквил насупился, потом улыбнулся:

— Хороший вор отопрет любой замок.

И действительно, замок щелкнул, дужка его вылезла из корпуса. Горас со вздохом облегчения ослабил цепь на своем теле.

— Стоп, не торопись! — замахал на него лапой Орквил. — Еще мой! — Он перешел к работе над своим замком. — Тихо! Кто-то идет! — вдруг шепнул он.

Они снова уселись к мачте.

На палубе появился Кодж. Он вышел проверить пленников. Не подходя близко, он всмотрелся во тьму. Увидев Гораса сидящим, Кодж удивился, однако заметить, что пленники свободны, в темноте не смог. Кодж отвернулся и, направляясь обратно, громко прокомментировал:

— Надо же, еще жив, Каменная Башка. Чем живет?

Больше он ничего сказать не успел. Успел лишь повернуть голову на какой-то неожиданный шум сзади — и тут же громадная лапа барсука сомкнулась на его горле.

— Я скажу тебе, чем живу, — услышал Кодж задумчивый шепот. — Живу жаждой мести убийцам моей родни. Ну-ка расскажи мне еще раз, как ты их запер и сжег заживо... Расскажи...

Орквил с ужасом смотрел, как Горас продолжает мять уже мертвого врага, тряссти его, как половик, ломать кости трупа. Он подбежал к барсуку, потянул его за рваную рубаху:

— Хватит, хватит, надо поскорей удирать отсюда. Брось его, друг. Нам скорей в Рэдволл надо!

Еще сжимая изломанный труп лиса, Горас повернулся к ежонку — и тот раскрыл рот от ужаса. Глаза барсука налились кровью. Казалось, он обезумел. Тут, однако, произошло нечто странное. Горас как будто очнулся, подхватил Орквила и свой двузубец и соскользнул с борта судна. На берег он вышел

совершенно спокойным. Орквил решил, что друг его охладился в речной воде.

— Как доберемся до аббатства, друг мой?

— Нам на восток. Надо отойти подальше и переправиться на другой берег.

Они зашагали по лесу. Какое-то время шли быстро, потом Горас начал отставать, останавливаясь, опираясь на вилы, опуская громадную голову. Ежонк оглядел друга и покачал головой:

— Ох, друг, настрадался ты. Тебе надо отъедаться, отсыпаться — вот что тебе надо. Присядь-ка.

Горас тяжело опустился наземь. Раскалывалась голова, мучила жажда, он был слишком истощен и слишком долго оставался без движения. Да и приступ Жажды Крови отнял немало сил. И вот он слаб, как дитя полусезонное.

Орквил поскреб иголки на голове, сострада и соображая. Ответ вспыхнул в голове молниеносно. Он тут же принялся командовать:

— Есть! Придумал. Местность тут мне известна, и я сейчас все улажу. Ты, друг, держишь свои вилы, сидишь смирно, отдыхаешь. Смотри в болото не попади, тут недалеко за зарослями папоротников страшная топь. Подальше проживает жирная жадная полевка, противный тип. Я его водяным прозвал. Но съестного у него — у-у-у! Ты отдыхай, а я все устрою и вернусь. Все понял?

— Понял, — сказал Горас, поднимаясь. — Пошли.

— Нет, ничего ты не понял. Ты здесь сидишь!

— Нет, я с тобой иду.

Орквил увидел под носом зубец вил и строгим голосом произнес:

— Вот я и говорю: ты идешь со мной. И не спорь со мной, не теряй времени даром. Идем!

Береговые полевки обычно хорошо готовят — по лесным меркам, конечно. Знакомец Орквила сидел на берегу рядом со входом в свою пещеру, с наслаждением вдыхал аромат большой пятнистой форели, которая попала в его камышовый загон. Не часто такая удача выпадает. Пятнистая форель не любит, чтобы ее ели, но старые хитрые полевки очень любят пятнистую форель. Долго и тщательно готовилась эта трапеза. Сначала яму выкопать, топливо собрать, зажечь, потом пылающий уголь устлать водным креслом и листьями одуванчика, щитолистника, мяты и щавеля. На эту ароматическую подстилку укладывается форель, фаршированная грибочками и припасенным для такого торжественного случая миндалем. Сверху снова щавель, и все закрывается слоем глины. И ждать, пока испечется.

Потягивая из кружки домашний сидр, полевка-кулинар принимался к проникавшему сквозь трещины в глине аромату.

— О-о-о, какой аромат! — восхищенно закатил он глаза.

Когда он снова опустил взор, то увидел Орквила Принка, и всякое удовольствие исчезло с его округлой физиономии. Одна лапа его потянулась за дубиной.

— Опять ты, наглый проныра! В этот раз я готов тебя принять. Лучше не подходи, не то отправишься в болото, в гости к тем двум крысам. Привяжу к тебе камушек — и только тебя и видели!

В другой лапе «водяного» во время этого монолога появился длинный кинжал.

Орквил горестно покачал головой и заговорил, обращаясь куда-то в сторону и много выше полевки:

— Видишь, друг, какова его благодарность. А ведь я спас ему жизнь! Знал бы я, что он так гадок, разве стал бы тебя к нему приглашать?

Негостеприимный хозяин обернулся — кинжал и дубина вывалились из его лап, а ноги сами рванулись к лесу. Долго его еще преследовало видение изуродованной страшной раной головы громадного барсука с длинными дьявольскими рогами. За рога он с перепугу принял двузубые вилы Гораса.

Орквил сразу направился к костровой яме и принялся обдирать с форели глиняную корочку.

— Вот уж никогда бы не подумал, что полевки так быстро бегают. Чего он так испугался? Разве я сказал что-нибудь страшное?

Горас присел рядом и ловко вытащил рыбину из ямы на берег.

— Может быть, он не проголодался.

Впервые Орквил увидел, как барсук улыбается. Он кивнул на рыбину и ответил:

— Зато ты-то точно проголодался. Знаешь, тебе, пожалуй, лучше здесь остаться да отдохнуть, набраться сил. А я добегу до аббатства и пришлю к тебе помощь. Отлежишься, отоспишься.

Горас подобрал брошенный беглецом кинжал и принялся разделывать рыбу.

— Ешь, не болтай, Орквил. Я пойду с тобой. Так мне велено.

Юный еж удивленно глянул на барсука:

— Кто это тебе приказал?

— Когда я сидел у мачты на цепи, — объяснил Горас, — мне виделись разные вещи. Мышь-воитель с мечом обращался ко мне, велел искать молодого вора. А ты сам себя вором назвал, когда с замками справлялся. Эта мышь сдержала мою Жажду Крови. Знаешь, что такое Жажда Крови?

Орквил покачал головой, и Горас продолжил:

— Дед мой называл его проклятием барсуковых воинов. Это неудержимое боевое бешенство. Когда вступает в силу Жажда Крови, я теряю контроль над собой. Ничто не может удержать во мне страсть к убийству, кроме смерти.

— Я заметил... на палубе... — тихо произнес Орквил. — У тебя глаза были кровавые...

Горас кивнул:

— Да, это была Жажда Крови. Я мог напасть на всю команду. Но я так ослаб, что они бы меня одолели. Потому этот мышь-меченосец и вывел меня из заклатья. Он возник передо мной и велел идти с тобой и Рэдволл. Поэтому я и говорю тебе, друг мой, ешь эту великолепную рыбу — и уходим.

Орквил не заставил себя упрасивать. Он активно жевал и только промычал с набитым ртом:

— Ну, не буду тебя удерживать. Тем более что мой боевой посох пропал в болоте. Чем же я тебя задержу?

Горас с улыбкой передал Орквилу дубинку и кинжал «водяного»:

— Вот, вооружись этим.

Орквил схватил предложенное оружие и скроил свирепую мину:

— Ну, каков я?

Барсук согнал с физиономии улыбку и с серьезным видом заявил:

— О, просто дикий ужас внушаешь.

Орквил запихнул в рот последний кусок и облизал лапы.

— Что ж, в путь, в Рэдволл, друг. Кстати, там для тебя есть кое-что интересное.

И он зашагал по берегу. Горас тут же последовал за ежонком и спросил:

— Там все интересное. Ты о чем?

— Я о мышши-воителе с мечом в лапах.

Орквил подмигнул и больше ничего не выдал.

Над лесом и рекой Мох забрезжила заря. Сон постепенно оставлял Виску Длиннозуба, изгоняемый голосами за дверью капитанской рубки.

— Не-е, Глурма, ты скажи, ты его нашла. — Это произнес Ферти, и Глурма сразу возразила:

— Нет-нет, ты его раньше увидел. Я просто о него споткнулась, когда на палубу выползла.

Джанго перебил Глурму:

— Так скажите вместе.

Ферти это предложение не понравилось.

— Сам скажи вместе. Вместе с собой войди и скажи: «Кэп, у меня свежая новость, твой брат Кодж отдал душу сезонам».

Дверь каюты рывком распахнулась, сбив Ферти с ног и ударив повариху в толстый, выпирающий живот. Виска схватил Джанго за шею:

— Брат мой умер? Где?

Джанго извивался, пытаясь вдохнуть воздух, хрипел:

— Х-х-х... К-х-х... Кхэп, задушшшш...

Глурма, потирая брюхо одной лапой, другой махнула в сторону мачты:

— Там, кэп, у мачты лежит, там он...

Златолис рванулся в указанном направлении. Не обратив внимания на искалеченный труп брата, он уставился на пустое место, оставленное пленниками, и заорал:

— Где полосатый пес и колючая мышь?

Только что появившийся на палубе Билджер, оценив ситуацию, тут же отозвался:

— Нету, кэп.

Неудачный момент выбрал Билджер для появления, и неудачный ответ выбрал он на вопрос капитана. О чем тут же и пожалел. Виска сшиб его на палубу и запрыгал на упавшем, рыча:

— Я не слепой, дубина! И вижу, что их нет. Меня интересует, куда они делись!

Команда наблюдала за происходящим с безопасного расстояния.

— Чего уставились? — заорал на них капитан. Живо догнать, поймать, выследить!

— Кэп, — донесся сзади голос Глурмы, — какие из них следопыты? Они леса-то ни в какие сезоны не видели.

Виска отпихнул ногой потоптанного Билджера:

— Тогда дуйте на берег и добудьте мне следопыта, который лес видел.

Все гурьбой бросились к борту, не дожидаясь второго приглашения. Лучше погулять по лесу, пока капитан свиреп и грозен. Нечисть посыпалась в воду, но Виска почти сразу снова заорал:

— Хватит, хватит! Остальные — строиться!

С десяток зверей успели ускользнуть, остальные кое-как, вкривь и вкось построились на палубе. Виска зашагал вдоль строя, озирая боязливо мнущуюся, переступающую с ноги на ногу нечисть.

— Ну и команда у меня, ну и молодцы! Жрать да спать да грог хлестать — на это вы мастера. А за пленными уследить — кишка тонка. И брат мой бедный, мертвее камня лежит. Кодж один всей команды стоил. А теперь ему за борт дорога. Пятая Нога, Заплата! Возьмите парусину, заверните Коджа. Балластом цепь, обмотайте его, чтоб потонул.

Горностаи Пятая Нога и Заплата упаковали Коджа в парусину, обмотали труп цепью, которая раньше держала у мачты Гораса. Шестеро членов экипажа поднесли труп к борту.

Виска спихнул тело брата за борт, стер с глаз то, что кое-кто из команды принял за слезы, но что на самом деле было брызгами воды.

Почти тут же из зарослей раздался крик:

— Эгей, кэп, нашли следопыта!

Разбойники выволокли на берег существо, явно перепуганное происшедшим.

Билджер с компанией взобрались на борт, подталкивая перед собой пленника — негостеприимную полевку, сбежавшую от своего ужина. Тычком в шею Билджер свалил свою добычу на палубу, под ноги капитану.

— Эта мышь волосатая вроде знает, где аббатство, кэп. И врет, что полосатый с колючим сожрали его завтрак.

Пленник попытался подняться, но Виска прижал его к палубе сапогом:

— Как тебя звать, мышь?

— Я немышь, проворчал сердито пленный, уткнувшись носом в палубу. — Я полевка.

— Мышь немышь, а жить захочешь — заговоришь. Где аббатство Рэдволл?

— Вверх по течению, до брода, а потом по дороге к югу. Я там не был, так говорят.

Виска пригнулся, схватил лапой нос бедной полевки и сжал когти так, что из глаз пленника хлынули слезы.

— Экий ты пухленький да рыхленький, — заметил Виска. — Слушай меня, волосатая мышь. Я здесь капитан, так что относись ко мне с уважением. Не то мигом перестанешь быть полосатой мышью, а станешь кормом для рыб.

Не выпуская из лапы носа полевки и не снимая с ее спины сапога, Виска распорядился:

— Якорь поднять, вверх пойдем до брода, против течения на шестах. Этому шест дайте, пусть жирок порастрясет. Да привяжите его, чтоб не удрал. Он нам еще, может, пригодится.

Солнце припекало, судно продвигалось вверх по реке. Вот оно поравнялось с норой полевки, и пленник уставился туда, где таился вход в его жилище. Он беззвучно клял судьбу, забросившую его на борт разбойничьего судна. Резкий рывок обвязанной вокруг шеи веревки вернул его к реальности. Билджер зарорал:

— Заснул? Шевели своим толстым задом, шест не упусти!

Пришлось «водяному» поплевать в стертые до крови лапы и снова навалиться на шест.

Вечерние тени ползли по траве, когда Орквил и Горас пересекли брод. Орквил указал на юг:

— Если быстро идти, вскоре после ужина доберемся.

— Лучше бы к ужину успеть, — проворчал Горас,

— Не бойся, друг, еды в аббатстве хватит. Там голодного и ночью накормят.

У же наступило утро, когда троица преследователей вырвалась из чащи. Лопоух показал на скалистый участок со множеством уступов и расщелин, поросших чахлым кустарником и пучками травы:

— Самое змеиное местечко. Они любят, когда есть где спрятаться и можно найти местечко, где на солнышке погреться.

— Мрачное место, — прошептала Моди. — Затаенное какое-то. Должно быть, здесь полно змей, даже и гадюки есть, во.

— Какая разница, гадюки или не гадюки, — отмахнулся Эйшо. — Для меня они все змеи... Не нравятся мне эти скользкие твари.

Моди уловила впереди па уступе движение и замерла:

— Лопоух, кажется, я ее вижу. Вон там, возле рябины. Вокруг корня обвилась. И ребенок при ней.

Они затаились за толстым стволом старой ели, напряженно вглядываясь в каменистую грядку.

— Как там пацан поживает? — спросил, мигая, Эйшо. — Я отсюда плохо вижу. Жив, не ранен?

Вождь землероек прищурился, козырьком поднес к глазам лапу:

— Шевелится. Значит, не укусила она его. Иначе был бы как полено. Но это гадюка, я уверен.

— Узор заметил? — спросила Моди, пытаясь рассмотреть хоть что-то в траве под рябиной.

Нет, отсюда узор не разобрать, слишком там темно, в тени. Но запаху чую, что гадюка.

Эйшо скептически покосился на Лог-а-Лога:

— Да брось, парень. Все червяки воняют одинаково. Червяком.

Но Лопоух не сдавался:

— Говорю тебе, это гадюка!

Моди урезонила их обоих решительным движением ушей:

— Хватит спорить, во. Лучше помогите мне сообразить, как спасти малыша. Если мы рванем туда напрямик, она сто раз успеет его укусить. Так что хватит о запахах, соображайте живее.

— Эх, сообразили б мы лук со стрелами прихватить, — пожалел Лопоух.

— «Бы» нам теперь не помогут, — снова дернула ушами Моди. — Надо обходиться тем, что имеем. Эйшо, какие идеи у тебя там, под лобными перьями?

Эйшо крутанул громадными желтыми глазами:

— А вот я сейчас отойду чуть назад, да ка-ак взлечу, да ка-ак шарахну по этой гадине... Как по ящерке.

Прежде чем Моди и Лог-а-Лог успели ответить, филин уже быстро попятился и исчез из виду.

Вождь землероек возмущенно вздохнул:

— Вот всегда так, когда попытаешься посоветоваться с этим старым мешком перьев. Поползли вперед, мисс, потихонечку, пока он не нагрянул, поможем ему, чем сможем.

И они принялись красться к рябине, прячась за кустами и прижимаясь к камням. Им удалось незаметно для змеи подобраться к самому подножию уступов. Моди глянула вверх:

Самая трудная часть, во, друг Лог-а-Лог. Еще шаг — и эта бандюга нас того, во-во... заметит.

Тут сверху раздался дикий вопль. Они услышали скрежет клюва Эйшо, леденящий кровь в жилах врага. Завопил малыш землеройка, зашипела змея.

Моди сорвалась с места и присоединилась к переполоху со своим воплем:

Вперед, ребята! С нами Эйшо! Кр-р-ровь и укус! Еулалиа-а-а-а-а!

Песчаник под ногами оказался обветренным, гладким, для бега неудобным, но Моди и Лопоух неслись во весь опор. Они подскочили к месту схватки. Бой здесь разгорелся не на шутку. Филин схватил змею мощными когтями; мелькали клык да клюв, кольца змеиноного туловища и крылья Эйшо. Вовсю вопил детеныш-землеройка, пытаясь уползти подальше.

Моди подхватила кроху и отпрыгнула с ним в сторону. Лопоух с выхваченной рапирой скакал вокруг, выискивая возможность нанести удар змее, не задев друга. Долго ему ждать не пришлось. Змея разинула

пасть, чтобы впиться зубами в филина, и Лог-а-Лог погрузил рапиру в открытую пасть, в небо и мозг ее. Он тут же отпрыгнул в сторону, чтобы не попасть под удар хвоста. Эйшо не разжимал когтей, пока тело змеи не перестало дергаться. Лопоух вытащил рапиру из змеиной головы, вытер ее и отсалютовал филину:

— Достал, как раз перед укусом!

Филин презрительно глянул на труп змеи и смахнул его с уступа вниз:

— Перед укусом? Перед пятым или шестым. Неплохо он дрался, надо признать, неплохо.

Моди, кутавшая малыша в драную тряпку, ужаснулась:

— Эйшо, он тебя покусал?

Филин сверкнул глазом:

— Куснул. Раза четыре или пять, я не считал. Но теперь червяк уж никого больше не укусит, уже неплохо.

Эйшо шагнул, покачнулся, опустился на камень, следя за тем, как Лопоух чистит о траву рапиру.

— Ох, устал я, надо отдохнуть, перед тем как понесем наш трофей обратно. — Он подмигнул Лопоуху. — Я ж говорил, что это никакая не гадюка. Уж обыкновенный, только уж здорово кусачий. Эйшо всегда прав.

Вождь землероек опустился наземь рядом с филином, нежно гладя его крыло:

— Да, друг, кто ж сомневается, прав ты, и сейчас прав.

Глаза филина быстро-быстро заморгали в сторону Моды.

— Эйшо может иной раз и забыть что-то, но всегда все вспомнит.

Моди, не выпуская детеныша, бросилась к Эйшо. Но он снова закрыл глаза — и больше их не открывал. Зайчиха прижалась к Эйшо, уткнулась носом в перья его щеки.

— Бедный мой, храбрый, суматошный друг. Ты доблестный воин. Спи добрым сном, Эйшо Бардвинг.

Уложив Эйшо в ложбинку между камнями, Моди и Лог-а-Лог закрыли его каменными плитами и соорудили обелиск. Малыш тем временем проголодался, начал хныкать. Моди укачивала его, а Лог-а-Лог произнес над могилой Эйшо прощальное слово:

О доблестный друг землероек,
С тобой нам прощаться пора.
О том, как ты смел был и стоек,
Будем песню мы петь до утра!

Моди передала детеныша Лог-а-Логу, взяла его рапиру и отдала салют обелиску, издав боевой клич саламандастронских зайцев:

— Еулалиа-а-а-а-а!

Вскоре они вернулись к Камышовому Садку. Мать Даппера, вне себя от счастья, схватила свое дитя, прижала его к сердцу. Услышав о подвиге Эйшо Бардвиг, она прослезилась и тут же решила, что ее сыночек будет с этого момента носить имя Эйшо. Все Гуосим одобрительно кивали. Они съели простой завтрак, быстро собрались в путь.

Землеройки — народ шумный. Они постоянно болтают, смеются, ругаются. Чтобы привлечь их внимание и заставить замолчать, Лог-а-Лог использует свой титул, выкрикивая его слитно несколько раз:

— Логалогалогало-о-о-о-о-ог!

Землеройки замолчали и приготовились выслушать вождя. Лопоух говорил недолго — просил следить за малышами на пути к аббатству Рэдволл.

Гуосим приветствовали услышанное громкими радостными возгласами. Все сразу забежали. Родители прикрепляли тряпичные пояса на веревках к поясам детишек. Поклажа вскидывалась на спины. Ригрил и Тигл уже убежали устраиваться в первой лодке. За ними сразу же последовали несколько землероек внушительного вида. Лопоух объяснил Моди, что происходит:

— Эти ребята пошли за лодками, мисс, потому что путь нам предстоит водный. Много где побывали Гуосим на своих долбленых лодках. Вон в той сосновой рощице спрятаны наши лодки. По суше они не ходят, их надо волочь или носить. А для этого нужны сильные лапы и спины.

Тут Моди увидела возвращающихся Гуосим. То есть целиком-то она их не видела, а лишь нижние половины. Землеройки несли шесть длинных лодок-долбленок — логоходов. Она не смогла сдержать смех. Уж очень потешно выглядели лодки, как будто шагающие по земле на множестве землероечных ног, как какие-то деревянные многоножки.

Лог-а-Логу этот смех не понравился.

— И ничего смешного нет здесь, мисс. До извилин с рябью долгий путь. И работа у них серьезная. И мы им помочь должны. Впереди пойдем.

Моди заспешила за Лог-а-Логом.

— Я понимаю, что работа у них важная и нужная, но, — принялась оправдываться зайчиха. — Да уж выглядит больно комично. Лодки как будто сами бегут. Я

ведь такого раньше никогда не видела. А вот как они видят, куда идти, во?

Вождь объяснил:

— Вот поэтому мы и пойдем впереди. Ведущий видит наши ноги и идет за нами. Те, кто сзади, следуют за ведущим.

Шагая впереди рядом с Лог-а-Логом, Моди оглянулась. За ними ровными рядами шагали землеройки. Моди подивилась, как эти шумные и неорганизованные землеройки могут так четко соблюдать походный порядок.

На лес уже опускались сумерки, когда колонна достигла места назначения. Это место Гуосим называли «излучины и ряби». Выглядело оно мирно и спокойно. Землеройки спустили лодки на воду и принялись готовить их к завтрашнему походу. Моди занялась ужином. Из лесу вернулись землеройки-сборщики, принесли грибы пуговки, зеленый лук, свежие желуди, которые Моди использовала для пирожков.

Лопоух уселся на берег:

— Скажу я тебе, мисс Моди, никогда еще за сезоны своей жизни не пробовал я пирожков таких вкусных. Как бы тебя оставить нашей поварихой? Если согласишься, я тебе предлагаю титул главной поварихи Гуосим и даю штат помощников. Что ты на это скажешь?

Зайчиха улыбнулась и затрясла ушами:

— Спасибо, во, во, но я ведь заяц саламандастронского Дозорного Отряда. Ни лодки носить не умею, ни песен не знаю. А главное, у меня важная миссия, поручение лорда Пепельный Глаз. Не смогу же я все это совместить, во, во!

Лопоух расстроился отказом, но не настаивал.

На следующее утро Модя разбудили с первым светом. Еще не переставая зевать и потягиваться, она оказалась на носу первой лодки рядом с молодой землеройкой по имени Осбил. Лодка отвалила от берега, четырнадцать гребцов налегли па весла. Зайчиха кивнула Осбилу:

— Доброе утро, во, сэр. А мы с вами что, не должны грести?

Не отрывая взгляда от водной поверхности перед лодкой, Осбил ответил:

— Вам приходилось когда-нибудь в жизни работать веслом, мэм? И есть ли у вас собственное весло?

Модя покачала головой:

Нет, друг, я в жизни в лодках не перемещалась, во, а уж весло-то... откуда оно у меня? А если я твоим воспользуюсь?

Осбил по-прежнему вглядывался в даль.

— Никак это невозможно, мэм. Никто не возьмет чужого весла, никто никому не отдаст своего весла. А если вы к тому же и в лодке впервые, то, осмелюсь предположить, не получится у вас ничего с веслом, даже если вы его и добудете. Выучить гребца на это четыре сезона уходит.

Зайчиха фыркнула и в знак согласия хлопнула ушами:

— Правила надо соблюдать, на то они и правила, по. Четыре сезона, надо же...

Солнечные лучи пробивались сквозь листву нависших над излучинами деревьев, воду и лодки накрывала дырявая тень. Над заросшими камышом берегами метались стрекозы, проносились над лого-

ходами. Русло оказалось богатым изгибами, поворот следовал за поворотом.

В середине дня логоходы пристали к берегу в тихом, тенистом заливчике. Моды присоединилась к Лог-а-Логу, чтобы прогуляться и размять ноги. Кто-то крикнул, что вернулись из разведки Ригрил и Тигл.

— Дошли до рябей, вождь. Что-то они сегодня плохо выпались.

Лог-а-Лог Лопоух пожал плечами:

— Что-то я не помню, когда бы они хорошо выпались. А что это ты губу жуешь, Тигл? Наступил кто?

Опытная разведчица Тигл доложила о своих опасениях:

— Через два поворота, у большой скалы, где галечная отмель, голуби да дрозды очень беспокоились, летали над головами.

Ригрил подтверждающее кивнул:

— Точно, Лог-а-Лог. А ни ветерка. Кто-то спугнул птичек. Погнал к югу, так мы поняли.

Лог-а-Лог перевел взгляд с одного на другого:

— Ну, ну, не томите. Нечисть?

Тигл пренебрежительно скривила губы:

— Бурые крысы, надо полагать. Мы двоих заметили.

Озабоченность вождя не укрылась от Моды.

— Сэр, может, я смогу помочь... Все же я воин Дозорного Отряда, во.

Лопоух потрепал ее по плечу:

— Может быть, может быть. Если у тебя с тактикой так же обстоит, как и с пирогами, то... Обсудим чуть позже.

Огонь решили не разводить, чтобы не обнаружить себя дымом. Как бы извиняясь за свои кулинарные

буйства, молодежь приготовила вкусный лесной салат с сыром, орехами и овсяным хлебом. С удовольствием налегая на незатейливый ужин, Лог-а-Лог рассказывал Моди:

— В этой местности вот уже несколько сезонов бродит стая бурых крыс. Кошмарные твари! Вождь у них — великан по имени Грантан Кердли. Прирожденный убийца, а что хуже всего — не дурак. Хитрый и сообразительный.

Моди добавила себе салата.

— И что этот негодяй вбил себе в голову?

Лог-а-Лог развел лапами:

— Если его разведка не видела нашу разведку — ничего не вбил. Если же они заметили Ригрила и Тигл, то мы попали в переделку, да еще в какую! И вот почему: это место, где большая скала выходит к воде, для засады — лучше не придумаешь. Там мелко, дно покрыто галькой, лодки замедлят ход. И если Грантан узнал, что мы там пройдем, он не упустит та кую возможность.

Моди схватила ухо лапой и принялась его задумчиво мять.

— Во-о-о-о... Вот что я еще спрошу. Они оба берега займут или останутся на одном?

Вождь землероек почесал хвост.

— Скорее всего оба. Не поймите меня неправильно, мисс Моди, я не боялся бы с ними схлестнуться, с этими крысами, но у нас с собой малыши. Выйти бы на ряби, и все в порядке. Там быстрое течение, и никто нам не опасен.

Моди пристально глядела на легкую лодку разведчиков, вытасценную на берег:

— А могли бы мы в эту лодку засунуть всех малышей и двух добрых гребцов в придачу, во?

Тигл подняла брови:

— Давка, конечно, была бы, но мы с Ригрилом с этим сладили бы.

Следующий вопрос Моды задала Лог-а-Логу:

— А что у нас из оружия?

Лог-а Лог принялся загибать пальцы лапы:

— У каждого рапира, почти у всех пращи с камнями, два десятка луков со стрелами. Ну и весла, коли жарко станет. Весло — оружие не хуже другого.

Зайчиха взметнула уши.

— Ну и гип-гип-ура, во! Охват флангов, обратные клещи, как майор Малл говорит. Так вот и сделаем, во, во!

Лопоух непонимающе глядел на Моды. Единственное, что ему пришло в голову, это вопрос:

— Как?

О Грантане Кердли говорили, что у него не все дома. У бурых крыс это называлось «бабочки в голове». Много мотыльков порхало в голове Грантана Кердли, но никто из бурых крыс или иной нечисти не отважился ему заявить этакое в глаза. Те, кто отважился, давно покойники или, как выражался сам Грантан Кердли, «получили порцию Кердли».

Грантан Кердли — самая большая крыса стаи. Бурые крысы мазались красками, главным образом желтым и синим. Но никто не мог сравниться с Грантаном Кердли ни в раскраске, ни в устрашающих украшениях. Его шкура сверкала пятнами и полосками всех цветов радуги, а вокруг необъятной талии болтался и гремел грандиозный набор черепов и ко-

стей птиц, пресмыкающихся и даже млекопитающих. При взгляде на него сразу становилось ясно, кто тут главный.

Грантан восседал на своих носилках, поставленных на выступ скалы, и наблюдал, как готовится засада. Дюжина носильщиков, крупных крыс, ловили каждый его взгляд, чтобы тут же броситься выполнять желание властелина. Властитель бурых крыс до беспамятства любил яйца, сваренные вкрутую. Птичьи гнезда в окрестности постоянно страдали от набегов крыс. Три дочери Грантана сдирали скорлупу с яиц, едва успевая за аппетитом родителя. Сам родитель успевал и набивать пасть едой, и допрашивать двух разведчиков:

— Ха-га, так что ж вы видели на речке, красавчики мои?

Делая вид, что не замечает летящих ему в физиономию брызг слюны попеременно с пищей, старший скаут Ногто послушно повторил:

— Землероек, великий, много-много землероек.

Грантан выплюнул кусок скорлупы, вlepил за трещину виновной в этом дочери:

— Кошмарные кошмары землероек. И их маленькие миленькие лодочки видели?

Бикло, второй скаут, рьяно закивал:

— Точно, великий, сам считал, шесть штук длинных и одна малая круглая лодка их разведки, великий.

Грантан мечтательно прикрыл глаза, представив, как плывет по тихому потоку на лодке. Нравились ему лодки. Он молниеносно схватил Ногто за горло:

— Ногто, друг, скажи мне, землеройки тебя заметили?

Скаут захрипел, закатил глаза и умудрился выговорить:

— Нет, великий, не заметили. Совсем не заметили, ни волоска.

Грантан отпустил Ногго. Внимательно осмотрев обоих разведчиков, он сунул в пасть следующее яйцо и нежным голосом пояснил:

— От засады, милые мои, прок есть лишь тогда, когда враг ее не ожидает. Если ожидает, то это уже не засада. А теперь скажите мне еще разик: видели вас землеройки или не видели?

Ногго и Бикло враз затрясли головами, враз открыли рты и выпалили:

— Нет, великий, никто нас не заметил.

Насадив на коготь еще одно яйцо, Грантан погрозил им разведчикам:

— Потому что если заметили, то вы знаете, что вас ждет...

Ногго ответил за обоих:

— Порция Кердли, великий.

Грантан проглотил яйцо.

— Хвалю за догадливость. Стрингл! — обратился он к своему помощнику, высокой тощей крысе. — Беги вниз, проверь, чтобы спрятались как следует на обоих берегах твои разгильдяи. И следи за мной, я дам сигнал, когда землеройки появятся.

Стрингл отсалютовал копьём и понёсся вниз. Грантан Кердли развалился поудобнее, слушая негромкое журчание воды. Грантан закрыл глаза, половинка яйца выкатилась из его лапы. Он уже почти заснул, когда Ногго прикоснулся к его плечу:

— Великий, лодки.

Со скалы появившиеся из-за поворота лодки казались маленькими. Шли они странным строем. По две у каждого берега, в самом центре, на середине потока,— маленькая лодка разведки, сопровождаемая еще двумя лодками.

— Идите ко мне, красавчики, идите к Грантану Кердли... — пробормотал главный бурокрыс.

ПРОЩЕННЫЙ
ВОР

КНИГА
ВТОРАЯ

Вечернем освещении древние стены аббатства подернулись розовой дымкой. Воздух медленно остывал после жаркого летнего дня. Крошка Димп с деловитым видом карабкался по каменным ступеням на самый верх северной крепостной стены. Каждая ступень представляла для маленького бельчонка серьезную преграду, но упрямство помогало ему преодолевать ступень за ступенью, он пыхтел, сопел от напряжения и усердия и неуклонно продвигался все выше и выше. Снизу, с лужайки, до него доносились крики. Там размахивали лапами, возмущенно топтали и подпрыгивали еще две малышки: мышка Флим и совсем крохотная кротиха Джорти. Эти две шалуны очень хорошо знали то, о чем предпочел забыть Димп: малышам строго-настрого заказано даже близко подходить к крепостным стенам без взрослых. Эти две

правильные малышки изо всех сил старались вразумить «неправильного» Димпа.

— А ну-ка слезь вниз, шалун, баловник, кто тебе разрешил? — тоненьким голоском выводила Флим.

— Ну-ка, салун, баловник, кто лазлесил? — вторила ей хрупким баском Джорти.

Димп, как будто ничего не слыша, с видом победителя вылез на парапет и гордо огляделся. Он радостно подпрыгнул, взмахнул лапами и только после этого презрительно глянул вниз, на плакс-девчонок:

— Хо-го! Тьфу на вас, противные зануды!

Пораженные такой грубостью маленького разбойника, девочки завизжали, прижали к мордочкам переднички и во весь опор припустили прочь.

— Эгей! Кто там на стене!

Димп подошел к наружным зубцам, принялся карабкаться на ограждение, чтобы выглянуть и узнать, чей голос прогремел снизу, из-за стены.

— Я на вахте! гордо провозгласил он, высовывая нос из-за каменного ограждения. Такого громадного зверя — да еще с гигантским двузубцем в лапе — ему видеть не приходилось. Он и помыслить не мог, что этакое вообще возможно. Димп ухнул и бухнулся на парапет.

Горас окликнул несколько оторвавшегося от него Орквила:

— Эй, Орквил! Я тут кого-то со стены спутнул. Мелкую белку, так мне показалось.

Орквил подбежал к Горасу, глянул вверх, на каменные зубцы ограждения:

— Слушай, друг, тебе лучше пока что скрыться в кустах. Я попробую с ними потолковать, меня-то они не испугаются.

Горас последовал совету друга, а Орквил принялся
взывать к стенам:

— Эй, на стене! Кто-нибудь! Нам нужно внутрь по-
пасть!

Флим и Джорти неслись так быстро, что врезались
и Фенн Синюю Лапу. Белка-архивариус смерила ма-
лышек строгим взглядом:

— Что это за шалости такие? Почему вы тут носи-
тесь и вопите, почему не готовитесь улечься в постель-
ки?

— Хулл, мэм! — подпрыгнула на месте Джорти.—
Этот ненослусный салун Димп...

Флим тоже не терпелось рассказать о Димпе:

— Этот Димп, мэм, этот Димп! Такой хулиган! Он
слова говорит, ужасно, ужасно.

Джорти рьяно закивала:

— Хулл, и на стенку заблался.

Фенн сразу забыла про слова, которые говорит
Димп.

— Марш в аббатство, живо! — крикнула она кро-
хам. А с сэром Димпом я сейчас разберусь!

Что было сил она побежала к стене, а Флим и
Джорти смотрели ей вслед, довольные тем, что уж сей-
час хулиган Димп получит по заслугам.

Орквил уж в который раз завел свою песню:

Эй, кто-нибудь! Нам надо в аббатство! Срочное де-
ло! Серьезная угроза! Страшная опасность!

Фенн Синяя Лапа высунула нос из-за зубца стены:

— Ага, опять ты, Орквил Принк! Вор, изгнанный на
сезон. Я с тобой даже и говорить не стану. И слушать не
хочу. Немедленно удались, негодяй!

Молодой ежик умоляюще распростер лапы:

— Мэм, вы не поняли! Я срочно должен увидеть аббата Даукуса или Командора. Страшная опасность!

Фенн подхватила Димпа и отвернулась, выкрикнув напоследок:

— Сначала вор, потом врун. Стой там сколько хочешь, и слушать тебя не желаю.

Горас понял, что друг его с этой бестолковой белкой толку не добьется. Он выступил из укрытия и выпрямился во весь свой гигантский рост позади Орквила. Сложив обе лапы перед пастью, он загремел так, что задрожали листья на ближних кустах:

— Слушай меня! Рэдволл под угрозой!

Командор Рорк вышел из аббатства с вечерним обходом. Собственно, безмятежный обход этот превратился из патрулирования в приятную вечернюю прогулку после ужина. Голос Гораса мгновенно изменил настроение Командора, и он заспешил к северной стене. На бегу он встретил белку Фенн, волокущую упирающегося Димпа.

— Добрый вечер, мэм. Кто там кричал?

Белка презрительно фыркнула:

— Этот гадкий воришка Орквил Принк. Выдумал какое-то вранье, чтобы пролезть обратно в аббатство. Димп, не барахтайся!

Димп врылся в землю и возбужденно взмахнул хвостом:

— Неправда, там не Орквил, там громадный грохотун с двумя длинными зубами на палке! Я сам видел!

Командор уже нессся дальше, крикнув на бегу:

— Это не Орквила голос! Надо глянуть!

Он быстро взбежал по ступеням и выглянул наружу. Странная парочка там, внизу, но не время рассматривать.

— Что случилось, Принк? Кто этот гигант у тебя на буксире?

Ответил Горас:

— Я Горас, сэр. Сюда направляется команда разбойничьего судна, скоро прибудет. Аббатству угрожает нападение.

— Орквил, идите с другом к главным воротам, я вас впущу! — крикнул Командор и понесся вниз.

Аббат Даукус отхватил кус желтого сыра, решив употребить его на десерт вместе с большой сочной грушей. Тут, однако, дверь Большого зала распахнулась. В зал вошли Командор Рорк, Орквил Принк и невиданных размеров барсучище с громадными двузубыми вилами в лапе. Аббат забыл о десерте, спешно поднялся с места и обратился к барсуку:

— Если вы пришли в аббатство как друг, то незачем размахивать оружием, сэр.

Горас перевел взгляд на свои вилы, как будто только что их заметив. Он слегка поклонился, положил вилы на стол:

— Прошу прощения. Я никого не хотел испугать. Я пришел сюда с Орквилом предупредить вас, что к аббатству движется нечисть, команда пиратского судна под командованием лиса по имени Виска Длиннозуб...

Горас замолк, качнулся, схватился за стол, тяжело осел на скамью.

— Горас мой друг, он был в плену у разбойников, попал в плен на Северных островах, — поспешил объ-

яснить Орквил. — Они приковали его к мачте, били и не кормили. Он сейчас слабее ежонка.

Хранитель погребов Бенджо Типпс тут же начал стребать поближе к Горасу пищу, оставшуюся на столе:

— Подкрепись, друг, сейчас еще принесем, у нас хватит. Орквил, ты расскажешь остальное.

— Прошу всех лишних покинуть зал! — принялся распоряжаться аббат. — Брат Хондрус, позаботьтесь о пище, и горячего супа побольше, пожалуйста. Мы позаботимся о вас, Горас, друг мой...

Горас кивнул, но поднять голову уже не смог. Глаза его закрылись, голова опустилась на стол.

— Сестра Атрата, прошу, займитесь барсуком. Командор, пожалуйста, стол освободите. Кто-нибудь, подушки и одеяла. Орквил, прошу со мной, ознакомимся с ситуацией. Бенджо, тоже прошу ко мне. И Командор, как только освободитесь...

«Кравявая кешка» еле ползла по руслу. Ладно бы течение! Мешали склонившиеся к воде гигантские деревья, сужения русла, отмели, торчавшие со дна на манер морских рифов острые скалы. Виска не раз с тоской вспомнил о морских просторах. Капитан не щадил спин и ушей команды, то и дело поощряя лентяев линьком, с которым, казалось, стал одним целым, и градом ругательств.

Кроме капитана и тяжелой работы команду донимали тучи всевозможной кусачей и жалящей крылатой и бескрылой, летучей, прыгучей и ползучей гадости, налетавшей отовсюду и сваливавшейся на головы из ветвей нависших над водой деревьев. Во время нечестных перерывов на отдых и еду приходилось бросать якорь, чтобы судно не снесло обратно по течению.

Солнце уже выползло на небо и поднялось достаточно высоко, а ни тропы, ни брода по-прежнему не видать. Виска пнул в бок свалившегося в изнеможении на палубу проводника-полевку:

— Подъем, ленивая скотина! Ты уверен, что мы правильно идем?

Виска вздернул свою жертву на ноги, резко рванув обвязанную вокруг ее шеи веревку.

Голодный и уставший пленник криво усмехнулся:

— А куда еще может идти река, как не к броду?

Виска поднял полевку над палубой и прокусил ухо бедного животного до крови.

— Не умничай. Я спросил - отвечай на вопрос.

Укушенный схватился за кровоточащее ухо:

— Да, да, сэр, это верный путь. Другого пути нет.

И тут же один из шлепавших вдоль берега матросов заорал во все горло:

— Кэп, река мельчает!

Виска отпустил веревку, «водяной» рухнул на палубу. Капитан снисходительно почесал носком сапога загривок пленника:

— Ну, молодец, парень. Похоже, вышли мы к броду. — И он заорал: — Судно к берегу, отдать якорь!

У команды вырвался единодушный стон облегчения. Звери падали, где стояли, пытаясь отдышаться, прийти в себя после долгих часов тяжелых усилий. Виска понимал, что команда измождена, но его это мало беспокоило.

Бол и Видж! Останетесь здесь, судно сторожить. Остальным подготовиться к маршу.

Виска выпнул на физиономию одну из нежнейших своих улыбок, наблюдая, не мелькнет ли в чьих-то глазах искра бунта, недовольства мудрым решением капи-

тана. Но глаз он не увидел. Все повесили носы, глядели кто куда, не отваживаясь пикнуть. Виска принялся бодро прохаживаться между матросами, приговаривая:

— Что скисли? Я вам слово даю, что нынче вечером мы с вами запируем королями! Спать уляжемся на мягкие кровати. Что вы на это скажете?

Кто что скажет, Виска ждать не стал. Он отвернулся и пошел в свою каюту, зная, что они исполнят любое его приказание. Или умрут.

К аббату Даукусу, Бенджо Типпсу и Командору Рорку присоединилась матушка Гранпик Нибло. Они внимательно выслушали сообщение Орквила о грозящей аббатству опасности. Старая ежиха обняла ежонка:

— Видишь, батюшка аббат, хороший он все-таки парень. Чуяло мое сердце, что хороший. Хоть мы его и прогнали, а он о нас побеспокоился, поспешил нас предупредить о разбойниках.

Даукус улыбнулся:

— И вправду, юный Принк, все аббатство в долгу перед тобой.

Орквил с надеждой вздернул нос:

— Отец аббат, значит, я больше не изгнанник?

Командор шутливо щелкнул Принка по носу.

— Нет, друг, ты больше не изгнанник. Нам такие храбрецы, как ты, очень нужны для защиты стен. Не сосчитал ты, часом, сколько нечисти у лиса Длиннозуба?

Орквил поскреб иголки на голове:

Сосчитать не смог, а уж не меньше сотни. А то и полторы. Что нам делать, если они нападут на аббатство? Воинов-то у нас ой как немного... А Горас слаб.

Аббат сложил лапы, спрятав их в широких рукавах.

— Рэдволл, конечно, не военная крепость. И мы не гарнизон. Но стены у нас мощные, и мы сделаем то же, что и обычно. Будем держаться. Верно, Командор?

— Точно, отец аббат. Мы с Бенджо с нечистью сталкивались. Должно быть, и эти такие же. Управимся и с ними. А молодого Принка, сдается мне, следует назначить офицером стражи. Как думаешь, Бенджо?

Хранитель погребов с серьезным видом кивнул:

— Отчего ж нет, молодые растут, известное дело. Вот бы еще барсук оклемался. Иглы и сезоны! Ведь какой здоровенный! Он со своими вилами целой армии стоит.

Гордый свалившейся на него честью, Орквил отважился высказаться:

— Мой друг Горас великий воин. На моих глазах он убил одного из команды нечисти, когда мы сбежали с их судна. Он рассказал мне, что одержим закланием Жажды Крови.

Аббат чуть не подпрыгнул.

— Великие сезоны войн! Ты хочешь сказать, юный Принк, что у нас в Большом зале на столе лежит существо, одержимое Жаждой Крови?

Орквил поспешил успокоить аббата:

— Не беспокойтесь, отец настоятель. Горас сказал мне, что с него снял заклятие возникший перед ним и видении воин-мышь с мечом.

Аббат отодвинул стул и поднялся.

— Это Мартин Воитель. Пойдемте, друзья, поглядим на барсука, поближе познакомимся.

Внизу, в Большом зале, Горас уже не лежал, а сидел на краю стола. Брат Хондрус наполнил для него из привезенного на тележке котла с луково-грибным су-

пом очередную миску. Кротоначальник Берф поставил на стол блюдо пирожков с морковкой и репой.

— Спасибо, друзья, спасибо, — приговаривал барсуку. — Чудесно, в жизни такого не едал.

Он жевал, а сестра Атрата продолжала хлопотать вокруг него, обрабатывая потертости и царапины разными медицинскими снадобьями. Орквил храбро подошел к барсуку.

— Ну как, друг, тебе лучше?

Горас поднял голову от миски, и Орквил от неожиданности отшатнулся.

Засохшая корка крови, закрывавшая нанесенную кистенем Виски рану на лбу, исчезла. Белую полосу на лбу барсука прерывала теперь алая отметина, напоминающая всполох пламени. Горас удивленно уставился на Орквила:

— Спасибо, намного лучше. Чего это ты так на меня уставился?

Прежде чем Орквил успел ответить, сестра Атрата пояснила:

— Я промывала эту ужасную рану на голове, отмачивала целебными травами, чтобы корка отошла. Боюсь, шерсть на этом месте больше не вырастет, да и кожа прежней не будет. Но корка рану, к счастью, защитила. Горас даже не жалуется на боль в ней.

Горас бесстрашно потрогал рану на лбу.

— Спасибо, сестра. Действительно, больше не болит. Вот бы глянуть, какая она с виду, эта дырка.

— Если вы достаточно окрепли, друг, могу предложить вам посмотреться на себя в блестящий щит, вон там, подальше, в нише. Многие наши девушки глядятся в него, как в воду.

Они проследовали к алькову, в котором висел щит, но Горас прошел мимо. Он увидел перед собой гобелен, и голос его заполнил Большой зал:

— Вот он, воин с мечом!

Орквил схватил лапу своего большого друга:

— Ага, я тебе говорил, что ты здесь кого-то встретишь! Это наш Мартин Воитель.

Горас опустился на пол у портрета, не сводя с него взгляда:

— Он спас мне жизнь.

Портрет Мартина, казалось, жил. Глаза пронизательно смотрели на каждого из присутствующих, заглядывали в душу. Глаза добрые, но серьезные, выражавшие решительность натуры их хозяина. Орквил любил смотреть в глаза Мартина, после таких встреч с покровителем аббатства он чувствовал себя увереннее. И то же самое ощущали все рэдловльцы. Аббат тихо приблизился к Горасу и вложил что-то в его лапы. Это оказался меч Мартина. В громадных лапах барсука грозный меч казался кинжалом, но Горас почтительно принял оружие и поднес его к глазам.

— Чудесный клинок, — промолвил он. — Большой мастер его выковал.

Барсук наклонился к гобелену, как будто прислушиваясь. Он пробормотал, обращаясь к Орквилу:

— Принеси мне, пожалуйста, мои вилы.

Орквил, пыхтя, притащил оружие барсука.

Горас поднес вилы к гобелену.

— Это не настоящее оружие воина, — сказал он, — но я привык к нему. Я называл его Тунг. Конечно, нет в нем волшебства такого, как в этом мече, но служил мне этот инструмент верно. Горас положил вилы и меч

Мартина под гобелен, не говоря более ни слова, улегся тут же и мгновенно заснул.

Сестра Атрата прошептала Орквилу:

— Ему здесь понравилось, и это хорошо. Принесем ему одеял и подушек. Скоро твой друг выздоровеет.

Все на цыпочках отошли подальше, чтобы не беспокоить спящего барсука. Аббат прошептал Командору:

— Тот, кто беседует с Мартином, — друг нашего аббатства.

Бенджо Типпс тут же подтвердил:

— Да, сразу видно было, что они разговаривают, достаточно одного взгляда.

Орквил покосился на друга, спящего под взглядом великого воина, и прошептал в сторону гобелена:

— Прошу вас, сэр, помогите Горасу выздороветь, чтобы он смог помочь нам справиться с нечистью.

Орквилу показалось, что Мартин ему подмигнул в ответ. Может быть, конечно, так пошутили горящие свечи, язычки пламени которых колебались от легкого сквознячка.

Бурые крысы засели за береговыми скалами по обоим берегам, поджидая лодки Гуосим. Сжимая копыта и дубинки, они ожидали сигнала вождя. План их прост и надежен: пока не готовые к нападению землеройки успеют что-то сообразить, brave бурокрысы атакуют на мелководье и покончат с ними.

Грантан вылез из своих носилок, улегся на краю скалы, наблюдая за местом предстоящей славной победы. Следя за продвижением лодок противника, он не прекращал беседы с самым умным собеседником, которого только мог породить свет, — с самим собою:

— Ха-га, вот как, две мои лодки у одного берега, две у другого. Две в середине, а между ними малая

круглая. Всего восемь. Девять. И одна в уме. Ага, вот они у меня там сейчас... а я их тут потом...

Моди из одной из центральных лодок глянула на вторую, в которой находился Лог-а-Лог, внимательно осматривавший скалистые берега.

Прятаться-то они никогда не научатся, — неодобрительно вздохнул Лог-а-Лог. — Вон, торчат носы, хвосты да задницы.

Зайчиха перехватила поудобнее лук.

— Да еще эта раскраска, сэр! — с готовностью подхватила она. — Как цветочки на лулу, во. Не самая хорошая идея для маскировки. И так, что у нас получается, сэр Лопух... Они видят, что мы здесь, мы видим, что они там. Пора открывать бал!

Она махнула Ригрилу и Тигл, удерживающим свою набитую малышами лодку между двумя длинными логоходами.

— Давайте, ребята! Вперед, работаем веслами! Удачи, во!

События развивались быстро. Малая лодка рванулась вперед, из-под весел фонтаном полетели брызги, детишки восторженно завизжали. Лог-а-Лог набрал в легкие воздух и огласил окрестности громким боевым кличем:

— Логалогалогало-о-о-о-о-ог!

С четырех ближних к берегу лодок на укрывшихся в кустах крыс обрушился камнепад.

Грантан Кердли вскочил, выпрямился во весь свой немалый рост и завопил:

— Чего расселись, заснули, болваны? Вперед! Первый офицер Стрингл вскочил и взмахнул копьем:

— Все слышали любимого вождя? Впере-е-е-ед! Впе...

Крысы выскочили из укрытий, но тут метко запущенный из пращи камень врезался в челюсть Стрингла, и он свалился. Оставшись без командира, крысы замялись, смутились, хотя часть их полезла в воду. Грантан прыгал на уступе, потрясая сжатыми в кулаки лапами и вопя:

— Вперед! Вперед, остолопы! В атаку, олухи! Впер-ре-е-е-ед!

В логоходах половина землероек управлялась с веслами, половина продолжала обстрел крыс, Моды выпрямилась, наживила стрелу.

— Кровь и уксус, еулалиа-а-а-а! — завопила она и, прицелившись в ближайшего крысего воина, шлепавшего к лодке по мелководью, выпустила стрелу.

С лодок в крыс летели камни и стрелы. Моды наживила вторую стрелу.

— Еще разок — и пора убираться, — поняла Моды. И вот Гуосим уже налегли на весла. Малая лодка уже скрылась за поворотом, и шесть больших устремились за ней. Первой шла лодка Лог-а-Лога, за ней та, в которой находилась Моды.

Грантан Кердли бесновался на уступе.

— За ними, в погоню! — орал он. — Догнать, задержать! Лодки, мои лодки! Вылезайте из воды, болваны беззадые, по суше скорее догонишь! Оглохли, идиоты? Вон из воды, бежать по берегу!

Но не все крысы слышали вопли вождя из-за шума воды и суматохи. Грантан прыгал, грозил ку-

лаками, изрыгал проклятия, пока наконец не оступился и не рухнул с уступа.

Ногго изумленно смотрел на то место, где только что видел Грантана.

— Э... А куда великий девался? — Он перевел взгляд в небо.

— Должно быть, свалился, — догадался Бикло. Видишь, его нет там, где он только что прыгал.

Ногго почесал основание хвоста и ослабился:

— Если его больше нет, то он нас, стало быть, и убить не сможет. Земройки-то нас заметили. Вишь, они знали, что тут засада. А великий обещал нам порцию Кердли, коль нас заметят. А нас заметили.

Бикло тоже понял, что им дали займы еще какой-то кусочек жизни. Его разобрал смех.

— Ха-ха-ха-ха-хах! — Он хлопнул себя по тощему животу. — Вождь в птичку превратился!

— Хи-хи-хи-хи-хих! — вторил ему старший партнер. — Вот что бывает, когда ешь много яиц! Крысорока Кердли!

Когда они утомились и затихли, смогли расслышать наконец доносящийся снизу вопль:

— А-а-а-а-а-о-о-о-о-о-о-о!.. Помогите! У-у-у-у-у-у-ы-ы-ы-ы-ы!..

Остатки смеха колом застряли в глотках весельчаков. Ногго и Бикло, дрожа от кончиков усов до кончиков хвостов, подползли к краю уступа и высунули носы. В середине отвесного склона к скале чудом прицепился густой куст шипастого утесника. Великий и могучий Грантам прочно застрял в его колючих ветках.

— Давайте, живо, спасайте, пока он меня держит! Ы-ы-ы-ы-ы-о-о-о-о-о-о-о!

— Мы мигом, великий, оставайся там!

Грантан аж хрюкнул от возмущения:

— Идиот! «Оставайся». А куда я денусь? Разве что свалюсь. Тащите веревки, живо!

Грантан с трудом повернул голову вниз, заметил первого офицера:

— Эй, Стрингл! Живей на помощь! Спасай вождя!

Крысы вылезали из речки. Побежавшие было за лодками — вернулись. Главный закон — спасти драгоценную персону вождя. Приволокли кучи спутанных веревок, принялись их распутывать, связывать, толкаясь, мешая друг другу и переругиваясь. Наконец вопящего, стонущего и ноющего вождя подняли обратно на площадку уступа. Из шкуры его торчало множество шипов, подаренных ему его спасителем, колючим кустом. Многочисленные добровольные помощники тут же бросились вытаскивать шипы. Вождь немного отошел и убийственным взглядом уставился на скаутов:

— Стоило бы снять с вас обоих шкуры да швырнуть в тот самый куст. Но я вам даю еще шанс. Бегите за лодками да гляньте, куда они направляются.

Не проронив ни звука, Ногго и Бикло тут же рванулись выполнять приказ.

Отделавшись от крыс, Моды и землеройки столкнулись с новыми трудностями. Малая лодка с Ригрилом, Тигл и малышами оторвалась от шести больших логоходов. Ту часть реки, где крысы устроили засаду, землеройки называли излучиной. Далее, после галечной отмели, русло резко углублялось, течение успокаивалось. Но ненадолго. Предстояло

преодолеть ряби. Здесь текущий сверху поток раздваивался, течение кружилось, завихрилось, вода металась в непредсказуемых направлениях.

Лог-а-Лог с носа своей лодки пытался докричаться до Ригрила и Тигл, которых затягивало в воронки прибрежных потоков:

— К середине, к середине, ребята! Не дайте себя утащить в рябь!

Гремела вода, визжали детеныши в лодке — Модди не могла сказать, услышали ли разведчики своего Лог-а-Лога. Но она видела, что малая лодка попала в беду. Ригрил и Тигл отчаянно работали веслами, пытаясь удержать перегруженную посудину, но тут их лодка задела за подводную скалу, чуть не достававшую до поверхности.

На шести логоходах обеспокоенно загудели землеройки. Малая лодка завертелась волчком, отскочив от скалы, угодила напрямик в рябь и понеслась гибельным курсом.

— Нажмем, ребята! Догнать их! — загремел Лог-а-Лог.

Моди беспомощно наблюдала, как землеройки-гребцы прилагали героические усилия, чтобы приблизиться к утлой скорлупке с детьми и разведчиками. Большим лодкам приходилось не только бороться с завихрениями, но и держаться на безопасном расстоянии одна от другой. Гребцам приходилось то грести, то тормозить, глубоко погружая весла, чтобы удержать лодки на курсе. Рябь становилась все более беспокойной, буйной, опасной. В воздухе повисла водная пыль.

Моди пригнулась к уху Лог-а-Лога и проорала, стараясь перекрычать грохот воды:

— Какие же это ряби, это настоящие быстрины!

Ответный крик вождя землероек смешался со все возрастающим грохотом воды:

— Закройте рот и держитесь крепче, мисс! Сейчас большая рябинка будет!

Услышав свой визг, Моди поняла, что не последовала совету Лог-а-Лога. Лодка вдруг взлетела на воздух. Большой рябинкой Лог-а-Лог назвал водопад.

Нббат Даукус распорядился, чтобы оба колокола Рэдволла молчали. Их звон мог бы указать дорогу незваным гостям. Орквил вместе с Командором Рорком, Кротона начальником Берфом и Бенджо Типпсом стоял на вахте в юго-восточном углу стены, выбрав наиболее вероятное направление появления морских разбойников. Конечно же, они должны были подойти от брода по тропе.

Орквил чувствовал себя совсем взрослым в своей новой роли. Вооруженный добытыми у полевки кинжалом и дубиной, он бдительно всматривался в даль.

Опиравшийся на зубец стены рядом с Орквилем Командор прошептал:

— Ничего не видно. Как думаешь, далеко они, друг?

Орквил пожал плечами:

— Трудно сказать, но этот большой лис вряд ли стал бы долго рассиживать, обнаружив, что пленные сбежали, а брат его убит.

Бенджо протер глаза.

— Темно-то как... Луна бы, что ли, вышла... Чего я никогда не любил, так это ждать долго.

Командор разгладил усы.

— Время к полуночи. Может, они разбили лагерь, остановились на ночлег до света. Местность им чужая, они должны соблюдать осторожность.

Орквил тут же ответил:

— Нет, осторожность — не для Длиннозуба. Если ему известна дорога, он прибудет без всяких ночных привалов.

Орквил заблуждался. Виска зверь наглый, но об осторожности он ни на мгновение не забывал. И в первую очередь заботился о своей личной безопасности. Вот и сейчас он шествовал в центре отряда, отгороженный от неожиданностей своими подданными. Время перевалило за полночь, совсем стемнело. Шедший сзади матрос-ласка задел капитанову ногу.

— Ты, пень неуклюжий, — оскалился на него капитан. — Дуй вперед, пришли ко мне разведчиков.

Горностаи Пятая Нога и Заплата подошли к капитану. На веревке они вели местного «следопыта», пленную водную полевку.

Пятая Нога ткнул в пленника лапой.

— Этот болтает, что уже видит аббатство, кэп.

— Скоро, скоро, капитан! — заверил «следопыт», прижимая лапы к груди.

— Всех в канаву, — бросил Виска кунице Магтеру.
— Джанго, Билджер, ко мне! Берите волосатую мышь.

Обрадованная неожиданной передышкой, нечисть посыпалась в высохшую канаву. Виска с двумя разбойниками и проводником осторожно двинулись вперед.

— Вот оно, аббатство, — оживился пленник. — Я правильно вас вывел. Можно теперь вернуться домой, к реке?

Виска изобразил клыками улыбку, постаравшись сделать ее менее страшной.

— Молодец, мышь волосатая, молодец. Надо тебя отпустить, надо. Вот только еще одну службу сослужи. Джанго, давай сюда свою пращу. Билджер, снимай рубаху и шейный платок.

«Водяного» обрядили в громадную для него рубаху, а шейный платок накрутили на голову, как тюрбан. Заряженную пращу лис сунул пленнику и лапу:

— Ха-га, да ты теперь заправский пират соленых морей!

Джанго тоже развеселился:

— Хы-гы, потешное чучело...

Билджер с сомнением смотрел на свою рубаху.

«Заправский пират» чуть не рухнул, наступив на край рубахи.

— И что мне теперь делать, сир?

Виска указал на стены аббатства:

— Оповестишь этих о нашем прибытии. Скажешь им, точнее, проорешь вот так: «Эгей, там, за воротами! Впустите бедного голодного морского зверя покормиться и переночевать, добрые хозяева!»

Полевка исподлобья уставилась па Длиннозуба:

— Да они все спят, меня никто не услышит.

Виска ободряюще хлопнул сомневающегося по спине:

— Это не твоя забота, просто прокричи, и все. Пошел, пошел.

Пленник продолжал сомневаться:

— И вы отпустите меня после этого, добрый сэръ?

— А как же! Сразу и отпущу.

Виска подтолкнул полевку вперед и оттащил своих матросов под укрытие деревьев.

Первым движение на тропе заметил Орквил:

— Кто-то движется внизу. Не видно, темно, но похоже, что нечисть.

Командор закричал подходящему:

— Стой! Ни шагу дальше!

Зверь внизу остановился и продекламировал:

— Эй, там, над воротами! Впустите бедного голодного морского зверя поесть и поспать, добрые сэры!

Орквил сразу же узнал голос своего недоброжелателя. Но он не успел ничего сказать. Бенджо Типпс взмахнул дубовым сучком — такие сучки он использовал вместо пробок в своих бочках. Затычка попала и лоб кричавшего, и тот рухнул наземь. Орквил даже рот раскрыл от неожиданности:

— Мистер Типпс, это не морская нечисть. Это водяной, он живет возле брода.

Бенджо хмыкнул:

— Водяной в реке живет. И зачем тогда он врет? С виду нечисть, сказался зверем морским. И праща при нем. Так, Командор?

Командор кивнул:

— Да, праща заряженная. Все правильно. Явно дело нечистое, что тут долго разговоры вести с нечистью. Старое правило: сперва стреляй, потом разбирайся. Ну-ка, друг Принк, у тебя глаза молодые, есть там еще кто внизу?

Орквил взгляделся во тьму, но ничего не заметил.

— Нет, Командор. Никого не вижу. Мистер Типпс, кажется, убил беднягу, он не шевелится. Противный он, это правда, жадная береговая полевка. Но не нечисть.

Бенджо потрепал иглы на голове Орквила:

— Зашевелится, не бойся. Но когда зашевелится, голова у него будет гудеть день-другой. Если ничего не случится, мы его утром подберем.

— Э-э, кого подберем, смею спросить? — раздался голос подошедшего брата Хондруса. Он с матушкой Гранпик Нибло появился на стене с нищей для вахтенных.

Кротоначальник Берф налил себе миску грибного супа.

— Хурр, да сами не знаем. Внутри полевка речная, снаружи пират морской. Это наш Бенджо не промахнулся.

Орквил и его друзья принялись за горячий суп со свежим хлебом и сыром, сознавая, что сегодня они проторчали на стене не зря.

Виска Длиннозуб и оба его сопровождающих прокрались обратно, к спящей в канаве нечисти. Будить Виска никого не стал, кроме куницы Магтера, которого произвел и свои помощники вместо Коджа.

Магтер сразу заметил отсутствие полевки.

— А толстый волосатый недомерок, что, неужто удрал? — удивился Маггер.

Виска отложил кистень.

— Бросил я его, валяется там... Но помог он мне, помог, ничего не скажешь. Показал, что этот Рэдволл не просто аббатство с размякшими сонями внутри. Туда попасть не так просто.

Маггер не терял веры в капитана:

— У нас много битв позади, кэп, и ты ни одной не проиграл. Если кто и сможет взять его, так это ты. Виска Длиннозуб проиграть не может.

Виска уселся и привалился к стенке канавы.

— Это ты все верно говоришь, но с полосатым псом драться мне еще не приходилось.

Маггер вопросительно уставился на капитана:

— А почему ты уверен, что он в аббатстве?

— Колючая мышь на стене. Слышал я ее голос. Значит, и Каменная Башка там. Вместе они удрали.

— Значит, ты раздумал брать Рэдволл, кэп? — спросил засыпающий Билджер.

Виска подобрал кистень.

— Я этого полосатого в прошлый раз не прикончил. В следующий раз прикончу. Сезон еще не сменится, как я сяду капитаном в Рэдволле, управлять, судить и рядить.

На стене матушка Гранпик Нибло собирала миски. Она улыбнулась Орквилу:

— Как хорошо, что ты вернулся, пострел. И показал себя молодцом. Вот, аббатство защищаешь.

Орквил отдал ей свою пустую миску и покачал головой:

— Невелика доблесть — справились мы со старой полевкой. Нечисть там, за стенами. Чую я, предстоят аббатству тяжкие дни. Как чувствует себя мой друг Горас, надеюсь, лучше?

Матушка Нибло покачала головой:

— Лучше, конечно, но до поправки ему еще далеко. Уж очень он там настрадался, у извергов этих.

Кротоначальник Берф усмехнулся:

— Ничего, поправится. Зато когда поправится — держись, нечисть!

Моди показалось, что средь бела дня на нее навалился ночной кошмар. Логоходы летели сквозь водопад, окутанные густой водяной пылью, в сверкании радуги. Вода кипела и ревела вокруг. Лодка описала в этом месиве воды и воздуха затейливый пируэт, землеройки горохом посыпались из лодки, кто с веслом, кто и без... Естественно, Моди последовала за ними. Она успела подумать, что бедные детишки тоже летели здесь вверх тормашками и что тяжелая лодка, чего доброго, бухнется па их неразумные головы.

Бу-бух-х-х-х-х-х!

Моди погрузилась в какое-то бешеное вращение синего, зеленого, белого... В голове непрерывный гул... Вода хлынула в нос, в рот... Тело стремилось в

разные стороны, лапы Моды беспорядочно колотили воду.

— Давай-ка сюда, парень! — прогудел чей-то голос, перекрыв грохот водопада.

Моды вдруг оказалась над водой, уши ее крепко сжала лапа мощной, толстой выдры.

Конечно, мало приятного, когда твои уши растягиваются под твоим же весом. Но лапа тут же разжалась, Моды почувствовала, что ее швырнули на береговой мох, как какую-то выстиранную тряпку. Тут же рядом шлепнулась землеройка, еще одна, еще... А вот и Лог-а-Лог... отплеивается, откашливается, отлепляет от физиономии зелень водорослей. Выдра хлопает своим веслообразным хвостом по спинам землероек, помогает откашливаться. Рядом с ней вторая выдра. Одна из них указала лапой на Моды:

— Глянь, Качуч, землеройка длинноухая!

Моды собралась с силами и запротестовала:

— Какая землеройка! Я зайчиха, дева дорогая, во, во!

Качуч помогла Моды подняться на ноги.

— Не обращай внимания на Барбаулу. Он парень неплохой и пошутить любит.

Лог-а-Лог дернул Барбаулу за хвост.

— Барбаула, с каких пор ты мутишь эти воды? Думалось мне, что твой дом на Восточной реке.

Барбаула выудил из воды еще одну землеройку, швырнул ее в мох, ухмыльнулся Лог-а-Лог:

— Лог-а-Лог Лопух, с каких это пор ты ныряешь в рябях? Моему семейству только и забот на свете — твой народишко из супа этого выживать!

Лог-а-Лог подхватил чье-то весло, проверил, нет ли и нем трещин, вздохнул:

— Ох, друг, выбрать не пришлось. Удирали мы от Кердли. Ты наших малышей, часом, не спас, они тут булькнули перед нами?

Качуч махнула в сторону хвостом.

— Там твои крошки колючки, играют с нашими выдрятами. Стыдно, старый, так с детишками-то обходиться! В водопад кинул, ай-ай!

Моди выступила на защиту обижаемого вождя землероек:

— Нам ничего другого не оставалось, мэм. Пришлось драться с противной нечистью, видите ли, дери ее сезоны, во.

Барбаула оттащил перевернутый логоход подальше, к спокойному месту, где его дети общими усилиями перевернули лодку дном вниз.

— Этот Грантан Кердли еще встретит достойного противника. Надеюсь, этот день не за горами. А пока прошу всех славных Гуосим к нашему пристанищу, отдохнуть и перекусить.

Выдры обустроились на острове, к которому переправились во вновь спущенных на воду лодках. Барбаула и его обширное семейство возвели на острове крепость из бревен, камня, мха, ила и глины. Внутри было по-домашнему уютно. Барбаула и Качуч жили здесь со взрослыми детьми, которые уже обзавелись своим потомством.

Моди усадили в углу, рядом с Качуч и ее старшей дочерью Бельфор. Ей, как и всем остальным, выдали миску и заостренную деревянную палочку. Бельфор отошла к очагу, и Моди последовала за ней — просто так, из любопытства. Здесь возвышался массивный котел, в который повара и поварихи засыпали смесь из сыра, муки и мелко нарубленных трав. Профессио-

нальное поварское любопытство одолело зайчиху, и она обратилась к Бельфор:

— Во, во, пахнет аппетитно... А что это они такое готовят?

— Здесь готовят подливочку. Я возьму подливочку, а ты пройди туда, тебе дадут тефтелек.

Моди подошла к очагу с другой стороны, где на огне вместо сковород калилось несколько старых железных щитов. Здесь повара толкли лесные орехи и каштаны вместе с нарезанными грибами. Залив смесь медом и тщательно все перемешав, они готовили из нее тефтельки, которые затем обжаривали до темно-коричневого цвета.

Один из поваров наполнил продолговатое блюдо такими тефтельками и вручил его Моди.

— На здоровье, мисс. Вам понравится.

Зайчиха вежливо присела в реверансе:

— Благодарю, сэр. Уверена, что очень вкусно.

Вернувшись в угол к Качуч и ее дочери, Моди наколола на палочку тефтельку и окунула ее в миску с подливкой. Вкус ошеломил зайчиху. Барбаула понял, что это одно из самых вкусных блюд, которые Моди довелось пробовать за всю жизнь.

Он подсел к Моди, жене и дочери и тоже навалился на тефтельки с подливочкой. Зайчиха удивилась, как он глотает эту раскаленную на огне пищу, и Барбаула, ухмыляясь, пояснил:

— Видишь ли, мисс Моди, если у тебя такое большое и прожорливое семейство, поневоле станешь поторапливаться, чтоб голодным не остаться. А тут еще толпа землероек с их аппетитом. Удивляюсь, они ведь такие крохи — а как в них все это влезает?

Моди улыбнулась Барбауле:

— Я надеюсь, вождь землероек выразил вам свою глубокую благодарность за спасение его народа, во...

Качуч добавила Моди подливки.

— Охти, какая благодарность нужна за то, что любой честный зверь должен сделать для другого честного зверя! Вот как вспомню бедных крошек в маленькой лодке, так дух захватывает.

— Трудно было их разыскивать в бурлящей воде? — сочувственно спросила Моди, подхватив на палочку очередную тефтельку.

Качуч зашла в приступе смеха:

— Искать! Нам когтем не пришлось шевельнуть, они сами себя спасли. Даже не намокли. Лодка слетело вниз, как сухой листочек, крохи визжали от счастья, как будто игра такая интересная на их долю выпала. А мы как раз внизу оказались.

— Прямо на спины нам свалились, — улыбнувшись, добавила Бельфор, — Лодка скользнула по нашим горбам и плюхнулась на берег. Даже ног не промочили.

Барбаула хлопнул себя по макушке:

— Кому на горб, а кому и на голову. Мне шерсти клок выдрали, сорванцы. Лодка меня первого задела. Только беспокоит меня не это, а Кердли и его крысья орда. Если они за вами погонятся, наткнутся на нас. А мы против такой оравы не выстоим.

Моди поняла, в какое положение поставило выдр их неожиданное прибытие. Она сжала лапу Барбаулы:

— Я предложила бы вам направиться с нами в Рэдволл, во.

Качуч эта идея пришлась по вкусу.

— О, аббатство Рэдволл! Там ведь твой кузен Рорк командорствует, Барбаула!

Барбаула пожал зайчихе лапу:

— Отличная мысль! Я давно хотел побывать в аббатстве, да все никак не получалось.

Он повернулся к жене и дочери:

— Только никому ни полсловечка! Как начнутся сборы, возня предотъездная, так и дождемся Кердли.

Бельфор кивнула с серьезным видом:

— Правильно. Мы скажем, что все вместе проводим землероек. Моды, как думаешь, Лог-а-Лог согласится взять наших детишек в лодки? Самим-то нам никакие лодки, ясное дело, не нужны.

— Конечно, согласится, какие тут сомнения! Барбаула, согласуй план с ним сразу же, сейчас.

Вождь землероек согласился не раздумывая и предложил поторапливаться:

— Стоит, пожалуй, долго не затягивать. Моя разведка уже донесла, что крысы начали спускаться со скал. Придется нам поторопиться, чтобы бурых с хвоста стряхнуть.

Я здешние водные пути знаю, все тупики и заводы, все протоки. Я вас выведу, — пообещал Барбаула.

Лог-а-Лог кивнул и пояснил Моды:

— Без него мы и вправду можем тут заблудиться.

Зайчиха отсалютовала обоим:

— За дело — вперед, вот, вот!

Толпа из дюжины носильщиков осторожно карабкалась по скалам рядом с водопадом, волоча носилки Грантана Кердли. Туша вождя то и дело соприкасалась с мокрым камнем, он ныл, стонал, вздрагивал. Рядом с носилками внезапно возник офицер Стрингл. Чтобы перекрыть грохот водопада, ему пришлось орать во всю глотку, придерживая подбитую камнем щеку:

— Ногто и Бикло доложили, что землеройки и выдры грузятся в лодки и отплывают!

Грантан ничего не разобрал, поднес лапу к уху и заорал в ответ:

— Чего? Громче!

Он тут же поморщился, потому что на напряжение откликнулись многочисленные шипы, все еще оставшиеся в его теле.

Стрингл, у которого болела челюсть, тоже поморщился и снова заорал:

— Речные псы и Гуосим отчаливают в лодках!

Грантан схватил с носилок палку и с размаху ударил Стрингла по больной челюсти:

— Что ты бормочешь, во имя сезонов! Какой красоты невыносим? Какие еще селедки? Двигай отсюда и разберись, что эти землеройки собираются вытворить. Эй, носильщики, шкуры натяну на барабаны! Вы меня тут утопить хотите, в этих брызгах?

Носильщики наконец добрались до более сухого места. Перевязанный и вымазанный вонючими мазями Грантан содрогнулся, увидев приближающуюся знахарку Лаггл. Старая, сморщенная крыса зловеще пощелкивала ржавыми щипцами. Она бесцеремонно повернула вождя мордой вниз и принялась удалять грязные повязки.

— Надо выдрать эти шипы до того, как они загноились, — прокрипела Лаггл. — Там еще много их, великий, в твоей уважаемой околехвостовой части. Придется потерпеть.

Она энергично принялась за работу, а Грантан с меньшей энергией принялся визжать, как свинья, которую пытается зарезать неумелый забойщик.

— Ай! Ой! У-ю-юй! Старая убийца! Я тебя поджарить прикажу! Ауфф! А-а-гркх-х-х...

Удовлетворенно улыбаясь, Лаггл сунула ему под нос очередной шип:

— Глянь, какой красавец. Но там еще и побольше остались. Пока не подобраться. Ничего, ничего, все пройдет. — Она злорадно захихикала. — Ну, аппетита у тебя сегодня не будет, это я обещаю. Так что вареные яйца я приберу, чтобы не испортились.

Шесть логоходов и лодка разведчиков понеслись вниз по течению. Выдры плыли, свободно окружив флотилию, заплывая вперед, отставая, догоняя. Всех детей, как выдр, так и землероек, погрузили во вторую лодку, которая тут же превратилась в плавающий сумасшедший дом. Шум, гам, крики, ссоры... иногда кто-то выпадал за борт, но его тут же отправляли обратно выдры, постоянно плывшие рядом с этой лодкой.

С детьми разобралась пожилая землеройка тетушка Френна. Она вылила в объемистый котел несколько флажков лопуховки и одувачиковки, еще добавила жидкости из каких-то маленьких пузырьков. Котел она поставила на дно лодки и строго-настрого запретила детям из него пить, потому что это питье только для взрослых. После этого она удалилась на корму и уселась спиной к детям. Не успела она устроиться поудобнее, как котел уже опустел.

Моди, сидящая в первой лодке рядом с Осбилом, удивилась внезапно опустившемуся на реку молчанию. Она оглянулась и увидела, что детишки полегли в спокойном сне.

— Странно, — удивилась зайчиха, — как сильно на них подействовала колыбельная.

Осбил, не отрывая взгляда от реки, объяснил:

— Песня подействовала после микстуры тетушки Френны. Там у нее такие травы подмешаны, что глаза сами закрываются.

Барбаула проплывал мимо лодок, инструктируя гребцов:

— Навались, ребяташки, навались... Бурые не так далеко. Уже спустились с водопада.

Он подплыл к Осбилу:

— Так держать, пока впереди не покажется ива се-ребристая на правом берегу. Там я скажу, что дальше.

Осбил отсалютовал рапирой:

— Понял. Иву не проморгаю.

Вождь землероек плыл на лодке разведчиков вместе с Ригрилом и Тигл. Они замыкали строй, следя, не появятся ли сзади крысы. Крысы, однако, догнали их раньше, чем ожидалось.

Тигл заметила первую шеренгу крыс:

— Вон они, и не один десяток. В раскраске и при оружии. Далеко, но догоняют.

Лог-а-Лог простонал:

— По левому берегу! Этого нам не доставало!

— По правому тоже, — тут же добавил Ригрил.

Лог-а-Лог подозвал выдру, плывущую рядом с лодкой разведчиков:

— Друг, плыви вдоль строя, подгони гребцов, пусть поднажмут, крысы нагоняют. Надо до поворота поскорей добраться.

Флотилия перестроилась попарно. Землеройки сосредоточенно гребли. С лодок бросили канаты выдрам, те помогали гребцам, добавляя к их веслам силу своих плавников. Все происходило в напряженном

молчании. Никто не хотел разбудить малышей, никто не желал лишних забот.

Стрингл находился на правом берегу, вместе с крысиным войском. Он задержался, подождал, пока с ним поравняются носилки вождя, приноровился к шагам носильщиков.

— Их заметили, великий, идут по середине реки, речные собаки с ними. Скоро догоним.

Грантан не обратил внимания на доклад. Он увлеченно поглощал холодные тефтели, захваченные при поспешном разграблении жилища выдр. Набив рот, крысий король отхлебывал из котла с подливкой. Подливка лилась из пасти на его брюхо, разбрызгивалась по сторонам. Стрингл шагал рядом и терпеливо ждал, когда великий вождь соизволит дать ответ.

Грантан громко рыгнул, вытер лапой пасть.

— Слушай, всех выдр не убивай, одну оставь, пусть расскажет, как это вот готовить. — Он вытер измазанную лапу о голову одного из носильщиков. — Или ты уже всех убил? Ты сказал, что их уже поймали?

— Нет, великий, их только что заметили, но скоро поймаем, никуда они не денутся.

Грантан нахмурился:

— Тогда не торчи тут, беги и поймай. Мне нужны их землеройные лодки!

Стрингл достаточно хорошо знал вождя, чтобы понимать, что в таком настроении его лучше всего оставить в покое. Он поднял лапу в приветственном салюте и заспешил прочь.

В а поворотом логоходы скрылись от зорких глаз крыс. Тетушка Френна прикрыла малышей одеяльцами, они блаженно посапывали, не подозревая ни о каких невзгодах.

Моди первой заметила серебристую иву. Она толкнула Осбила:

— Во, во! Справа по носу белая ива!

Осбил похлопал зайчиху по плечу:

— Сделаем вас впередсмотрящей, мисс.

Подплыл Барбаула:

— Напротив ивы, на другом берегу, разросся кустарник. А если присмотреться, можно обнаружить едва заметный проток. Я отмечу вход. Нам нужно уйти туда прежде, чем сюда доберутся крысы.

В голове Моди возникла беспокойная мысль.

— Момент! В этом плане все продумано, Барбаула?

Барбаула сразу понял, о чем беспокоится Моди:

— Понимаю, понимаю. Когда появятся крысы, им придется переправляться через проток, и они нас увидят. Ты из-за этого волнуешься?

Моди кивнула.

— Не беспокойся, это учтено, — заверил Барбаула.

Наконец-то уставшие гребцы Гуосим завели последний логоход в заросли кустарника. Проскользнула в укрытие и легкая лодка разведки. Лог-а-Лог хотел было высказать те же сомнения, что и Моди чуть раньше. Барбаула опередил и его:

— Сейчас мне здесь, на берегу, понадобятся все, кто может работать. Соорудим крысам удобный мост. А для этого понадобятся все рабочие лапы.

Барбаула подвел гребцов Гуосим и выдр к давно свалившемуся стволу. Теперь Моди поняла его план:

— Верно придумано, сэр, во! Если мы перекинем это дерево через проток, мы их одурачим. Они перебегут через мостик и понесутся дальше, во, во!

— Не время беседовать, мисс, шевелиться надо, — урезонил зайчиху Барбаула, уже принявшийся за работу. — Нечисть скоро появится. Давайте, ребята, покатили этот конец ствола!

Все принялись за дело. Землеройки использовали свои весла в качестве рычагов. К упавшему дереву прикрепили три веревки, потянули...

— Раз... — командовал Лог-а-Лог, — два... Взяли и-и-и!

Ствол пополз по папоротникам и мокрому мху.

— Поехали, поехали...

Множество жуков, червяков, личинок, лишенных привычного укрытия, застигнутые дневным светом, бросились наутек от вредного, ненужного света, ища

приятной и надежной тьмы. Один старичок землеройка, всматривавшийся в сторону, из которой ожидались крысы, предупредил:

— Тише, ребята, они уже близко. Что-то уже мелькает там, в отдалении. Лучше бы им нас не слышать.

Выдры бросились в воду, толкая бревно к противоположному берегу. Вот бревно уже заняло приготовленное для него место, землеройки бросились утаптывать подходы к нему, чтобы казалось, что мост уже давно используется для перехода через водную преграду.

Наконец все бросились к лодкам. Гребцы налегли на весла, флотилия понеслась подальше от опасного места. Моды сидела на корме последней лодки рядом с Осбилом, острые глаза которого заметили движение на берегу реки.

— Вижу крашенных, — оповестил Осбил. — И не удивлюсь, если они заметят нас.

Моды глядела в другую сторону, куда уходили лодки.

— Ничего, уйдем, во... Пригнись, не стукнись... и не теряй надежды.

Барбаула и Качуч впихнули корму последней лодки в укрытие как раз в момент, когда к новому мосту подскочили первые крысы. Качуч скользнула дальше, вдоль линии лодок, призывая всех к осторожности.

— Тихо, ни звука, ни движения, замрите... — заклинала она громким шепотом.

У моста-обманки разгорелся спор.

Стрингл, полководец Кердли, орал через реку, выспрашивая у скаута Ногто, видит ли он беглецов.

— Отсюда ничего не вижу, — крикнул в ответ Ногто и запросил указаний.

Стрингл уселся на середине бревна, огляделся, поскреб макушку:

— Ждем вождя!

Ногго заметил боковой отток реки:

— Думаешь, они ушли туда?

Стрингл презрительно сплюнул в воду.

— Балда, как они ушли, сквозь это бревно, что ли?

Крысы все подходили и подходили, и вот уже на обоих берегах скопилось их несметное множество. Все ждали прибытия вождя.

Напряженно всматриваясь сквозь покров листвы, Лог-а-Лог сердился:

— Нич-чего не вижу.

Моди и Осбилу досталась более выгодная позиция для наблюдения. Прикрываясь камышами, зайчиха оценила ситуацию:

— О чем-то толкуют... А вот и толстопуза Кердли волокут на горбах.

Один из гребцов стукнул о борт веслом. Лог-а-Лог тут же встрепенулся:

— Ты что? Хочешь, чтоб нечисть сюда прибежала?

— Извини, вождь, — оправдывался провинившийся. — Оса тут на меня насила... Да я по ней промазал.

— Еще звук — и я-то точно не промажу, весло о твою маковку разнесу. Тихо!

Грантан Кердли,двигающийся по тому же берегу, что и Стрингл, вскоре прибыл на место действия.

Кряхтя и стоная, он выпрямился в носилках и устами лея на своего первого офицера:

— Ну и чего ты, собственно, ждешь? Следующего сезона?

Стрингл попытался объяснить:

— Я полагал, великий, дожждаться тебя. Твоего мудрого решения. Полагаю, мы их потеряли, великий.

Грантан возмутился:

— Потеряли? Что ты несешь? Как можно потерять шесть лодок на прямой реке?

Стрингл показал через реку на Ногго:

— Вон, и он не видит их больше. Мы ждали твоего прибытия, великий.

Ногго, стараясь доказать свою полезность, крикнул:

— Я Стринглу сказал, может, они в боковой проток ушли.

Грантан Кердли бросил взгляд на дерево, уставился на Ногго:

— И с чего у тебя эта гениальная идея?

— Великий, они ведь куда-то делись, так? На реке их нет. И я подумал, что они могли свернуть в боковое русло.

Ногго тут же пожалел, что выскочил, когда Грантан повелительно крикнул ему с другого берега:

— А ну живо сюда!

Ногго поглядел на реку:

— Что, великий, плыть?

— Нет, птичкой перепорхнуть, дубина безмозглая! Какое мне дело, как ты окажешься здесь? Живо сюда!

Ногго тут же прыгнул в воду и поплыл. Вскоре он уже стоял перед вождем, дрожа, не смея отряхнуться.

Грантан указал на ствол:

— Скажи-ка мне, как они здесь прошли. Поднырнули, что ли?

Ногго не раздумывал над ответом:

— Перенесли лодки, великий. Я видел с Бикло, как они лодки носят по суше. Земройки носят лодки, великий.

Грантан вдруг сосредоточился, схватился за зад и извлек оттуда еще одну занозу. Он внимательно осмотрел свою добычу, потом снова обратился к Ногго:

— Так сбегай да глянь. Заметишь — дай знать.

Ногго понимал, что выбора у него нет. Он зашагал по илистому берегу бокового протока.

Осбил прошептал Моди:

— Крыса к нам топает. Что делать будем?

— Пока лежим, таимся, может, не дойдет. А коль дойдет... что ж, обратно не вернется. Я его здесь и положу, во.

Все в лодке затаили дыхание.

Ногго шагал, внимательно осматриваясь и бормоча себе под нос:

— Вот что получается, когда нос высовываешь. Тоже, кумушка болтливая... Чтобы я еще хоть раз...

Он пригнулся, чтобы нырнуть под полог древесной листвы, и тут же получил два сокрушительных удара. Третьего не потребовалось. Ногго отключился на весь остаток дня и безвольной тряпкой валялся в прибрежной грязи. Моди прыгнула обратно в лодку — и тут все пошло не по плану. Тишину разорвал отчаянный вопль какого-то детеныша, ужаленного в нос одной из многочисленных лесных ос.

У кормы вынырнул Барбаула.

— Гребем, ребята! — закричал он, уже не скрывать. — Подальше отсюда, и поскорей!

Гуосим бешено заработали веслами, лодки вырвались из укрытия и рванулись по узкому протоку. С

кормы последней лодки Моды и Осбил увидели первых крыс Стрингла, бросившихся в погоню.

Узкое русло позволяло лодкам Гуосим продвигаться лишь одна за другой. Они шли вплотную, нос к корме, иногда даже стукаясь друг о дружку. Барбаула и трое его сыновей приплыли назад, к последней лодке. Моди крикнула выдрам:

— Отправляйтесь вперед, они скоро догонят, и мы будем отстреливаться, во!

Барбаула налег на корму, подталкивая лодку.

— Нет, мисс, их слишком много, они нас сомнут. Скорость вот наша единственная надежда.

Впереди показался лес. Лог-а-Лог крикнул с передней лодки:

— Навались, ребяташки! Знакомый лес, Рэдволл скоро!

Грантан Кердли замыкал преследование, болтаясь на носилках, которые тащили уже два десятка носильщиков — для скорости. Вождь то одновременно, то попеременно, никого не обижая невниманием, осыпал проклятиями свое войско и носильщиков:

— Вперед, ленивые шкуры! Улитки и ракушки быстрее ползают! Не трясите носилки, пни безмозглые! Куда претесь, в воду вывалить меня хотите? Где остальные, спать улеглись, что ли?

Трусившая рядом с носилками колдунья и знахарка Лагтл, старуха язвительная, с готовностью ответила:

— Половина войска еще на том берегу, о вождь. Они ждут засухи, чтоб река пересохла и можно был переправиться.

Грантан покосился на наглую старуху, не без основания предполагая, что она без должного почтения

может высказаться не только о его войске, но и о нем самом.

Поразмыслив немного, он решил, что вредная старуха ему еще пригодится, а там видно будет...

Моди озабоченно вглядывалась назад. То, что она видела, ей явно не нравилось.

— Осбил, они нас догоняют.

Осбил видел то же самое.

— Да, скоро на пятки будут наступать. Узорчик на них уже хорошо виден. Нужна скорость!

Голова Качуч показалась над кормой.

— Мы делаем, что можем, но быстрее, чем первая лодка, в этом русле не пойдешь.

— Да, мэм, очень разумная мысль, для выдры очень даже разумная, да, — раздался чей-то голос, и лодка покачнулась, ибо в нее сверху свалилось точнее, спрыгнуло — еще одно существо.

Перед ними оказалась белка, в жилете с вышивкой, в ухе болталось кольцо серьги, из-за широкого пояса торчали рукояти четырех кинжалов. На голове — косо насаженная пестрая повязка. Он лихо подмигнул Моди и поклонился:

— Рангвал-разбойник, к вашим услугам, мэм. Не соблаговолите ли назвать мне свое сладкозвучное имя?

Несмотря на серьезность положения, зайчиха не сочла поведение самозванца неуместным. Она присела в реверансе:

Моди Магзбери Тропл, рада приятному знакомству, во.

Рангвал-разбойник крутанул сальто с пируэтом и чарующей улыбкой:

— Воистину прекрасно ваше имя, мэм, благозвучно и полновесно. С вашего позволения назову вас для краткости Моды либо милашка, если предпочтете. Но покончим с вводными формулами, я вижу, что вам угрожает опасность. Вас несколько беспокоит храбрый Грантан со своей тупоголовой ордой.

Моды бросила взгляд на приближающихся крыс:

— Да, вы правы, несколько беспокоит. Вы о нем наслышаны?

— Разумеется, как и все, кто здесь обитает. Я с ним на ножах с того момента, как он впервые сунул спой нос в эту местность. Если вам нужна помощь, Моды, дорогая, скажите лишь слово, и я ему вставлю спицу в колесницу.

Осбил раздраженно проворчал:

— Что может сделать одна белка против такой орды?

Не успел он закончить фразу, как оказался лежащим на дне лодки с приставленным к горлу кинжалом. Рангвал навис над ним, нежно мурлыча:

— Когда мне понадобится твое мнение, сынок, я тебя спрошу. Впрочем, что с тебя взять, ты ведь всего лишь наивный речной задира...

Рангвал оставил Осбила и вернулся к Моды:

— Итак, Моды, дорогая, велите друзьям своим двигаться дальше. Доберетесь до чистенького укрытия с навесом из песчаника — подождете меня. Да, мимо поместья Ой осторожненько продвигайтесь, носов не высовывайте, да и вообще не делайте резких движений, таитесь.

Барбаула высунул нос из воды:

— Поместье Ой? Не слыхал о таком.

Рангвал улыбнулся выдре:

— Барбаула с водопада, не так ли? Вы меня не знаете, но я вас много раз видел. Добрая у вас семья. Ладно, познакомимся позже, сейчас у меня дел много. Увидимся!

И Рангвал, подпрыгнув, исчез в древесной листве.

Моди повернулась к Барбауле:

— Надо ему довериться, этому Рангвалу. Он, конечно, немного суматошный, но знает, что делает, сразу видно.

Барбаула скользнул в воду.

— А что нам еще остается делать, мисс? Я сейчас кому угодно доверюсь. Что ж, поплыву с докладом к Лог-а-Логу.

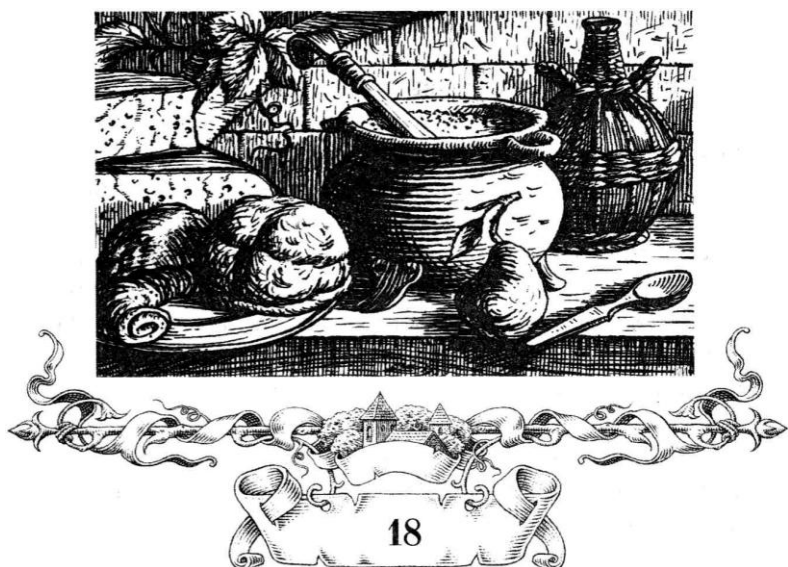
Осбил, поживаясь, тер шею, которую только что щекотал кинжал Рангвала.

— Хотел бы я знать, что это за поместье Ой...

Моди пожала плечами:

— Надеюсь, скоро узнаем.

Аббат Даукус проснулся, едва рассвело. Небо в это утро заполнили серые тучи, траву покрывала густая пленка росы, влага висела в воздухе. Птицы не спешили затягивать утренние песни. Аббат прошел в кухню, где брат Хондрус уже командовал поварятами.

— Не ставьте на подоконник, — остановил брат Хондрус двоих молодых ежей, тащивших корзину с горячим, только из печи, хлебом, чтобы разложить караваи для охлаждения. — Воздух влажный, тучи, того и гляди, начнется морось, а то и дождь. Фолура, помоги мне с овсянкой.

Даукус, прикрыв ладонь своим широким рукавом, подхватил котел.

— Расчищай место, брат Хондрус,, держи котел.

Хондрус сдвинул в сторону миски, и аббат бухнул котел на стол.

— Доброе утро, аббат, что там у нас на стенах, какие новости о морских разбойниках?

Даукус принялся приправлять овсяную кашу.

— Пока ничего не слышно, брат. Ночью дежурили Командор, Бенджо Типпис, Кротона начальник и Орквил. Сейчас я отнесу им завтрак и послушаю, что они расскажут. Потом надо о смене им позаботиться, не могут же они там все время торчать. Что-нибудь от сестры Атраты слышал? Как там наш барсук?

Брат Хондрус вынул из духовки лист с фруктовыми рулетиками.

— Атрата должна вот-вот подойти за завтраком для лечебницы. Фолура, Глинггал, соберите на тележку завтрак да помогите отцу настоятелю доставить ее на стену.

Выдры Фолура и Глинггал, дочери Командора, быстро принялись выполнять поручение.

Бедный папуля, должно быть, за ночь проголодался.

— Ничего, мы его быстро утешим.

Аббат и две молодые выдры быстро нагрузили тележку и направились к стене. Бенджо Типпис заторопился им навстречу.

Орквил протер лапой глаза, обрадованный обильным завтраком. Он очень устал, но не хотел в этом признаваться. Аббат Даукус, видя, как юный еж клует носом над миской, шутливо подтолкнул его:

— Проснись, приятель, кашу надо есть, а не спать в ней.

— Да я вовсе и не хочу спать! — запротестовал Орквил. — Честное слово, ни капельки!

Командор засунул в рот свежий фруктовый рулетик и ухмыльнулся:

— Хочешь ты спать, еще как хочешь. Да как не захотеть-то, целую ночь вахту нес. Нечего тут стыдиться и стесняться, друг.

— Конечно, вам всем пора отдохнуть, — поддержал Командора аббат. — Вы славно отдежурили ночь, спасибо вам за это. А сейчас отправляйтесь отдыхать. Фолура и Глингаль пока подежурят здесь, а я пойду организую смену.

Под все усиливающимся дождичком Орквил отправился напрямик в лечебницу, где сразу же наткнулся на сестру Атрату.

— И куда это мы направляемся, юный сэр? — Сестра преградила ему путь.

Орквил чуть качнулся и непроизвольно зевнул:

— Прошу прощения, сестра, я хотел навестить своего приятеля Гораса.

Орквил навалился на дверь и клюнул носом.

Сестра Атрата жалостливо покачала головой:

— Великие сезоны, сэр Принк, сейчас вы рухнете, где стоите! Полагаю, вам нужно прописать несколько часов здорового сна. Друга вашего я поместила в маленькую боковую палату. Все уже узнали, что в аббатство прибыл барсук, и оставлять его в Большом зале немыслимо. Там бы ему не дали покоя посетители. Вот я и спрятала его в дальней палате. Там есть еще одна кровать, так что вы можете отдохнуть в одной комнате с вашим другом.

Орквил хотел было возразить для приличия, но сестра его уже не слушала:

— Это лучше, чем спать в бочках в погребе. Вот вам теплые полотенца, протритесь, обсушитесь. Друга своего не будите, наговоритесь позже, когда проснетесь оба.

Сестра Атрата оставила его в палате. Орквил открыл ставню, в комнате стало немного светлее. Горас лежал в большой кровати. Он либо спал, либо снова потерял сознание. За окном моросил дождик. Орквил обтерся полотенцами, нырнул под одеяло маленькой кровати, повернулся к другу. Лежащий барсук казался еще громаднее, несмотря на свою изможденность, исхудалость, впалые щеки. Алый шрам на лбу пламенел. На кровати рядом с ним лежали его боевые вилы по имени Тунг. Понимая, что Горас его не слышит, Орквил еле слышно заговорил, обращаясь к спящему другу:

— Отдыхай, друг, здесь тебе никто не угрожает. Представляешь, меня сделали офицером стражи стены. Я всю ночь дежурил на парапете, следил, не появится ли лис. Но он не появился. Вот отдохну, и опять на стену. Со мною Командор дежурил, Кротоналчаник и мистер Типпис. Отец настоятель послал нас отдыхать. Там, на стене, сейчас смена. Надеюсь, что на стене.

Орквил повернул голову к окну, за которым все так же сыпал капельки все того же мелкий дождик. Хорошо видно, как по стене аббатства шагают стражники. За стеной равнина, канава вдоль тропы, отроги леса. Еж смотрел в окно, продолжая свой тихий монолог:

— Знаю, лис, ты где-то там, снаружи. Оставайся там, подальше, тебе же лучше будет. Рэдволл не про тебя, это каменная крепость, охраняемая надежной стражей...

Голос Орквила совсем затих, веки сомкнулись, ежонком овладел сон.

Косо натянутый кусок парусины прикрывал отрезок канавы. Под его прикрытием сидели Виска и Маггер, моргая от дыма костерка, разведенного, чтобы отгонять назойливую мошкарку. Остальная нечисть ежилась кто где, кто отыскав или соорудив ветхий навесик от дождя, кто просто сжавшись и погрузившись в успокоительное оцепенение. Виска недовольно покопился на дрожащую команду.

— И конечно же, никто не озаботился захватить с судна что-нибудь пожрать, — бросил он куда-то в дождь.

Все молчали.

Виска плюнул в лужу, уже натекающую с навеса и канаву.

— Кроме меня, никто ни о чем не хочет думать.

— Дак, кэп, ты ж обещал, что мы пировать будем там, в аббатстве, — послышался чей-то тенорок.

— Кто там пасть разевает? — взвился Виска, зная, что разинувший пасть вовсе не такой дурак, чтобы признаться. Длиннозубый тоже вовсе не такой дурак, он знает, как и когда обходиться с командой. Он решил не лезть на рожон и вкрадчиво стал объяснять: — Да, верно, в аббатстве полно провизии. Но кто ж знал, что кто такая крепость. Вы ведь не хотите штурмовать ее в лоб?

Штурмовать аббатство в лоб желающих действительно не нашлось. Слишком внушительно выглядели эти стены.

Маггер кивал каждому слову капитана:

— Что делать будем, кэп?

Виска лихорадочно соображал, уже раскрыв рот и начав речь:

— Значит, что нам теперь делать... Перво-наперво команде надо питаться. Значит, провизии добыть. Маггер, возьми народ, отойдите по канаве, выйдите в лес. Там жратвы навалом. И на деревьях, и под ними. Птица, яйца, ягоды. Там же, в лесу, разведите костер да приготовьте... суп там, кашу или что... сам сообразишь. Накормим добрую команду. Никто не возражает?

Кто ж возразит против такого мудрого предложения!

Маггер, уже вставая, спросил:

— А ты, кэп?

Виска постучал себя в лоб когтем:

— Думать буду. Планировать операцию. Как прибрать это аббатство и все его богатство. Виска Длиннозуб уж что-нибудь да придумает.

Маггер отсалютовал копьём:

— Ясно, кэп!

Виска поглядел вслед уходящим и крикнул:

— Ребята, смотрите, чтобы Маггер все не слопал, оставьте что-нибудь капитану. Я вас попозже разыщу!

Команда углубилась в лес в бодром настроении.

Виска остался в одиночестве, погрузился в невеселые размышления. Как захватить крепость, защищенную не только мощными стенами, но и каким-то гарнизоном, в состав которого к тому же вошел тот бешеный барсук, поклявшийся его, Виску, прикончить. Неуютная задача. Но назад ходу нет. Если он потеряет доверие команды, с ним покончено, он покойник. На его место всегда найдутся желающие. Вон как эти поганые Гривел, Фирог и Дерджи.

Внимание Виски привлек шум со стороны аббатства. Капитан осторожно высунул нос из канавы. Из главных ворот выступил отряд кротов. Они не спеша

направились к валявшемуся среди поля незадачливо-му проводнику Виски. Кроты неторопливо переговаривались между собой, но Виска ни слова не разобрал.

— Хурр, жив, жив... А шишка хурроша, хуррроша...

— Хур-хур, да-а, Бендржо по затычкам ма-астер, ма-астер.

Шестеро кротов подхватили полевку и унесли в аббатство.

Ворота затворились, прогремел засов, и Виска обозвал себя идиотом. Такая возможность! Ворота оставались открытыми все время, пока эти неуклюжие кроты возились в поле. А он отослал команду! Его молодцы могли смести этих кротов и прорваться в ворота. Виска издал рычащий вздох. Он уткнулся лбом в откос канавы, проклиная судьбу, укравшую у него такую счастливую возможность.

Что-то защекотало кончик его носа. Виска оторвался от грязной стенки канавы и уставился на нее. Оттуда показался кончик червя. Оскалив зубы, Виска вытянул червяка из дырки, разорвал его надвое, бросил в грязь и растоптал. Клыки капитана по-прежнему приветствовали мутный свет дня. Прекрасный простой план сложился в голове. Команда пророет подземный ход в аббатство из канавы. Чуть подалее, напротив главных ворот.

Неприятный для бурых крыс выдался денек. Погоняемые пождем, они спешили вдоль берега ручья, с трудом вытаскивая ноги из вязкой жижи.

Невидимый с земли Рангвал-разбойник ловко перепрыгивал с ветки на ветку, удовлетворенно хмыкая при виде попадающих в его хитроумные ловушки крыс. Он удобно устроился на развилке веток, с интересом глядя, как полдюжины крыс передового отряда с воплями исчезли с поверхности земли. Они провалились в глубокую промоину, заполненную до краев водой и прикрытую сверху папоротником и сухими ветками. Остальные пустились в обход и попали в ивняк. Гибкие ветви, закрепленные в отогнутом положении, высвобождались, хлестали крыс по мордам, ломали челюсти, выбивали зубы. Сверху падали бревна с шипами. Крысы вопили, валились на землю,

извивались от боли. Движение крысиного войска застопорилось.

Рангвал ядовито усмехнулся.

— Ха-ха! — проворчал он желчно. — Это пока еще цветочки, милые мои. Ягодки ждут вас впереди.

Желая насладиться зрелищем гнева вождя, он остался на месте, устроился на ветке поудобнее. А вот и Грантан на своих носилках.

— Сезоны яиц вареных! — завопил он, увидев головы запутавшихся в яме крыс. — Вы купаться сюда пришли? Вам уши-хвосты пообрывать? Живо вон из воды! Вперед за моими лодками!

К предмету своей гордости, лелеемому им поместью Ой, Рангвал добрался, разумеется, намного раньше крыс. Не один сезон разводил он на этой своеобразной ферме ос и шершней. Здесь две золотистые плачущие ивы смыкались над ручьем, образуя низкую арку. У каждого дерева Рангвал собирал гниющие фрукты со множеством червяков и личинок.

Осы построили здесь четыре больших гнезда. Шершни поселились в упавшем полусгнившем стволе вяза. Здесь все светлое время суток не умолкал низкий гул.

Рангвал ухаживал за ними с любовью, знал их привычки, особенности поведения и потому мог разгуливать здесь без опаски. Он подобрал концы двух длинных веревок, привязанных к ветвям обеих ив.

— Как поживаете, мои маленькие полосатики? — спокойным тоном обратился он к крылатым сборщикам нектара. — Не обращайтесь на меня внимания, но отрывайтесь от дела, это всего лишь ваш дядя Рангвал. Но жала свои далеко не прячьте. Скоро понадобятся. Сюда движется нечисть. Я знаю, вы меня не

подведете, свирепости в вас не меньше, чем в бурых крысах.

Рангвал натянул веревки, спрятался в зарослях, прислушиваясь к приближающимся крикам наступающих бурых крыс.

Стрингл следил за выполнением всех приказов и капризов Грантана Кердли. Напоровшись на несколько ловушек Рангвала, крысы сбавили темп преследования. Стрингл понимал, что гнев вождя в первую очередь ударит по нему. Он решил применить прием, который не раз применял и сам Грантан. Подозвав Ногго и Бикло, он направился вперед, задержал передовой отряд, пока не подтянулись остальные. Грантан остановил своих носильщиков в самой гуще войска. Он с интересом глянул на Стрингла, и тот сразу начал речь:

— Ребята, режь мне хвост и рви мне уши, но я ничего не понимаю. Вы, ужас Цветущего Леса, великая бурая орда, не можете догнать пару деревянных лодок с какими-то жалкими писклявыми землеройками! Лодки в речке, у речки всегда конец имеется, никуда лодкам не деться. Один добрый бросок — и они у вас в лапах. Вождю нужны лодки. Захватим лодки — погоне конец. Отдыхай, собирай птичьи яйца, грей брюхо на солнышке... Так как, захватим лодки?

Крысы рванулись вперед так, что чуть не снесли с ног Стрингла. Они орали и потрясали оружием так, как будто наелись дурманящих корешков.

Грантан Кердли усмехнулся Стринглу:

— Ха-га, неплохо. Давай за ними поспевать.

И он принялся настегивать носильщиков длинным ивовым прутом:

— Живее, кривоносы, вислобоки! Шевелите ногами, пока не вырвал!

Рангвал услышал крыс задолго до того, как увидел их. Он занял позицию, с которой его лучше всего было видно с обоих берегов, и слегка натянул веревки.

— Слышите, ребятки, скоро вы насладитесь новым знакомством. Жала у вас, надеюсь, не затупились?

Крысы, возглавляемые Ногто и Бикло, рвались вперед по обоим берегам, расплескивая воду и ил, ломились сквозь камыши. Первым заметил белку Бикло.

— Вот он, голова моя! — закричал он, размахивая копьём.

— Твоя, твоя, — охотно подтвердил Рангвал. — Пропала твоя головушка.

Он резко дернул за обе веревки и мощным прыжком вознесся ввысь, в ветки склонившегося над ручьём дерева.

Через мгновение боевые крики крыс сменились жалобным визгом, воплями ужаса и боли. Осы ринулись навстречу наступавшим. Шарахнувшиеся в стороны крысы растоптали ствол вяза, в котором обитали шершни. Несколько крыс разъяренные насекомые зажалили до смерти на месте. Другие, спасшиеся бегством, умерли от укусов позднее. Большинство долго еще страдало от адских мук. Самые хитрые ринулись в воду. Среди них оказался Грантан. Он сразу же накренил носилки и плюхнулся в поток, подняв грандиозный фонтан. Изредка высовывая носы, чтобы вдохнуть, мудрейшие из мудрых принялись про-

бираться под водой подальше от места неожиданной встречи.

Рангвал-разбойник прибыл к месту назначенной им встречи вечером. Моды и землеройки стояли при оружии, готовые к отражению атаки. Рангвал разочарованно огляделся по сторонам:

— Я-то думал, у вас ужин готов.

Лог-а-Лог засунул рапиру в ножны.

— До ужина ли тут. Мы боялись, что вот-вот крысы появятся.

Рангвал сухо усмехнулся:

— Нет, теперь вы их не дождетесь. Их задержали мои маленькие жужжащие друзья.

Осбил погрозил Рангвалу лапой.

— Осы и шершни у тех двух ив, — сказал он и покачал головой. — Ну, спасибо, что нам о них не сказал, друг.

Рангвал только развел лапами:

— Некогда было долго объяснять. Я сказал вам, чтоб береглись у поместья Ой, зная, что вы не какие-нибудь тупые бурые крысы, а сообразительные землеройки. Надеюсь, из вас никому от ос не досталось? Ладно, давайте по лодкам, и я вас приведу в местечко, где что-то можно съесть.

Рангвал занял место в первой лодке, и вскоре, уже в полной темноте, под моросящим дождем, они прибыли на место. Рангвал указал на среднего размера холм недалеко от берега:

— Вот мой милый дом. Я называю его Приют разбойника.

В склоне холма оказался вход в естественную пещеру, прикрытый кустарником. Землеройки выта-

щили лодки на берег и понесли их по тропе, указанной Рангвалом. Пойдя внутрь, Рангвал высек искру и раздул факел.

Моди с восхищением осмотрелась в громадной песчаниковой пещере.

— Потрясающе, во. Как вам посчастливилось найти эту пещеру, сударь?

Рангвал зажег еще несколько факелов.

— Найти? Я соорудил ее своими лапами, сударыня.

Качуч, жена Барбаулы, хлопнула Рангвала по спине так, что тот покачнулся.

— Ох, врунишка какой! Была я как-то в гостях у родственников в похожей пещере. Когда земля еще молодая была, тут река текла.

Лог-а-Лог тут же подтвердил:

— Да, слышал я о таких местечках. Многие сезоны вода точит камень, и получаются пещеры. А потом река с чего-то вдруг меняет русло, и пещеры остаются пустыми.

То, что вранью его не поверили, Рангвала несколько не огорчило. Он бодро улыбнулся Моди:

— Позволяю вам, дорогая, приготовить для меня ужин. Наслышан о вашем высоком поварском искусстве.

Моди невольно улыбнулась показному нахальству Рангвала:

— Отлично, дорогой, но только если ваша милость согласится побоксировать со мной после этого ужина. Предупреждаю, я многократный непобежденный чемпион Саламандастрона, во, во.

Рангвал изобразил закатывание несуществующих рукавов.

— Не часто приходится вышибать дух из милой девы за право поужинать. Но что поделаешь, придется согласиться.

С помощью землероек Моды приготовила нехитрые, но вкусные и питательные рулетики из овсяной муки, каштанов и фруктов. Как дополнение к ним подали густую сладкую подливку. Кроме этого стол украсили сыры и яблоки, а запивали все это мать-и-мачеховкой и лопуховкой. Весело и шумно было в тот вечер у огня в пещере Рангвала.

Но казалось, только Моды непрерывно думала о предстоящих событиях. Когда веселье поутихло, она спросила:

— Прошу прощения, но меня все-таки интересует, прежде чем мы уляжемся спать, есть у нас план на завтра? Очень бы неплохо бы всегда бы знать бы, что делать собираешься, во.

Барбаула использовал свой хвост как рычаг, поднялся с его помощью и повернулся к Лог-а-Логу:

— Конечно, у нас есть план, так, Лопоух?

Лопоух уже почти заснул. Он отмахнулся от выдры, как от мухи:

— Сначала спать, потом планы плановать... плани-воровать...

Все тут же согласились с Лог-а-Логом, кроме Рангвала. Он расхаживал вокруг, оживленно жестикулируя:

— План — первое дело, друзья мои. И за планом далеко ходить не надо, когда я рядом. Вряд ли живет в наших лесах кто-то, способный сравниться со мной в высоком искусстве составления планов.

Моды вежливо подавила зевок:

— Давай, друг, поведай нам свой план. Сейчас тебе точно никто не возразит, не помешает, потому что никто и не услышит.

Рангвал резко остановился и уселся.

— Ну и варите суп из собственных хвостов, — проворчал он мрачно. — Я их спас от армии Кердли, целыми и невредимыми вытащил из зубов бурокрысых, а они меня таким образом отблагодарили. Я им пытаюсь помочь, а они дерут пасти в зевете, развалились, как вяленые жабы. Я ухожу со сцены, замыкаю уста.

Моди мгновенно пожалела о поведении своих друзей и о своем собственном. Она пихнула Барбаулу, затрясла Лог-а-Лога, дернула за лапу Рангвала:

— О сэр, простите наше невежество! Мы глубоко сожалеем о своих дурных манерах. Мы ни в коем случае не хотели обидеть вас, более того, мы вам глубоко благодарны и сознаем, чем мы вам обязаны. Так, ребята? — Она пихнула Лог-а-Лога, опасаясь, что тот снова закроет глаза во время ее тирады.

Лопоух и Барбаула в один голос присоединились к Моди.

— Точно, точно. Мы слушаем внимательно, друг.

— Конечно, конечно, кто ж лучше-то разбирается в обстановке, если не ты.

Настроение Рангвала менялось так же, как погода в межсезонье. Только что нахмуренный, он уже снова широко улыбался:

— Ха-ха, такого вы никогда не слышали, лесные мои друзья. А я вам скажу, что мы лишь в дне марша от аббатства, вот как. По тайной тропке, известной только мне. Разве что от лодок придется избавиться.

— Что-о-о-о? Оставить лодки? — взвился Лопоух.
— Никогда!

Рангвал протестующее воздел обе лапы, зацокал языком:

— Упаси сезоны, ни в коем случае не насовсем! Мы их оставим здесь, никуда они отсюда не денутся, никто их здесь не найдет. Но идти придется налегке. Уже утром Грантан Кердли разошлет разведку по всем речкам и ручьям. Но лодки будут вдали от воды.

— И где это, спрашивается, можно спрятать шесть логоходов? — недоверчиво спросил Лопоух.

— Совсем рядом. Веслом достать от того места, на котором ты сейчас стоишь, друг Лог-а-Лог. Вот погляди.

Он подошел к северной стене пещеры, остановился и неожиданно крикнул:

— Всем закрыть глаза! Быстренько все глаза закрыли!

От неожиданности все зажмурились. Послышался какой-то скребущий звук, и снова прозвучал голос Рангвала:

— Открывайте!

Рангвал исчез.

Моди недоверчиво протерла глаза:

— Великие сезоны, во, куда этот прохиндей девался?

Раскатистый смех Рангвала вызвал в пещере гулкое эхо.

— Я здесь, совсем рядом.

Он появился снова, как будто вышел из стены.

— Тут рядом еще одна пещера. Вот здесь еле заметная трещина в скале. Если потянуть, вот так, то скала чуть сдвигается, как раз чтобы пройти. Здесь

мы лодки и спрячем, дорогой Лог-а-Лог. Ну и всякие прочие котлы да кастрюли. Нам предстоит завтра напряженный марш, так что идти придется налегке.

Мод и кивнула:

— Понятно. И ты пойдешь в Рэдволл с нами, друг?

— Ха-ха, если б вы, дева дорогая, хоть разок отведали изделий кухни аббатства, вы бы не спрашивали. Каждый шаг с вами. Итак, давайте сразу спрячем все, что надо спрятать, чтобы утром не тратить времени.

Воюючи черный дым стлался над лесом, поднимался к небесам. Для того чтобы дыма стало больше, в огонь добавляли всякую гниль. Дым должен был отпугивать ос и шершней, и бурые крысы жались поближе к огню, источнику дыма. Впрочем, на бурых крыс они не походили. Все, пережившие нападение жалящих насекомых, сверкали зеленовато-черной болотной грязью.

Ведунья Лагтл ковыляла от костра к костру, поучая страдальцев:

— Намазывайте жирнее, толще и оставьте, больше не трогайте. Пусть зудит, пусть жжет — не трогайте. Завтра корка затвердеет на солнце, отвалится, а вместе с ней отойдут и жала.

Грантан, оставаясь под водой, тело от укусов уберег, но пострадавшая голова распухла. Стрингл напо-

минал глиняную статую крысы. Рот, ноздри и глаза торчали из отверстий в грязевой маске.

Грантан повернул голову в сторону Стрингла и с трудом, медленно заговорил:

— Футва ыффкатт ффыгы.

Стрингл выковырял из ушей грязь.

— Чего, великий?

Грантан гневно зашипел:

— Аа хкагаг футва ыффкатт ффыгы.

Не желая злить босса, опытный Стрингл подозревал знахарку:

— Ему, случаем, осы сквозь уши мозг не покусали? Он какую-то белиберду несет.

Лаггл подошла к Грантану, постучала когтем по нижней челюсти вождя.

— Открой рот, великий.

Грантан еще больше сузил оставшиеся от глаз щелочки.

— Вафен вот?

Старуха Лаггл тратить время попусту не привыкла. Она принялась разжимать челюсти вождя, прикрикнула на него:

— Открой рот, Кердли! Ты чушь пореешь, и я хочу глянуть почему.

Она заглянула в открывшуюся наконец пасть вождя, отшатнулась от гнилостного выдоха, поставила диагноз:

— Что ж удивляться. В языке десяток жал.

Грантан тронул язык лапой и болезненно промычал:

— Ыгык... Охы пгкх-х-х...

Лаггл кивала:

— Вот я и говорю. Что ты Стринглу хотел сказать?

Грантан сосредоточился, попытался говорить медленно и внятно. Попытка не удалась.

— Аа фхкагаг футва ыффкатт ффыгы гыгт... гыгт... гыгтоыхх.

— Великий велел, чтоб ты с утра искал следы землероек, — перевела Лагтл с распухшего грантановского языка на нормальный буро крысиный.

Грязевая статуя Стрингла обреченно кивнула:

— Понял, великий.

Намного тише Стрингл добавил, обращаясь к старухе Лагтл:

— Если доживу до утра.

Грантан расшуровал костер чьим-то копьём, подняв клубы дыма и пепла. Крысы шарахнулись от огня, закашляли, застонали. Вождь пригнулся пониже, принялся тереть глаза.

— Аадда пфааммайю, у-у-у-у! Выввем пфаббаввю...

Ногго ткнул своего коллегу Бикло:

— Что он сказал?

Бикло пожал плечами:

— Что сказал, не знаю, но такие его разговоры принесут нам несчастье, вот увидишь.

— Ха! «Принесут несчастье»! А до сих пор, значит, мы в сплошном счастье-везении купались, так?

Утренний покой в пещере нарушил Рангвал-разбойник. На заре он упругим шагом вошел в пещеру:

— Утро доброе и ясное, солнце палит... ну, сияет... где-то. Грех проспять такой прекрасный восход. Я верно излагаю, Моди, дорогая?

Моди, проснувшись вместе с белкой, вошла в пещеру за Рангвалом, вытирая только что умытую мордочку.

— Конечно, дорогой. Подъем, ребята, во, во! Сегодня всем предстоит лапами подвигать, друг Рангвал поведет нас по тайной тропе в Рэдволл. С разрешения Лог-а-Лога и Барбаулы я организую марш, во.

Некоторым из Гуосим не слишком хотелось подчиняться зайчихе. Они не прочь были поспорить — землеройки очень любят это занятие, — но Лог-а-Лог предупредил возможные высказывания своих соплеменников.

— Сказанное мисс Моды подтверждаю, — прогремел он, как бы случайно положив лапу на эфес своей рапиры. — Никаких споров с ней, во избежание последующих споров со мной. — И он кивнул зайчихе: — Прошу, мисс Моды.

Лихо командовала зайчиха. Майор Маллин мог бы ею гордиться.

— Внимание! Идем налегке, тихо, быстро, как утренний бриз. Где можно — колонной по четыре. Не растягиваться, не разбредаться, в кучи не скопляться. Рангвал ведет. Я замыкаю. Лог-а-Лог и Барбаула в середине по флангам. Детей распределить по спинам самых сильных взрослых. Прошу прощения за завтрак. Осбил и Бельфор выдадут сухой паек. Вопросы есть?

Качуч подняла хвост:

— Как насчет походной песни, мэм? С песней шагать веселей.

Зайчиха покачала головой:

— Я сама люблю хорошую маршевую песню. К сожалению, ради безопасности от пения придется отказаться. Есть еще вопросы? Рангвал, выходим.

Они вышли из пещеры. Моды прислушалась к пению птиц, плеску потока, шороху трав. Она попыталась осмотреть лес, к которому они приближались. Это оказалось задачей не из легких, так как одновременно Моды поглощала завтрак, состоявший из зрелой желтой груши и куска твердого сыра.

Но главной помехой оказался мелкий детеныш землеройки по имени Йик. Он выбрал для путешествия плечи Моды, просто взобравшись на них и отказавшись спуститься. Зайчиха, впрочем, не очень бурно протестовала. Во всяком случае, вначале, пока Йик не начал проявлять характер.

— Эй, парень, во, не дергай меня за уши, черт!

— Я не дергаю, я погоняю. Быстреей, быстреей.

— Не надо быстреей... то есть быстреей. Прекрати немедленно. И перестань колотить меня своими здоровенными ножищами, во.

— Я не колочу. Я чешу. Ноги чешутся.

— Прекрати чесать. Или чеши о себя. Эй! Дьявол! Что ты туда засунул?

— Это мой завтрак. Я сейчас не хочу. Потом съем.

— Но не под рубахой же у меня прятать, во! Держи в лапах. Или прячь у себя под рубахой. А лучше съешь, во. Съешь, а то больше не получишь!

Осбил поотстал, чтобы пройтись рядом с Моды.

— Как прогулка, мэм? Наслаждаетесь?

Моды бросила на землеройку ледяной взгляд:

— Хорошенькие шуточки. Этот сорванец меня всю истоптал, во. Чей он, откуда на мою шею свалился?

Осбил перевел взгляд на малыша:

— Этот малый Йик ничей, просто возник однажды откуда-то. Правда, Йик?

Йик в ответ запрыгал на плечах Мод и, сжав ее уши, чтобы не свалиться.

Всеобщее внимание привлек тихий продолжительный свист. Барбаула обнаружил что-то подозрительное. Все замерли. Моды протянула лапу вверх и зажала Йику рот. Звери в колонне не шевелились, затали дыхание. Барбаула махал лапами, указывал своим тяжелым дротиком влево. К нему присоединился Лог-а-Лог, и они оба исчезли в зарослях, за которыми медленно, спотыкаясь и пошатываясь, брели четыре бурокрысы, покрытые трескающейся коркой болотной грязи.

Через некоторое время Лопоух и Барбаула вынырнули из кустарника.

— Слава сезонам, ушли, — сообщил Лопоух. — В противоположную сторону. Что с вами, мисс? — спросил он, взглянув на физиономию Моды.

Как только Моды зажала болтливый рот Йика, он вонзил зубы в ее лапу. Моды не отваживалась на него крикнуть, не смела дернуться, чтобы освободиться. Пришлось стоять и терпеть.

Лопоух сразу все понял:

— Позвольте мне его...

Он снял маленького мучителя с плеч Моды и зажал ему нос. Йику пришлось открыть рот, чтобы дышать, и освободить лапу зайчихи.

Подошла Качуч с листьями щавеля и подорожника:

— Ох, что наделал, мелкий мерзавец! Давайте листиками прикроем, прижмем. Листики кровь остановят. Потом, на привале, перевяжем как следует.

— Пожалуй, сейчас привал и устроим, — решил Барбаула. — Солнце уже высоко. А после привала пойдем без остановок до самого аббатства.

Они расположились на отдых в тени лесных деревьев. Качуч смазала лапу Моды целебной мазью. Йик наблюдал за процедурой с большим интересом.

— Йик чуть не задохся. Противная Моды. Лопоух швырнул в него снятые с укуса листья:

— Сгинь с глаз моих, негодяй!

Моды примиряюще улыбнулась обоим:

— Хватит вам ругаться, во! Рангвал выглядел озабоченным.

— Рано, рано мы расселись-разлеглись. Придется приналечь, чтобы наверстать. Надо дотемна до аббатства добратся.

Лог-а-Лог поднялся, махнул лапой своим землеройкам:

— Мы готовы. Как лапа поживает, мисс Моды?

Зайчиха приняла боксерскую стойку, выбросила вперед лапу, другую, еще раз, еще...

— Готова к бою, старина! Вперед, в поход, во-вот! Йик, во, полезай на плечи и веди себя как следует... Йик! Куда этот кошмар ходячий подевался?

Бросились на поиски. Ни среди землероек, ни с детьми выдр Йика не нашли. Лопоух почесал за ухом:

— Затаился где-нибудь, злится на меня за то, что я его обругал. Давайте-ка выходите, я задержусь, найду его и догоню.

Моды кивнула Рангвалу и Барбауле:

— Ну, вы тут без меня, во, того, управитесь как-нибудь. А я Лог-а-Логу помогу. Разыщем в два счета, во!

Рангвал спорить не стал:

— Да, да, дорогая, опаздываем. Вы догоняйте нас по следу, а если собьетесь, ориентируйтесь на расколотый дуб — в него молния попала во время грозы. Сразу его узнаете. Как до него дойдете, так из лесу и выйдете. За полем Рэдволл увидите. Мы вас у малых южных ворот ждать будем.

И колонна двинулась в путь. Моди и Лопоух пустились на поиски.

Зайчиха прежде всего собиралась прочесать местность.

— Далеко он не ушел, во. Где-нибудь в кустах ягоду объедает, а то и заснул в тени.

Вождь землероек с ней не согласился:

— Э-э, мэм, как бы не так! Удивительно, как далеко могут забредать эти маленькие сорванцы. Вот, гляньте!

В сторонке от тропы Лог-а-Лог обнаружил сырную крошку, подальше — другую. Моди пригляделась к ним:

— Да, это, должно быть, Йик, он свой завтрак так и не доел. А вот и следы его.

Отпечатки маленьких лапок остались на влажной почве. Подальше они увидели сломанные травинки.

— Наверное, хлестал по траве прутом, — предположила Моди.

— Шел прямо вперед, не сворачивая, — заметил Лопоух — Целеустремленный господин.

Они ускорили шаг и почти сразу услышали впереди вопль:

— А-а-а-а! Отдай палку, гаденыш!

Тут же прозвучали новые голоса:

— Земройка! Хватай его, ребята!

— Подь сюда, червяк! Ай!

Лопоух и Моди со всех ног кинулись на шум.

Йик наткнулся на патруль из полудюжины бурых крыс. Обшарив берег, утомленные крысы развалились на солнышке, чтобы подсушить свои грязевые панцири и поспать наконец вдаль от опасных ос и не менее опасного Грантана. Йик застал врага врасплох и тот час решил атаковать его с единственным оружием — палкой. Он успел нанести несколько ударов, прежде чем противник сообразил, что происходит. Для маленького храбреца все происходящее было боевой игрой. Он вопил, прыгал среди крыс, наносил удары, уколы, воображая в лапе своей настоящую рапиру бойца-землеройки. Залепив одной крысе в глаз, он получил от нее такой силы удар, что взлетел в воздух и плюхнулся в воду. Оттуда его выудил товарищ пострадавшего:

— Как, братцы, здесь сожрем аль к Кердли оттащим?

Тут на сцену выступили Моди и Лопоух. Выражение изумления так и застыло на физиономии крысы, когда горло ей пронзила рапира вождя землероек. Он рухнул в поток, и Моди едва успела выхватить у него из лап детеныша. Вскинув Йика на плечи, зайчиха строго прикрикнула на него:

— Сидеть! Держаться! Во!

Вихрем развернувшись на месте, Моди доказала, что по праву осталась непобежденным полковым чемпионом Саламандастрона но боксу.

Бубубубубубум!

Бурые крысы посыпались наземь и в воду, как спелые плоды с фруктового дерева. Лог-а-Лог скрестил рапиру со следующим противником, а Моди выхвати-

ла копьё у еще одного и переломила древко о череп владельца.

Йик завывал волком, прыгал на плечах Моды, испуганно крутил и рвал ее уши:

— Так его! Еще! Еще! Дай ему!

Лог-а-Лог проткнул крысу и смог уберечь Моды, которой трудно было маневрировать с весьма неудобной ношей на плечах, от удара копьём.

— Бежим, мисс! — закричал он.

Они развернулись и понеслись прочь. Один из бурокрысов вытащил костяной свисток и дунул в него что было сил. Из кустов навстречу Моды и Лопуху выскочили еще две крысы. К счастью, они остолебенели от неожиданности, и беглецам не составило труда от них избавиться. Они скрылись в кустах, преследуемые раздававшимися с разных сторон воплями.

— Держи их! Хватай!

— Стрингл, я их вижу, вон они, впереди!

— Заходи с боков, окружай, отрезай!

По этим воплям Лог-а-Лог понял, что им и вправду грозит окружение. Он резко сменил направление.

— Если не страхнем их, мисс, попадем в суп.

Зайчиха последовала за ним, вилая вокруг стволов, стараясь не обращать внимания на Йика, вопящего от восторга.

Вокруг ломились сквозь заросли бурые крысы, местность кишела ими. Раздался голос Грантана Кердли. Язык его теперь свободнее ворочался в пасти, и он им то и дело пользовался:

— Шевелитесь, олухи! Ногто, во имя адских врат, ты их видишь?

— Не вижу, великий, но слышу. Малявка у них вопит, как недорезанный, спасибо ему.

Моди вытянула лапу вверх, чтобы снова заткнуть масть докучливому детенышу, но вдруг споткнулась и полетела вперед. Она ухитрилась на лету снять с плеч и поднять повыше вопящего Йика. Зайчиха ляпнулась в русло давно высохшего ручья, прорывшего в почве глубокую канаву. К ней тут же спрыгнул Лопоух. По счастью, дно канавы укрывал толстый слой опавших листьев, смягчивших падение. Моды быстрым взглядом окинула склонившиеся внутрь берега сухого русла и прошептала Лог-а-Логу:

— Залезем под навесик да зароемся — и пересидим, во...

Они влезли под нависающий берег и принялись нагребать сухого мха и мертвых листьев. Йик сморщил нос:

— Йик хочет в суп. Здесь ф-фу!

— Ну-ка дайте его сюда! — приказал Лог-а-Лог таким тоном, что Йик зажмурился.

Моди с большим облегчением передала детеныша вождю.

— Слушай меня внимательно! — грозно провозгласил Лопоух. — Мы здесь прячемся, и если ты пикнешь, хоть один звук издашь, я тебе такую оплеуху отпущу, что зубы выскочат! А теперь молчать, и если ты меня понял, то кивни.

Испуганный малыш принялся неистово кивать.

Они затаились в канаве под своим ненадежным прикрытием. Скучать им не пришлось, едва успев спрятаться, они услышали шаги. Два бурых копейщика тяжело шагали по канаве. Вот они уже рядом. Один из них ткнул копьём в кучу сухих листьев.

Вжик!

Железный наконечник копья чуть не задел ухо Моды. Тут же к канаве подошли носильщики со своим драгоценным грузом.

— Поставьте, придурки, поставьте. В канаву меня хотите вытряхнуть? Мало я настрадался?

В канаве тем временем копейщик заносил свое оружие, чтобы ткнуть им как раз туда, где за листвой скрывалось брюхо Лог-а-Лога. Кердли недовольно потянулся к патрульным:

— И чем это таким полезным вы здесь занимаетесь? Отлыниваете? В канаве спрятались?

— Не-е, великий...

— Как можно, великий! Ищем этих... землероек и драчливую зайчиху.

— Ну и как, нашли?

Копейщик опустил занесенное над Лопоухом копье:

— Нет, великий, не нашли.

Ненароком спасший беглецов Грантан заорал на несчастную парочку так, что с головы его посыпалась засохшая грязь с прилипшими к ней жалами:

— Так кончайте валять дурака, вылезайте из канавы и займитесь чем-нибудь полезным. Насобирайте мне яиц и сварите их. Сдохнешь с голоду с такой бес-толочью безмозглой!

Крысы послушно выбрались из канавы и затрусили в лес.

Моды перевела дух:

— Ф-фу, повезло на этот раз.

Лопоух только фыркнул:

— Повезло! Лежим под носом у кровожадного чудовища, окруженные ордой нечисти. Это называется везением?

Вместо ответа кулак зайчихи молниеносно метнулся в сторону Йика и Лопуха. Пролетев между их носами, он врезался в нос нового действующего лица, только что появившегося в их укрытии. Оказалось, что мисс Моды Магзбери Тропл, известная товарищам по полку как Бешеная Моды, может одним ударом оглушить змею. Удар встретил голову чудовища, как летящий булыжник. Змея обмякла, застыла, а Лог-а-Лог, не забывая зажимать рот беспокойному младенцу, уважительно переводил взгляд с головы рептилии на кулак Моды и обратно.

— Сезоны славы, откуда эта тварь взялась?

Моды подула на кулак, искоса поглядела на сраженного противника. Крысы, к счастью, ничего не заметили. Сложно было расслышать шорох и шепот из канавы на фоне воплей их вождя. Моды вернула внимание к змее:

— Здоровенная гадина, во.

Лопух закрыл глаза и беспокойно зашевелил ноздрями:

— И почему я его не учуял? Я всегда нюхом чую змею.

Моды подняла змеиную голову, оглядела ее:

— Не учуял, потому что это не змея, а уж. Просто здоровенный, я таких в жизни не видела.

Лопух кивнул:

— Да, наш Йик в его пасть проскользнул бы в один миг.

Моды осторожно высунула лапу из укрытия и сорвала несколько стеблей росшей рядом дикой петрушки. Она свила их в жгут и примерилась к голове ужа:

— Да, эта зверюга с удовольствием внесла бы Йика в свое сегодняшнее меню. Спасибо моей правой, во.

И она принялась связывать челюсти лишнего
вкусной трапезы пресмыкающегося.

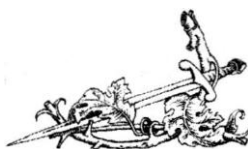
Расхрабренный Йик ударил ужа по морде кула-
чишкой:

— Вот тебе! Йик тоже драчливый заяц! Моды тут
же возмутилась:

— Послушай, молодой господин, это я зайчиха, во!
Серьезно настроенный детеныш замахнулся на Моды
кулачком:

— А я никакой не господин, а Йик!

— Оба вы хороши. Доорались! Вас слышали и
идут сюда.

Жроты втащили обмякшую полевку в сторожку и бухнули ее на кровать. Фенн Синяя Лапа брезгливо принюхивалась и присматривалась к незваному гостю:

— Ф-фу! Уберите отсюда это... как только оно очнется. Какое грязное существо! Придется теперь отскабливать покрывало, вывешивать его в саду, чтобы выветрилось.

— Что мне в вас нравится, мисс Синяя Лапа, — прокомментировал аббат Даукус, — так это ваше мягкосердечие, нежность, любовь к ближнему.

Белка оцетибилась:

— Посмотрела бы я на наше мягкосердечие, если б вам на кровать бухнули этакое, милостивый государь.

— Если вы хотите, мэм, поскорее освободить свою кровать, лучше пригласите сюда нашу целительницу Атрату.

В сторожку вошли Бенджо Типпс и Орквил. Хранитель погребов посмотрел на полевку с видимым раскаянием:

— Да, перестарался я малость. Очнуться-то он очнется, да вдруг дураком на всю жизнь останется.

Орквил скривил губы:

— Ну, намного дурнее, чем он был, не станет. Встречался я с ним. Гадкий старикашка. Жадный, злобный, глупый, неблагодарный.

Белка Фенн ввела сестру Атрату, все еще горестно жалуясь на свою судьбу:

— Вон, гляньте. Всю постель изгадили. Покрывало, подушка...

— Благодарю, благодарю, мисс Фенн, я все слышала, довольно, — утихомирила ее сестра Атрата. Она наклонилась над новым пациентом, приподняла одно из его век. — С минуты на минуту очнется, — сообщила она присутствующим. — Лампу мне дайте, Орквил. Сюда, ко мне, пожалуйста.

Сестра Атрата зажгла от лампы вывалившееся из подушки перышко, затем задула его и сунула тлеющий огарок под нос лежащему на кровати. Лишь только дымок втянулся в его ноздри, пациент тут же пришел в себя, подпрыгнул, чихнул, замахал лапами.

— Вот и отличненько, — сказала сестра Атрата. — А теперь мы вам компрессик на шишечку да микстурки в ротик.

Командор Рорк внес поправки в план лечения:

— Сперва он ответит на наши вопросы. Пройдет с нами на стену, там воздух свежее. Здесь больно уж жжеными перьями воняет.

Больной воспринял идею Командора без воодушевления:

— Сначала надо голову залечить. Этот ваш колючий свин... Ай!

Командор сжал лапу нахала и не дал ему завершить фразу.

— Если еще раз назовешь мистера Бенджо Типпса колючим свином, я тебе такую шишку поставлю, что навек языка лишишься. Следи за речью! Прошу на выход.

И Командор подкрепил приглашение осязательным тычком в спину полевки.

На стену они поднялись вчетвером, с Орквилом и Бенджо Типпсом. Командор и Бенджо Типпс держали «водяного» за лапы. Когда приблизились к северо-западному утлу, «водяной» вдруг начал извиваться, прятаться за Командора.

— С чего это ты вдруг струсил, почтеннейший? — поинтересовался Командор.

«Водяной» прижался к зубцу стены, явно не желая высываться.

— Эй, очнись! — ткнул его в бок Бенджо Типпс. — Что ты тут вытворяешь?

Кивая в сторону леса за северной стеной, «водяной» пробормотал:

— У... у... увидят. Увидят, боюсь.

Бенджо приподнял его за загривок и выставил на обозрение между зубцами.

— Кто увидит?

«Водяной» извивался, пытаясь вырваться, но Бенджо держал его крепко.

— Там... лис-капитан и его команда, много, много их.

— И ты один из них! — сурово заклеил его Бенджо.

— Нет-нет, я не из них! Спросите вот этого парня, он знает, — умоляющим тоном проныл пленник.

Орквилу не очень-то хотелось выручать старого негодяя.

— Он не был с ними, когда я его встретил впервые, но это ничего не значит. Такой подлый зверь мог и с нечистью снюхаться.

Командор прошел на северную стену, взгляделся в лес, в тропу, в канаву:

— Ничего не вижу. Орквил, что по этому поводу скажешь?

Орквил пожал плечами:

— Не знаю, что и сказать. Много их там было, на корабле. И на палубе, и под палубой. Если бы они за нами гнались, то хоть кого-то мы бы увидели, так? Может быть, они прячутся, ждут света дневного.

— Нет, друг, это на нечисть не похоже. Они днем прячутся, а ночью нападают, — сказал Командор и повернулся к полевке: Ничего об их планах не слышал?

«Водяной» ухмыльнулся:

— Ничего они мне не говорили. Но во всяком случае по лбу они меня не били, как мистер Типпис, и пищу мою они не воровали, как этот молодой человек.

Не обращая внимания на колкости, Орквил высказал предположение:

— Может быть, они сменили позицию. Давайте потихоньку обойдем стены. Может быть, заметим что-нибудь.

Командор кивнул:

— Верная мысль. Пошли. Бенджо, если он пикнет, утихомирь сразу, не церемонься с ним.

Еж вытащил из-за пояса бочарный молоток на короткой рукоятке.

— Пусть только попробует. Даже если вздохнет громко. Идем!

В неверном свете луны четверо пустились в обход стен, внимательно вглядываясь в ночной пейзаж за стенами аббатства. Ночь выдалась тихая, спокойная. Орквил радовался, что он снова в аббатстве. Молодой ежик чувствовал себя совсем уже взрослым. С прошлыми заблуждениями покончено, уверенно думал он.

Прошли восточную стену, ничего подозрительного не обнаружив. Даже «водяной» успокоился и шагал спокойно.

Слегка опередив друзей, Орквил ступил на парапет южной стены. И тут он услышал снизу чей-то голос:

— Эгей, в аббатстве! Ребята!

«Водяной» мгновенно взвился, дернулся, вырвался из лапы Бенджо:

— Они! Это они! Я пропал! У-у-у-у!

В панике он метнулся в сторону, споткнулся и рухнул со стены внутрь аббатства. До троих оставшихся на стене донесся глухой удар тела о землю — и наступила тишина.

Командор пригнулся вниз:

— Опять лоб расшиб. Надеюсь, не до смерти. Но снаружи-то не нечисть. Мне даже кажется, что голос знакомый. — Командор вполголоса крикнул вниз, наружу: — Кто там снаружи, друг или враг?

Снизу раздался очень похожий голос:

— Если у вас там ужин на столе да суп из жгучего корня, то я твой друг закадычный, кузен Рорк.

Командор заулыбался и пробормотал Орквилу:

— Беги вниз, сынок, открывай южную калитку. Там наши друзья. — Он снова высунулся за стену. — Каким течением тебя сюда занесло, Барбаула Бульжный Пес? Да еще с такой толпой.

— Ха-ха, со мной всего только моя семейка да немного землероек. Давай впускай нас, не стой между нами и супом, Рорк.

Командор напустил на себя шутливой строгости:

— Впустить вас? Да вы объедите аббатство, выметете все, до последней полочки в кладовой.

Качуч выступила вперед и уперла лапы в бока.

— Хватит болтать, вы, оба! У нас тут детишки уставшие и бурые крысы на хвосте.

Командор вмиг посерьезнел и крикнул Орквилу вслед:

— Быстрее, быстрее, Орквил, впускай их! Бенджо, беги к аббату и скажи Мардже, пусть звонит тревогу. Надо готовиться к обороне. Бурые крысы!

Орквил едва успел отскочить от орды ребятишек, землероек и выдр, рванувшихся в аббатство, о котором они так много слышали. За детьми последовали взрослые землеройки Гуосим и клан Барбаулы. Последним вошел Рангвал-разбойник.

— Вы последний, сэр? — спросил Орквил.

Рангвал захлопнул калитку и задвинул засов.

— Пока что последний, сэр, хотя очень надеюсь, что вскоре придут еще трое. Одна зайчиха и две землеройки. Боюсь, однако, что крысы могут поспеть сюда раньше, так что безопаснее пока что вход закрыть.

Ударили колокола аббатства, Матиас и Мафусаил, взорвали тишину мирной ночи. И вот уже стены заняли рэдловлицы, вооруженные кто чем. Грабли, лопаты, мотыги, поварешки, жерди и шесты — чего тут только не было!

Аббат Даукус опросил у первой встречной землеройки:

— Где ваш Лог-а-Лог, Гуосим?

Спрошенный задумчиво почесал нос.

— Лог-а-Лог остался с зайчихой искать одного сорванца-землеройку, сэр.

Даукус заметил брата Хондруса:

— Веди гостей в Пещерный зал, накорми как следует.

Осбил отсалютовал аббату рапирой:

— Отец настоятель, бойцы Гуосим готовы к защите аббатства. Позвольте нам занять позиции на стенах.

Аббат тепло пожал его лапу:

— Гуосим всегда оставались нашими верными союзниками. Благодарю вас. Хондрус, детей, стариков, мамаш... ну, кто там еще... в Пещерный зал, и позаботься, чтобы на стенах всех накормили.

Аббат поднялся на стену. Командор беседовал с Барбаулой.

— Не знаю, Рорк, сколько их там, этих крыс, да и сами они не знают. Много, очень много. Вождь их — Грантан Кердли.

— Кердли... Слыхал уже. Этот дикарь позаботился о своей славе. Что ж, пусть приходят, встретим.

— Я слышал, что снаружи остались еще зайчиха, младенец и Лог-а-Лог Лопоух. Следите, если они появятся, чтобы их быстро впустить, — обратился к Командору аббат.

Командор посторонился, пропуская команду кротов с грузом камней и гальки для пращей. Он покачал головой:

— Мало нам было морской нечисти, отец настоятель, так еще и бурые крысы Грантана Кердли...

— Что ж, друг, из дождя да в ливень, как говорят...— Аббат вытащил из обширного рукава пращу и принялся подбирать для нее камушки.— Друзьям мы приготовим теплый прием, а врагам огненный отпор.

Примерно в часе ходьбы от аббатства капитан Длиннозуб обнаружил в лесу свою команду. Издали заметил он огни их костров. Маггер подвел Виску к подготовленному для него месту у самого большого костра.

— Все точно, как ты и сказал, кэп. В лесу жратвы навалом. Птица, рыба, фрукты... Глурма! Ужин капитану!

Глурма, сияя улыбкой, подала Виске два деревянных вертела:

— Специально для тебя, кэп. Это вот лесной голубь, жирный, мягонький... А это лещ... прямо тает во рту.

Златолис грыз жареную птицу, выплевывая мелкие косточки и опшметки перьев в костер. Глаза его внимательно изучали обстановку. Команда настроена благодушно. Те, кто уже наелся, сопят и хранят возле костров. Виска даже подивился. Обычно морская нечисть на суше чувствует себя неуютно и беспокойно. А тут — полная идиллия. Никаких мрачных морд, никаких косых взглядов. Даже не верится. Виска обратился к Маггеру:

— Бедняга Кодж не смог на суше ничем поживиться. А тебе это удалось, друг.

Желтые неровные зубы Маггера обнажились в скромной улыбке.

— Мы с Глурмой постарались, кэп.

Глурма подала Виске кружку горячей жидкости:

— Чай из ивовой коры, кэп. Но Магтер послал Пятую Ногу и Заплату на судно, за грогом для тебя.

Дав капитану утолить первый голод, Магтер подсел к нему поближе:

— Ну, как план для аббатства, кэп?

Длиннозуб выплюнул в огонь рыбью кость.

— А вот как ты думаешь, — спросил он Магтера, — землю рыть они сумеют?

Магтер презрительно фыркнул:

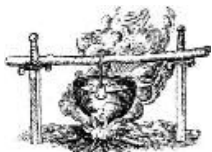
— Рыть землю? Виска, ты шутишь! Мои ребята моряки, убийцы, но не землекопы. Ты что-нибудь там копать собираешься, в аббатстве?

В голове Виски загудел тревожный набат. Магтер представился в новом свете. Он назвал его не кэпом, а Виской. И ребята вдруг стали «его», а не капитана. И он теперь у команды любимчик. Как же, насытил, обогрел, даже за грогом послал.

Магтер еще не уловил изменения в настроении капитана. Да Виска и не стремился это изменение демонстрировать. Он спокойно закончил ужин, отвалился от костра, промурлыкав нежно:

— Завтра о планах поговорим.

Магтер кивнул и отвернулся. Он не заметил улыбки Виски Длиннозуба, улыбки, часто предвещавшем чью-то смерть.

Из своего укрытия Модя видела, как четыре рослые крысы поднялись от лагерного костра. Она прижала голову Йика, не давая ему трепыхаться. Рядом с ней раздраженно шипел Лог-а-Лог:

— Видишь, я ж говорил, что они нас заметят. Вон, уже ползут сюда. Что нам теперь делать?

Зайчиха понимала, что им здесь не усидеть. Трепыхался Йик, ожил уж, пытался освободиться от удавки вокруг морды. Спасти их могло лишь какое-то молниеносное решение и молниеносное действие.

— Скорость, друг. Нас спасет скорость, во. И какой-нибудь отвлекающий маневр.

Четыре крысы спускались в канаву.

— Отвлекающий маневр, — прошептал Лог-а-Лог.
— Какой отвлекающий маневр?

— Во-во-во... За нас внезапность — это раз... Гм... И... змея — два. Все, поговорили. Хватай этого драного Йика и за мной!

Четыре крысы замерли от ужаса. Вращая за хвост обезумевшую змею, Моди восстала перед ними, как дух из мира мертвых, вопя диким голосом:

— Уху-ху-ху-ху!!! Еулалиа-а-а-а-а!!!

Двух крыс смели с дороги вращающиеся кольца ужа, еще две не могли опомниться от первого ужаса. Моди рванулась из канавы, Лог-а-Лог, сжимающий детеныша, следовал за ней вплотную. Вращая ужом над головой, Моди пронеслась через центр лагеря крыс. Грантан Кердли чуть не подавился яйцом, которое он от неожиданности засунул в рот целиком. Кошмарным видением подскочила Моди к вождю, сбив змеей еще несколько перепуганных крыс.

— Йо-хо-хо-хо-хо!!! Кровь и уксус!!! Еулалиа-а-а-а-а-а!!!

Моди запустила ужом в вождя. Бросок оказался не вполне точным. Большая часть ужа опустилась на тело Грантана, однако хвост угодил в костер. Ожог не улучшил настроения рептилии. Хвост вырвался из костра и кнутом ударил по физиономии Кердли.

Изо рта Кердли вслед за веером крошек размолотого яйца вырвался дикий вопль:

— А-а-а-а-а! О-о-о-о-о! Спасите! Уберите!

Моди выскочила за пределы лагеря и остановилась, чтобы подождать Лог-а-Лога. Сзади доносились вопли:

— Убейте эту гадину, вы, идиоты! А-а-а-а!

— Сколько их было?

— Общим счетом шестеро. Да змея. Итого семь.

Все голоса перекрыл Грантан Кердли:

— Мне плевать, сколько их было! Догнать! Содрать шкуры с живых! Головы их ко мне! Живо! Живо! Пошли! Вон! Догоня-а-а-ать!

Лог-а-Лог устало вздохнул:

— Двигаться надо.

— Давай мне мелкого мерзавца, и побежали, во.

По какой-то причине Лог-а-Лог решил нести Йика сам.

— Бежим! Я с ним справлюсь.

Йик запротестовал:

— Я с ней хочу! Она быстрее бежит!

— Молчать немедленно! — прикрикнул на него вождь землероек.

— Как скажешь, друг, — пожала плечами Моды, но только давай побыстрее.

Зайчиха живо снялась с места и понеслась, но вскоре вынуждена была задержаться, чтобы дожидаться Лог-а-Лога с ношей. Они неслись по темному лесу, а сзади не утихал шум преследования. Моды побежала рядом с Лог-а-Логом.

— Я могу бежать с таким грузом, не сбавляя скорости, — уверяла зайчиха. — Почему ты не хочешь мне его отдать?

Но Лог-а-Лог ничего не хотел слышать.

— Прекрати дергать меня за уши! — приказал он Йику. Бежим, не болтаем.

Мимо Моды просвистела и воткнулась в дерево стрела. Она оглянулась:

— Наверно, они пустили вперед особо быстрых. Хотелось бы знать, долго еще до Рэдволла?

Лог-а-Лог начал выдыхаться.

— Идем прямо и скоро выйдем к расщепленному дубу. А за ним равнина и Рэдволл, южная стена. Помню, раз я уже шел этим путем. Без погони.

— Береги силы, друг. Они догоняют.

Стрела взрыла землю у ноги Моди, вторая свистнула мимо уха Йика.

— Ага, промазал! — восторженно заорал детеныш.

Лог-а-Лог указал вперед:

— Вон этот дуб. Уже недалеко.

Моди увидела могучее дерево, расколотое ударом молнии. Даже покалеченное, оно казалось более величественным, чем все, окружавшие его.

Крики преследователей приближались, но Моди больше тревожилась о том, что самые опасные, самые быстрые крысы-бегуны несутся молча, стараясь незаметно приблизиться к добыче. Она замедлила шаг, пропустила вперед Лог-а-Лога, внимательно вгляделась во тьму.

Вот они! Две поджарые крысы несутся между деревьями, иногда выпуская в сторону преследуемых стрелы. Остановился и Лог-а-Лог, обернулся:

— Что там?

Обе крысы услышали его и выпустили стрелы на голос. Моди ринулась на них. Первый уже вложил стрелу, когда в него врезался боксерский кулак зайчихи. Он рухнул, Моди подхватила его лук, резко развернулась и выпустила стрелу во второго. Второй схватился за пронзившую его горло стрелу и тоже свалился, издав сдавленный крик.

В отдалении показались остальные крысы. Моди уронила лук и побежала. Лог-а-Лог стоял у расколотого дуба, Йик сидел на его плечах и молчал. Вождь зем-

лероек, тяжело дыша, снял с плеч детеныша и передал его зайчихе:

— Неси...

Моди подхватила Йика и тут заметила, что из спины Лог-а-Лога торчит сломанное древко стрелы. Лог-а-Лог медленно скользил по стволу дерева, оседая наземь. Он наполовину вытащил из ножен рапиру, выдохнув:

— Отдай... Осбилу...

Голова вождя упала на грудь, глаза затуманились, и дыхание остановилось.

Времени на раздумья не оставалось. Моди уже могла различить морды воющих преследователей. Подхватив рапиру из безжизненной лапы Лог-а-Лога, она взметнула детеныша на плечи и понеслась к аббатству. Вид убегающей добычи подстегнул преследователей, но где бурой крысе, даже самой резвой, угнаться за саламандастронским зайцем — даже и с детенышем землеройки на плечах. Моди неслась так, как не бегала никогда в жизни. Вот уже перед нею растет стена аббатства. Сзади вопят и скрипят зубами крысы.

— Еулалиа-а-а-а! Рэдва-о-о-олл! — закричала Моди.

Навстречу ей из ворот выскочили Командор Рорк, Барбаула и еще несколько выдр с тяжелыми дротиками в лапах. Они без остановки пронеслись мимо зайчихи навстречу крысам и дали залп. Семь крыс первого ряда забились в предсмертных судорогах, нанизанные на мощные метательные снаряды, задние, не успев затормозить, падали через них. Крысья орда задержалась лишь на мгновение, но этого мгновения было достаточно, чтобы спасти Моди и Йика, чтобы выдрам вернуться в аббатство и закрыть за собой вход.

В приблизившихся к стенам на опасное расстояние крыс посыпались камни пращников.

— Рэдово-о-о-олл! — пронеслось над окрестностями.

Землеройки-мамочки уже приняли снятого с плеч Моды Йика, сама зайчиха, рухнув на траву, жадно хватала ртом воздух. Со стен заспешили некоторые из защитников крепости.

Рангвал-разбойник с жаром сжал лапу зайчихи:

— Поздравляю, дорогая, отличная пробежка! Негодяи сзади, негодяй на плечах, а вам все нипочем, вы просто неподражаемы! Даже стрелы не поспевали за вашим бешеным бегом.

К Моды подошел Осбил. Молча протянула ему зайчиха оружие Лог-а-Лога. Землеройки смолкли. Осбил, Осбил, как бы не веря глазам, пожирал взглядом знакомую рапиру. Он еле слышно выдохнул:

— Лог-а-Лог?

Зайчиха кивнула:

— Убит стрелой. Совсем рядом, у расколотого дуба. Крысы почти настигли нас там.

Осбил нежно погладил клинок.

— Умер на месте?

— Да, почти мгновенно. Иначе я не оставила бы его. Он почему-то хотел нести Йика сам. До того момента, как его поразила стрела, он отказывался отдать мне детеныша.

В глазах Осбила блестели слезы, но голос его оставался тверд:

— Потому что вождь отвечает за каждого из Гуосим. Что ж, я должен обратиться к моему народу. Спасибо за рапиру, мэм.

Моды проводила взглядом Осбила, поднимающегося на стену:

— Почему Лог-а-Лог велел передать свою рапиру именно Осбилу?

— Лог-а-Лог передал свой клинок тому, кто станет следующим вождем. Таков закон Гуосим. Старший сын наследует титул отца.

— Значит, Осбил — сын Лог-а-Лога?!. — удивилась Моди.

Тигл утерла глаза:

— Да, мисс, и добрый сын. И Лог-а-Лог получится из него добрый, весь в отца. Извините, мисс, спешу к своим.

Отдышавшаяся Моди тоже поднялась на южную стену, где стала свидетельницей ритуала странного и внушительного. Осбил поднялся между зубцов крепостной стены, открывшись атакующим бурым крысам, поцеловал клинок, воздел его к небесам и завел грозную песнь. Медленно раскачиваясь, воины Гуосим присоединились к нему.

Зрелище жуткое, запоминающееся. Воины раскачивались, как колосья хлебного поля на ветру, Осбил взмахивал клинком, указывая то в небо, то в поле, где замерли бурые крысы, как и рэдловльцы, пораженные происходящим.

Закончив песнь, Осбил спрыгнул на парпет, взмахнул клинком и издал боевой клич племени:

— Логалогалогалогало-о-о-о-ог!

Командор, сообразив, что за этим последует, понесся вниз с воплем:

— Ворота заблокируйте! Они же хотят выйти в поле!

Рангвал подбежал к запертой калитке. К нему бежали Командор и Бенджо, выдры Барбаулы. Барбаула недоверчиво покачивал головой:

— С ума они сошли, что ли? Крыс вдесятеро больше. Это просто самоубийство.

К выходу неслись землеройки во главе с Осбилом. Осбил оскалил зубы:

— Отойдите! Песнь Клинка спета, никто не может теперь остановить землероек. Мы не трусы, мы не можем оставить смерть вождя неотмщенной.

Моди выступила вперед, навстречу клинку Осбила:

— Вы не трусы, вы дураки, если хотите без толку подарить врагу свои головы. Вы бежите на верную смерть.

Момент напряженный. Зайчиха почуяла на горле острие рапиры нового Лог-а-Лоба.

— Опусти оружие! Как ты смеешь поднимать клинок на друга на территории аббатства?! Немедленно опусти клинок!

Аббат Даукус спешил к застывшим бездвигно Осбилу и Моду. Сурово глядя на Осбила, он обеими лапами уперся в клинок и отвел его от горла зайчихи.

— Это дело Гуосим, отец, не вмешивайся.

— Я отвечаю за все, что происходит в аббатстве. Как настоятель Рэдволла, я приказываю немедленно прекратить этот глупый спор.

Осбил не знал, что ему предпринять. На его юные плечи свалилась ответственность за судьбу племени. Аббат обладал неоспоримым уважением, его слово было главным. Осбил несколько неуверенно возразил:

Лог-а-Лог я по отцу,
И клинок отца со мной!
Берегитесь, Негодяи!
Гуосим идет на бой!

Лог-а-Лог идет, а с ним
Гуосим! Гуосим!

Темный Лес — вот это место
Слугам подлости и зла!
Смоем ватной черной кровью
Ваши черные дела!

Лог-а-Лог идет, а с ним
Гуосим! Гуосим!

Мы отважны и жестоки,
И безжалостны в бою!
Мы изрубим вас в капусту!
В этом клятву я даю!

Лог-а-Лог идет, а с ним
Гуосим! Гуосим!

— Отец, мы спели Песнь Клинка, и если сейчас же не выйдем в поле, потеряем честь.

Даукус ощутил жалость к молодому воину, стоявшему перед тяжелым выбором.

— Гм... Потеря чести... Понимаю... Но на каждое правило есть исключения. Чрезвычайные, непредвиденные обстоятельства...

Эта подсказка вдохновила Модя:

— Прошу прощения, отец настоятель, у меня как раз тут появилась мысль, во. — Зайчиха продвинулась поближе к Осбилу.— Допустим, ежели бы многовысокочитимоуважаемый Лог-а-Лог внезапно оказался в недееспособном состоянии...

Осбил не понял слова:

— Недееспособ...

Зайчиха придвинулась к нему вплотную:

— Да, да, недееспособном, во. Ну, там, с катушек слетел, ранен, вырубился, сознание потерял...

— Нет, без Лог-а-Лога, конечно, закон не велит... — Не закончив фразы, Осбил вдруг обмяк, ноги его подогнулись.

Зайчиха подхватила его падающее тело. Новый вождь землероек пребывал в недееспособном состоянии. Зайчиха никак не ожидала такого поворота событий:

— Великие сезоны, вождь потерял сознание, во! Жестокая смерть отца подкосила любящего сына, во, во!

Землеройки столпились вокруг, но Рангвал тотчас принялся распоряжаться:

— Уважаемые, не толпитесь, дайте вождю воздуху, воздуху больше! Командор, будьте добры, уведите их на стены, там пращников не хватает. Идите, идите, друзья, мы с аббатом присмотрим за вашим вождем.

Гуосим колебались, но тут со стены раздался голос Командора:

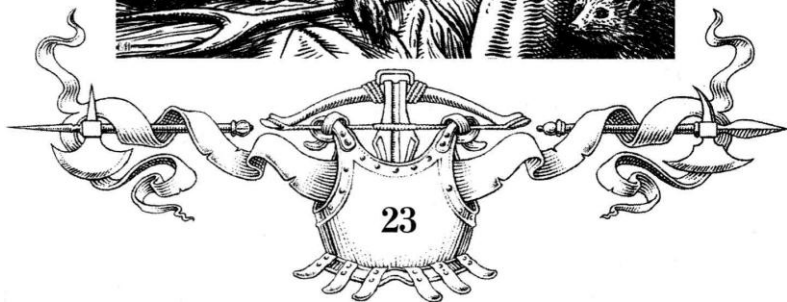
— Да ладно, друг, здесь народу хватит, а из них какие сейчас воины...

Это предположение задело землероек, и они понеслись вверх. Аббат с Кротона начальником доставили Осбила в лечебницу к сестре Атрате. Кротона начальник степенно покачивал головой:

— Хурр, эх его, однако... Такой крепкий, молодой, а вдруг раз — и сник.

Аббат Даукус, удивленный и озабоченный не меньше, все же не мог скрыть облегчения:

— Да, редкий случай. Но все же нельзя не признать, что это случилось... гм... э-э... весьма кстати.

Вернувшиеся на стены землеройки обрушили на крыс такой яростный камнепад, что крысы совершенно носа не смели высунуть. Грантан Кердли задерживался, а офицеры растерялись и оттянули войско под прикрытие деревьев.

Моди в сопровождении белки-разбойника поднялись на стену. Командор с бравым видом указал на опустевшее поле:

— Похоже, на сегодня им хватило. Не теряя бдительности, подождем, что принесет утро.

Снизу раздался голос брата Хондруса:

— Эй, на стене, найдете минутку-другую, чтобы перекусить?

Барбаула уже подталкивал своих выдр к ступенькам.

— Мудрое предложение, и как раз вовремя. Высылаю подмогу!

К живейшему удовольствию выдр, с кухни доставили большой котел их любимого супа из жгучего корня с речными рачками и креветками. Принесли, конечно, и сыр ореховый, и вареники с яблоками и сливами, и грушевые пирожные с луговыми сливками, и хлеб с золотистой поджаристой корочкой, еще не остывший, прямо из духового шкафа; не забыли про лопуховку, одуванчиковку, мать-и-мачеховку.

Сыр аж подтаивал на ломте горячего хлеба. Командор окунул хлеб с сыром в суп и, прежде чем проглотить его, воскликнул:

— Неужели мы допустим этих бурых бандитов до такой провизии! Да ни в жизнь!

Качуч, уминая пирожок, заметила:

— Их шкурой удобно котлы драить.

Грянул взрыв смеха. Моды не смеялась. Она сидела между Орквиллом и Бенджо Типпсом и с серьезным видом уминала одно, другое, третье...

— О-о-о, какое чудесное испытание, во, во! Как мне все это нравится... Орквил, что скажешь, друг?

— Да что ж... — Орквил снял с иглока крошку сыра и отправил ее в рот. — Все верно. А это ведь не праздничная трапеза, а всего лишь на скорую руку приготовленная закусочка, вот ведь как. Кстати, мисс Моды, я правильно понял, вы здесь в поисках барсука, вы не пошутили?

— Да-да, верно слышали, мой юный друг. Сверхсекретное поручение повелителя Саламандастрона, во. Старый лорд Пепельный Глаз, командующий крепостью, доверил мне эту серьезную

задачу. Ты, друг, конечно, этого барсука не встречал. Здоровеннейший, знаешь ли, барсучище, во. Мечи и другое порядочное оружие не жалуется. Можешь себе такое представить? Он и майор Малл стонали в один голос, что только на меня надежда. Ну как я могла им отказать?

Откуда было Моды знать, что ответит ей юный Орквил.

— Барсука этого звать Горас, он сейчас в лечебнице сестры Атраты, а я привел его в Рэдволл.

Голова Моды выскочила из котла, котел выскользнул из ее лап и грохнулся на плиты парапета, чуть не отбив ей ногу. Уши и глаза зайчихи чуть не выпрыгнули из головы.

Бенджо Типпс захохотал:

— Не запутайтесь ногами в ушах, мисс, не то свалитесь со стены, здесь высоко. Принк, друг, ты бы отвел гостью к своему другу барсуку. Пока дойдете, она уже снова и говорить сумеет.

— Куда это они направились? — спросил Командор Бенджо Типпса, кивнув в сторону удалявшейся парочки.

— Орквил повел зайчиху в лечебницу, к барсуку. Ее прислали сюда за нашим Горасом из Саламандастрона.

Командор задумчиво глядел вслед зайчихе и ежу:

— Но Горас ведь в Саламандастроне в жизни не бывал. Откуда лорд Пепельный Глаз мог узнать, что он у нас?

Бенджо пригубил кружку с Октябрьским элем.

— Саламандастрон — место, окутанное многими тайнами. Нам, простым зверям, этих тайн не изведать.

По пути к лечебнице Орквил вкратце рассказал зайчихе, как его изгнали из аббатства, как он встретил Гораса. Выслушав его рассказ, Моды печально улыбнулась:

— Во-во, наши истории похожи. Оба мы сюда попали, спасаясь от врагов.

— Может, оба мы изгнаны как воры? — подмигнул ей Орквил.

Моды аж подпрыгнула:

— И ничего подобного! Меня выгнали за драку, во! Вздудла капрала Твурла и еще пару-другую нахалов. Но с чего это ты взял, что меня тоже выгнали, во?

— Что-то в нас общее, похожее, так мне показалось. Вот мы и пришли. Горас за этой дверью.

Моды почтительно смерила взглядом крепко спящего барсука:

— Вот-вот это да-а! Он больше нашего лорда. А худой-то какой! Больной, бедняга.

— Много страдал, — сочувственно пробормотал Орквил. — Другой бы такого не вынес. Гнусная нечисть эти морские разбойники.

Горас открыл глаза и сделал усилие, чтобы сесть.

— Где они? Где?

Орквил присел на кровать, налег на друга маленьким своим телом, пытаясь сдержать его порыв:

— Спокойно, спокойно, приятель, нет здесь этих негодяев. Нас сейчас больше беспокоят бурые кры-

сы за южной стеной. А вот к тебе тут гостя издалека.

Моди подступила ближе, представляясь:

— Моди Магзбери Тропл из Саламандастрона, сэ. Меня послал лорд Пепельный Глаз.

— Значит, его имя Пепельный Глаз, — пробормотал барсук. — Старый, весь седой. Он являлся мне в снах. И чего он от меня хочет?

— Я не совсем понимаю, сэ. Он велел вас найти... Может быть, он хочет видеть вас в Саламандастроне.

В глазах Гораса запылал боевой огонь.

— Не раньше, чем прикончу этого Виску Длиннозуба. Орквил, предупреди здешних обитателей, что за стенами враг, готовый напасть на Рэдволл. Дайте мне мое оружие, где Тунг? Он снова попытался встать, но Орквил и Моди удержали его.

Вбежала сестра Атрата:

— Что вам здесь нужно? Добрый зверь болен, ему нужен покой. Немедленно убирайтесь.

Сестра Атрата взяла со столика небольшую миску и поднесла ее ко рту барсука:

— Выпей, друг, тебе станет лучше.

Барсук послушно осушил миску, откинулся на подушку, вздохнул. Затем веки его сомкнулись, и он с трудом проговорил:

— Даже не заметил... Схоронить стариков... Построить новый дом... Все пропало, все... Холодно на Северном архипелаге, холодно... Снег, лед... Урожай пропал... Бедные... Так холодно... Холод...

Горас задрожал, как будто замерз. Застучали его зубы. Вилы его, лежавшие рядом на кровати, с грохотом свалились на пол.

Сестра Атрата влила в рот страдальцу еще немного микстуры и вспомнила о посетителях:

— Вы, мисс, принесите из соседней палаты одеяла, Там много на полках. Принк, найдите Марджу Даббидж, пусть разведет здесь огонь. Вашего друга знобит.

Орквил заспешил на поиски звонарихи Марджи Даббидж, Моды нашла полку с пушистыми одеялами и набрала, сколько поместилось в лапах.

— Надеюсь, сестра толковая,— бормотала она себе под нос. — Представьте-ка себе, как я вернусь к его лордству с пустыми лапами. Что он мне скажет? Что я ему скажу? Ах, извините, нашла я вашего пламенного барсука, но, ко всем дьяволам, потеряла. Майор Малл шкуру с меня спустит.

Она притащила грудку одеял сестре Атрате:

— Хватит, мэ? Могу еще сбегать. Дайте ему еще из вашей миски, во...

Сестра Атрата смирила зайчиху строгим взглядом:

— Я делаю все, что в моих силах, мисс, однако прошу вас не указывать, что мне следует делать. Возьмите-ка лучше угол одеяла, давайте его прикроем как следует.

Подтыкая одеяло под плечи Гораса, зайчиха взгляделась в шрам на его лбу:

— Сезоны адских врат, вот это шрамище! Вблизи-то какой страшный, во...

— Да, рана серьезная, — подтвердила сестра Атрата. — Надеюсь, что она не слишком помешает Горасу встать на ноги.

Моди все не могла оторвать взгляда от ужасного языка пламени во лбу барсука.

— Был у нас в ветеранской казарме один старый заяц, смешной старикан. Он получил когда-то по голове булыжником. Потом все время песни пел на языке, которого никто понять не мог. Все так полагали, что он немножко от этого булыжника умом двинулся. Уж очень он вел себя странно, во.

— Да, такое случается, — согласилась сестра. — Однако не думаю, что барсуку такое угрожает. Он слишком занят одной мыслью — отомстить за смерть семьи.

Моди уставилась в окно. На небе появились проблески утренней зари.

— По мне, так мысль, барсука достойная, сестра.

Над полями взвились в туманное небо жаворонки, завели свои утренние песни, призывая в мир солнце. Идиллический пейзаж, если бы не два обстоятельства: орда бурых крыс на южной кромке леса и команда Виски Длиннозуба к северу от аббатства.

Виска оставил основные силы под сенью леса и с четырьмя десятками голов направился по канаве к Рэдволлу. Избранники его не роптали, ибо знали, что капитан не замедлит воспользоваться даже недовольным взглядом, чтобы преподать урок послушания всей команде. Завидев аббатство, все пригнулись, двигаясь с осторожностью. Виска остановил их напротив главных ворот.

— Начнем здесь.— Он начертил на стенке канавы крест.— Как, по-твоему, Андрил, подходящее место?

Крупный, унылый и туповатый горноста́й Андрил, назначенный Виской ответственным за рытье, глянул на крест и развел лапами:

— Конечно, кэп, раз ты так сказал...

Виска озарил всех своей знаменитой улыбкой:

— Да, я так сказал. И можете поверить моему слову. Ну, приступайте!

Копья, мечи и кинжалы оказались инструментами, плохо приспособленными для рытья подземных ходов. Виска стоял, нервно поигрывая кистенем и скептически взирая на бестолковые потуги своей команды, стараясь сдержать растущее раздражение. Он понял, что задумал дело долгое, тягостное и весьма сомнительное.

— Слишком много вас в одном месте, только мешаете друг другу, — изрек он наконец. — Андрил, разбей их на две группы. Ферти, Джерна, пройдите по канаве, попробуйте почву, может, там рыть легче.

Ферти и Джерна, мелкие и слабые крысы, обрадовались небольшой передышке и затрусили вдоль канавы к югу. Виска продолжал следить за работой.

— Джанго, чем это ты занят, позволь спросить?

Джанго, самый тупой из всей команды, указал на мелкое углубление в дне канавы:

— Кэп, я его долблю, а оно не долбится. Копье отскакивает и отскакивает.

Виска объяснил, как будто обращаясь к малому ребенку:

— Потому что ты лупишь по корню. Билджер, поддержи корень, а Джанго его перерубит копьем.

Виска наблюдал, как его подчиненные выполняли указание, и его охватывало отчаяние.

— Ай-й-й! Тебе кэп велел корень рубить, дубина, что ты мне в лапу тычешь! Совсем одурел?

— Ух ты, извини, парень! У тебя лапы в земле, я и не понял, где лапа, где корень...

Грантан Кердли прибыл наконец на южную окраину леса. Носильщики осторожно опустили наземь паланкин с презрительно фыркающим вождем. Грантам подманил Бикло:

— Куда землеройки подевались?

Бикло кивнул в сторону аббатства:

— Там они, великий.

В сопровождении двух носильщиков Грантан дошел до крайних деревьев. Он когда-то уже видел аббатство, не так близко, но все равно едва смог скрыть изумление.

— Гм... И шесть лодок тоже там?

Бикло пожал плечами:

— Не знаю, великий.

Грантан проявил редкую для своих размеров сноровку. Он одним ударом сбил с ног Бикло, навис над поверженным и передразнил его:

«Не знаю, великий». Не знаешь? — Грантан снова ударил лежащего. — А следовало бы знать, тупая башка! — Он повернулся к Стринглу. — Нельзя ни на мгновение оставить вас без внимания? Упустили землероек, теперь они заперлись там. Вы хоть попытались выманить их наружу? Небось сидите на хвостах всю ночь, ждете, что я вместо вас все сделаю.

Стрингл подался назад, чтобы удалиться от лап вождя.

— Мы убили их вождя, Лог-а-Лога. Они сбежали и спрятались за красными стенами. Мы с ходу атакова-

ли, но понесли потери, отошли. Там, в крепости, всех много, много. А у нас шестеро убитых и больше десяти раненых.

Грантан оглядел южную стену:

— Значит, считаешь, что у них сильный гарнизон.

Стрингл поднял на вождя мрачный взгляд:

— Никому не взять Рэдволла.

Грантан засмеялся, заколыхалось его необъятное брюхо.

— Ты уверен? Послушай, что я тебе скажу, приятель. Чтобы убить мышь, не обязательно рассказывать ей хохмочки и ждать, пока она подохнет со смеху. Есть и другие способы, получше.

Стрингл озадаченно почесал хвост.

— Ты о чем, великий?

Грантан Кердли не был расположен давать Стринглу какие-то объяснения. Он просто отмахнулся от своего первого офицера:

— Ладно, иди к войску. Скажи, пусть повара приготовят завтрак. И вышли разведку осмотреться вокруг аббатства. Может, кто-нибудь обнаружит, как туда можно пробраться.

Грантан снова всмотрелся в аббатство. Это место начинало ему нравиться.

— Хм... Рэдволл. Здесь можно быть настоящим королем. Ха-ха, и смешные лодки мне здесь не понадобятся. Потому что тогда конец скитаниям. Сиди себе в удобном кресле перед огоньком, обжирайся да опивайся. Ха-ха, чем не жизнь для Грантана Кердли!

Стрингл снарядил в разведку восемь крыс с заданием обойти аббатство со всех сторон. Вдоль западной стены направились опытные солдаты, Тантейл и Диррил. Для лучшей скрытности они проследовали по ка-

наве и наткнулись на врывшихся в землю Ферти и Джерну. Они молча наблюдали за тщедушными матросиками Виски, пока уставший Ферти не поднял голову, чтобы утереть физиономию. Увидев бурых крыс, Ферти выставил перед собой копьё.

— Вы кто такие? — задал он вполне резонный вопрос.

Диррил ответила ударом в брюхо Ферти, вырвала у него копьё и показала им на аббатство:

— Вы оттуда?

Джерна ковырялся в земле ножом и заостренной палкой. Опасливо глянув на здоровенных самок, он проворчал:

Вы поосторожней с нами. Мы из команды Виски Длиннозуба, грозные морские разбойники.

Тантейл угрожающе шагнула к нему:

— Если вы не оттуда, то нам плевать, кто вы, потому что мы из орды Грантана Кердли. Ну-ка отдай нож.

Перепуганный Джерна направил острие ножа на крысу:

— Это мой нож!

Тантейл быстрым движением выбила нож из лапы Джерны и принялась его дубасить:

— Ах ты, недомерок! Вздумал мне ножом угрожать!

Ферти попытался протестовать:

— А ну отстань от него! Капитан Виска вам покажет!

Тут же на Ферти обрушился удар древка его собственного копья. Бурые крысы колотили мелких, приговаривая:

— Капитан Виска, значит! Ах как мы боимся! Ах как мы трясемся! Бедные наши головушки! Да мы о

нем и не слыхали, о вашем капитанишке! Слушайте, сопляки! Доберетесь до своего грозного капитана, скажите, что повстречались с двумя бурыми крысами Грантана Кердли.

Диррил сломала копьё и продолжала лупить Ферти нижней его половинкой.

— Скажите своему капитану, чтоб уносил ноги, пока цел. Сюда пришла орда Грантана Кердли.

Виска тем временем несколько умиротворился. Дыра в земле постепенно увеличивалась в размере. Она достигла в длину уже роста горностая, потому что горноста́й, который ее рыл, полностью в ней помещался, наружу торчал лишь его хвост. Вынутую землю относили подальше и скрытно выбрасывали на поверхность. Златолис нежился на солнышке, когда прибежали побитые Ферти и Джерна.

— Кэп, на нас напали!

— Кэп, нас поколотили!

Виска поднял лапу:

— По одному. И отвечайте на вопросы. Ферти, кто на вас напал?

Ферти, перед тем как ответить, выплюнул выбитый зуб.

— Две здоровенные бурые крысы, кэп.

Работа остановилась. Все глаза устремились на Ферти и Джерну.

— Вы сообщили, что вы морские разбойники Виски Длиннозуба?

Придерживая сломанный хвост и кося подбитым глазом, Джерна заверил:

— Сразу, кэп, а как же. Но эта, которая меня коло-тила, сказала, что я недомерок... и, кэп, представля-ешь, что еще?

— Нет, не представляю, поэтому скажи.

— Она велела передать нашему капитану, что мы встретились с крысами Карантана Карлы. Вот ведь как.

Капитан качнул кистенем и обратился к своей ко-манде:

— Кто-нибудь слышал о бурых крысах Карантана Карлы?

Все замотали головами.

Качание кистеня становилось все беспокойнее.

— И где на вас эти крысы напали?

Ферти махнул лапой вдоль канавы:

— Там, за поворотом, кэп. Мы рыли, как ты велел...

В этот момент из-за поворота вынырнули те самые две крысы-разведчицы. Взмахнув над головой кисте-нем, Виска бросился на них:

— Взять их! Вперед!

Тантейл и Диррил бросились наутек, Виска и его головорезы — в погоню.

На западной стене скучала одинокая Гранпик Ниб-ло. Вдруг она закричала, размахивая лапами:

— Командор, сюда, там что-то творится!

Командор с Барбаулой и его выдрами примчались первыми, за ними торопились землеройки Гуосим, по-спешали рэдволльцы.

— Что там стряслось, мэм?

— Вон там, в канаве, кто-то кричал: «Вперед!» Нечисть, должно быть.

Барбаула всмотрелся в канаву:

— Что ж, если и кричал, то его там сейчас скорее всего больше нет. Крысы? Как ты думаешь, Рорк?

Командор прильнул к зубцам крепостной стены.

Может, крысы, может, корабельная нечисть. Но ежели они ушли, то и скатертью им дорожка.

Народ начал расходиться, возвращаться на прежние позиции на южной стене. Кое-кто еще оставался на восточной, и среди них Орквил и Моды.

Зайчиха вдруг зашевелила ушами:

— Дьявол, какой-то подозрительный шум, во.

Орквил пошевелил иголками:

— Ничего не слышу... — Он всмотрелся в даль. — Зато вижу! Вон они!

Ушедшие заторопились обратно, чтобы не пропустить захватывающего зрелища.

По канаве неслись Виска Длиннозуб и его команда. В этот раз они из преследователей превратились в преследуемых. Тяжело дыша, выпучив глаза, они неслись, спасая жизни, а за ними грохотала орда Грантана Кердли. Все они, вздымая пыль, неслись к северу. Головы зрителей медленно поворачивались слева направо, пока преследуемые и преследователи не скрылись в отдалении.

— Это Виска Длиннозуб! — возбужденно кричал Орквил.

— А за ним ржавые крысы, — спокойно добавил Барбаула. — Хотел бы я знать, что они там не поделили.

На стену принесся отец Даукус, подхватив свою длинную рясу, путавшуюся в лапах. Он влез между зубцами, глядя вслед нечисти.

— Что там произошло? Неплохо было бы, друзья, хоть и звучит это, конечно, жестоко, неплохо было бы,

если бы эти две нечистые силы перебили друг друга и избавили нас от всяких тревог.

Моди помогла аббату слезть на парпет.

— Отлично было бы, во! А еще неплохо бы от праздновать этот знаменательный момент чем-то этаким... вот слова никак не подберу, во...

— Пиром? — подсказал Даукус.

— Во! Вот она, мудрость отца настоятеля! Именно это слово я и искала.

Рангвал тут же подступил поближе:

— Мы с наслаждением воспользуемся вашим любезным приглашением, многоуважаемый отец настоятель.

Аббат Даукус засмеялся:

— Что ж, почему бы и нет. Орквил, передайте брату Хондрусу, чтобы все приготовил. Командор, где устроим это мероприятие, в Большом зале или в Пещерном?

— Лучше бы на воздухе, отец аббат, — не раздумывая, отозвался Командор. — Все-таки крысы у Рэдволла, надо оставаться поближе к стенам.

Моди предложила свой вариант:

— А чем плохо здесь, на стене? Юго-западный угол, во. Все защитники здесь, остальной личный состав — ну, там, старики, мамыши и детки — внизу, у пруда, а еда посредине, на лестнице.

— Грандиозная идея, мэм. И мы с вами сможем обсудить причины моего внезапного обморока.

Перед Моди возник новый Лог-а-Лог Гуосим Осбил, сверлящий ее взглядом гневно сверкающих глаз. Моди попыталась выпутаться из затруднительного положения при помощи непринужденной болтовни:

— Во, Осбил, старый друг, ты совершенно оправился! Кто бы мог ожидать, такой здоровый парень, и вдруг лишился этого, как его... сознания, во, во...

Осбил судорожно сжал эфес рапиры.

— Именно так, мисс. В следующий раз у вас такой номер не пройдет. В следующий раз вы убедитесь, что мой клинок быстрее, чем ваш кулак.

Обеспокоенный вспышкой эмоций Осбила, Рангвал протиснулся между зайчихой и землеройкой:

— Э-э, парень, ты собираешься угрожать прекрасной даме железом после того, как она спасла тебя и все твоё войско от верной гибели? Ты не видишь, что ты перед ней в долгу неоплатном?

— И опозорила меня перед моим племенем. Хорошенькое начало для нового Лог-а-Лога! Я должен быть благодарен за то, что меня нокаутировали и не дали выполнить сыновний долг, отомстить за смерть отца?!

Зайчиха поняла, что с новым вождем землероек разумно беседовать невозможно. И с видом покорным и пристыженным склонила голову:

— Самые добрые у меня были намерения, но понимаю, что трудно простить мой поступок. Не стала б я осуждать тебя, если б ты обнажил меч свой, о Осбил! Но если есть возможность загладить мою вину, скажи прямо, друг, во.

Осбил ожидал вызова, сопротивления и был застигнут врасплох такой сговорчивостью Моды. Он растерялся, и заминкой тут же воспользовался аббат. Он быстро подхватил лапы обоих и соединил их в пожатии.

— Я считаю, что извинения мисс Моды — большая уступка с ее стороны. Если вы сможете оценить ее шаг

и забыть свой гнев, племя ваше, несомненно, оценит зрелую мудрость своего юного вождя.

Осбил чуть помедлил и сжал лапу Модя:

— Благодарю вас, друг.

Зайчиха чарующе улыбнулась:

— Благодарю тебя, Осбил, за снисходительность к моей наглой выходке. А крысам мы еще отплатим, поверь мне. Старый Лог-а-Лог не только твой отец, он мой друг, он прекрасный вождь. И я с тобой до конца в твоём мщении.

Рангвал разделил их лапы с озабоченным выражением на физиономии.

— Вот и хорошо, вот и отлично, только давайте сначала чуток подкрепимся. Что за месь на пустой желудок.

Грантан Кердли не торопился покинуть укрытие на краю леса, напротив южной стены аббатства. При нем находились дюжина носильщиков и разведчики Ногто и Биклю. Все остальные рванулись в погоню за морской нечистью. Грантан развалился, откинувшись на мягкую моховую кочку, и поглощал куропаточки яйца, обнаруженные разведчиками в высокой траве между лесом и канавой. Время от времени Грантан прикладывался к ведерку с крапивным пивом, вытирая после этого пасть грязной лапой.

Перестав работать челюстями, Грантан взглянул на знахарку Лаггл:

— Зубами ада клянусь, яйца куропатки вкуснее голубиных. Согласна, Лаггл?

— Не знаю, не пробовала. Угостишь — скажу. Смотри, великий, как бы у тебя от такой кучи яиц перья не выросли.

Грантан швырнул в Лаггл горсть осколков скорлупы:

— Много болтаешь! Займись чем-нибудь полезным. Сходи за пивом, к примеру. Ногто, иди-ка сюда, расскажи об этих трусливых недомерках.

Ногто уже рассказал Грантану все, что знал, и не однажды повторил свой рассказ, однако послушно открыл рот и принялся пересказывать затверженный наизусть урок:

— ...Погнали это наши их, и мы с Биклю глянули, чем они там занимались. Они рыли из канавы нору в сторону Рэдволла.

Грантан поковырял в зубах когтем, выплюнул скорлупу.

— И зачем, думаешь ты, им эта нора?

— Должно быть, хотелось им в аббатство, великий,— уже в который раз повторил Ногто. — По этой норе...

И снова Грантан безмерно возмутился:

— Это наше аббатство, наше!!! Какие наглые твари! — Он отхлебнул пива из ведерка, захлебнулся от возмущения, закашлялся, захрипел, захныкал и очень обиделся за это на Виску. — Вот уж Стрингл им за это задаст. Вот бы не всех прикончил, привел бы штук с десяток ко мне, я б с них шкуру с живых содрал и сожрать бы заставил... Эй, что там за шум? Ногто, сбегай посмотри. И поспать толком не дадут, шумят все время...

Ногто отсалютовал и направился выполнять приказание.

Шум, похожий на звуки пения, доносился из юго-западного угла крепости.

Ногто еще не успел вернуться, когда Лагтл с тоской произнесла, вытянув нос в направлении Рэдволла и приплюхиваясь:

— Похоже, они там пируют, великий.

Грантан, старавшийся не обращать внимания на песню, при упоминании о еде оживился.

— Интересно, чем они там обжираются. Ногто, рас- слышал, что они там болтали?

Возвращающийся разведчик принялся перечис- лять блюда:

— Значит... грибной пирог, сыры, пироги да пи- рожки, салаты, пудинги с медом... А-а-а-а!

Грантан схватил Ногто за нос и принялся его вы- кручивать:

— Врун поганый! Ни один зверь такого не ест.

Но Лагтл вступилась за разведчика:

— Он не врёт, великий. Я сама слышала, как они говорили о малиновой наливке. У меня аж слюнки по- текли.

Грантан отпустил нос своего разведчика, повер- нулся к знахарке:

— Значит, ты такая дура, что развесила уши и все- му поверила? Ха-га, пироги да пирожки! Пудинги с медом!.. Гм... А про сваренные вкрутую яйца не болта- ли?

Ногто на всякий случай попятился подальше от Грантана.

— Не-е, великий, ничегошеньки.

Грантан Кердли выплюнул еще кусок скорлупы.

— Тьфу. Видишь... Что за пир без вареных яиц! Ну-ка набери мху помягче, я уши заткну да сосну минутку-другую.

Маггер, помощник и правая рука Виски Длиннозуба, наслаждался сладкой жизнью в лесу и благодушным настроением команды. С судна доставили грог, лес в изобилии снабжал птицей, рыбой, птичьими яйцами, ягодами, фруктами. Маггер не донимал команду придирами, не пугал, не угрожал, как Виска.

Настроение команды давно не было таким веселым. Забыты холодные моря, тяжелая работа на судне, борьба с волнами и ветром. Теплая и ясная погода настраивала на отдых. Никто не жаждал возвращения капитана, который требовал дисциплины, от которого постоянно можно было ждать сумасбродных приказов и несправедливых придинок.

Двое матросов, горноста́й Солтир и хоре́к Рагчин, побрели в лес собирать ягоды. Они почти наполнили мятую шляпу Рагчина и уселись рядом с тропой, рассуждая о том, на что эти ягоды можно употребить. Солтир выбрал три сочные ягодыны — черную, красную и желтую — и принялся их рассматривать.

— Как думаешь, Рагчин, из них грог получится?

— Грог? Не-е, слишком долгая история. Да и вылакают его другие. Можно варенье сварить... Или в пудинг запечь.

Солтир плюнул под ноги:

— Не-е, видал я, как Маггер с пудингом расправляется. — Он кинул ягодыны в рот. — Давай здесь сами с ними справимся, и забот никаких. — И он запустил лапу в шляпу.

Рагчин тут же последовал его примеру. Они торопились опередить друг друга, чавкали, давились, из пастей их капал сок.

Внезапно Солтир замер:

— Что там за шум?

Рагчин поднялся на ноги, прислушался:

— Да, грохот какой-то.

— Гром, что ли? — предположил Солтир.

— При такой-то погоде? — Рагчин взгляделся в южном направлении. — Пыль какая-то. Оттуда и шум.

Они встали рядом, глядясь в клубы пыли, пока наконец не различили в них знакомую фигуру... и еще много-много других фигур.

Рагчин с трудом поверил глазам своим. Он схватил приятеля за жилетку и потянул прочь:

— Это кэп, а за ним туча здоровенных крыс! Рвем отсюда!

Они понеслись в лагерь.

Маггер и команда тоже слышали грохот. Они хмуро прислушивались к шуму, не понимая, откуда он взялся. Тут в лагерь ворвались и без задержки пронеслись мимо Солтир и Рагчин.

— За кэпом гонится несметная стая крыс! Сюда бегут! — крикнул один из них.

Виска и остатки его разгромленной армии летели, не чуя под собой ног. Больше дюжины морских разбойников остались позади, убитые, растоптанные ордой Грантана. Смертельный ужас подгонял морскую нечисть. Сзади, вопя и улюлюкая, гремя костяными браслетами и ожерельями, неслись бурые крысы, потрясали копытами и дубинами.

Виска выпрыгнул из канавы, понесся между стволами деревьев в направлении лагеря. Надежда на спасение — лесной лагерь, Магтер и команда. Добежать до лагеря, организовать отпор. Сзади донесся еще один предсмертный вопль — еще кто-то из его матросов пал от удара дубины или топора. Вот наконец лагерь... Вzbивая лапами горячий пепел кострища, Виска заорал:

— Магтер! Тревога! К обороне! Магтер!

Сознание того, что лагерь оказался оставленным, поразило Виску, как удар молнии. Предатели, трусы! Удрали, бросили любимого капитана! Виска с гулом втянул в грудь воздух и рванул вперед. Подгоняли его ужас и возмущение коварным предательством. Шум преследования отдалился.

Виска осмотрелся. Вокруг чаща, солнечные лучи с трудом пробиваются сквозь листву, лес погружен в зеленоватый полумрак. Хватит нестись, пора остановиться, пока не рухнул в изнеможении... Но надо где-то надежно спрятаться.

Вот оно, укрытие! Громадный старый бук с обширной разветвленной кроной — и вплотную к его стволу прильнул куст волчьей ягоды, зачахший без солнечного света. Куст этот позволил Виске добраться до нижних ветвей дерева. Не зря же он столько сезонов провел на палубе судна, не гнушаясь взбираться на мачты. С ловкостью кошки Виска одолел подъем и отпихнул мертвый куст, рухнувший наземь, к подножию дерева. Забравшись в гущу ветвей и листвы, Виска устроился поудобнее, полагая, что здесь его не найдут. Он расслабился, обмяк, чтобы лучше отдохнуть после бешеной гонки. Ум его, однако, не отдыхал ни мгнове-

ния, лихорадочно перебирал, взвешивал, отбрасывал шансы, возможности, варианты.

Нет, нелегко судьбе одолеть Виску Длиннозуба. Не раз удавалось ему вырвать победу из мертвой хватки неминуемого, казалось бы, поражения.

Уже стемнело, когда бурые крысы прекратили рыскать по лесу в поисках морских разбойников. Они заняли лагерь, устроенный Магтером, оживили костры и принялись поглощать заготовленную пиратами еду. Стрингл сидел, наблюдая, как Тантейл и Диррил варили на костре птичьи яйца, множество которых насобираала нечисть Виски Длиннозуба. Стрингл пребывал в приподнятом настроении.

— Ха-ха, сколько яиц! Голубка, перепелка, куропатка... Старина Кердли порадовался бы. — Тантейл и Диррил в лад кивнули. — Но мы и без Кердли справимся с ними, сами.

Хихикая, как малыши-проказники, они втроем принялись чистить и поглощать яйца. Тантейл обнаружила недопитый бочонок грога.

— О-го-го! Эта штука завьет хвосты колечками!

Вскоре они втроем уже прикончили содержимое бочонка и гоготали над выходками Диррил, голосом и поведением передразнивавшей вождя. Она рыгнула, выставила вперед брюхо и зарычала:

— Эй, вы, там! Заснули, что ли? Давайте еще яиц, не то сейчас получите много порций Кердли!

Стрингл стер с глаз слезы смеха:

— Ха-га, подождет, старая бочка жира, мы здесь переночуем, ребята, в комфорте. А это что еще такое?

Отряд возвратившихся в лагерь крыс тащил на веревке пленника. Им оказался Магтер, с лапами, свя-

занными за спиной, и с веревкой на шее. Начальник отряда Бладж пнул Магтера в спину, и тот растянулся на земле мордой вниз.

— Вот, кэп, изловили одного. Магтер его зовут.

Стрингл поставил ногу на затылок пленного, пригнул его ткнувшись физиономией в грязь.

— Магтер, значит. Что за уродская морда! Слышь, Магтер, как ты думаешь, что нам с тобой сделать, казнить или помиловать?

— Не убивайте меня, сэр, — взмолился Магтер. — От меня никому вреда не будет.

Тантейл пощекотала морду Магтера ножом.

Безвредный, значит, Магтер. Стало быть, бесполезный! Где твой вождь Пискер, как его там?

Магтер подсказал:

— Виска Длиннозуб. Не знаю я, где он.

Стрингл вытащил из костра пылающую головню, резко приблизил ее к морде пленного. Магтер взвизгнул, отпрянул.

— Лучше б тебе сообразить, где Виска Длиннозуб, если жить хочешь. Жив он или мертв?

Магтер лихорадочно обдумывал положение, гадал, чего от него хотят.

— М-может быть, мертвый.

Стрингл взял у Тантейл нож, поднес к горлу Магтера.

— Может быть? Интересно, интересно. Коли-ежели врезать тебе сейчас, ты, может быть, тоже будешь мертвый. Вот вернусь я к Грантану Кердли и скажу ему, что Виска Длиннозуб, может быть, покойник. Мой великий вождь бурых крыс, он хочет, чтобы твой великий вождь подох, и его никакие «может быть» не устроят. Ему надо, чтобы Виска был мертвее, чем ля-

гушка, замерзшая зимой и расплюснутая в лепешку упавшим деревом. И поэтому я спрашиваю тебя еще раз: Виска — покойник?

Теперь Магтеру полностью раскрылся замысел Стрингла.

— Покойник, покойник! — с жаром закричал он.

Стрингл улыбнулся и погладил Магтера по голове:

— Ну и молодец, добрый Магтер. Скажи это снова, да не забудь, что Виску твоего убил я.

Какое было дело Магтеру до правды, если речь шла о его жизни!

— Да, да, Виска умер, и ты убил его!

Стрингл помахал ножом перед носом у Магтера.

— Лучше не бывает. Теперь этого не забудь, и будешь жить долго и счастливо.

Горас открыл глаза, когда бурые крысы гнались за Виской. Чувствовал он себя до странности спокойно. Рядом с его кроватью сидела крошка кротиха и внимательно на него смотрела бусинками глаз. Горас слегка приподнял голову и улыбнулся ей:

— Привет, маленькая мисс. Как вас зовут? Кротиха спрыгнула с табуретки, прикрыла лицо передничком и понеслась прочь.

— Хур-хур-хур-хур, я Добул, сэр, я бегу к Сестарте, хур-хур-хур-хур...

Горас тотчас услышал ее крики за дверью:

— Сестарта, Сестарта, большой сэр барсук проснулся! Быстрее, быстрее!

Горас сел. Сначала он ощутил головокружение, но после первого же вдоха это ощущение прошло. Он не имел представления, что это за комната, но понимал,

что где-то в аббатстве. Давно ли он здесь? Тут же в коридоре раздались торопливые шаги. И через мгновение в его комнате оказалось множество народу. Сестра Атрата поспешила к нему. Горас сидел неподвижно, не мешая осмотру.

— Слава сезонам, лихорадка прошла, — сообщила сестра, не обращаясь ни к кому в отдельности. — Как вы себя чувствуете, Горас?

Горас тронул шрам на лбу и тихо проговорил:

— Чувствую голод, сестра.

Рангвал еле слышно пробормотал Моди:

— Голодный, слышала? Ты глянь, какого он размера! Да он за день съест столько, сколько я за сезон осилю.

Но какой-то причине это замечание белки развешило Гораса, он улыбнулся.

Аббат Даукус заметил, как приятно рэдловльцам видеть улыбку на физиономии барсука. Он подтолкнул Орквила:

— Веди своего друга и расскажи ему, сколь удачный сегодня день для утоления его голода.

Орквил схватил громадную лапу барсука:

— У нас сегодня пир, Горас, идем. Сможешь идти?

Горасу дружно помогли подняться и сделать первый шаг. Больше помощи не потребовалось.

— Я с удовольствием присоединюсь к пирующим, если никому не причиню неудобств, — произнес барсук.

Командор похлопал его по лапе:

— Неудобства? Ха-ха-ха! Конечно нет, дружище!

В окружении радостных рэдловльцев Горас вышел наружу, к вечернему солнцу прекрасного летнего дня.

Моди и Орквил повели его к столам, установленным на траве между прудом аббатства и южной стеной.

Барбаула крикнул с парапета стены:

— Ведите нашего крупного друга сюда, наверх, если он лестницу осилит; внизу малышня не даст ему спокойно и куска проглотить.

Малыши уже окружили барсука, суетились и резвились вокруг него, ползали у ног и даже принялись на него карабкаться. Кротоначальник Берф и матушка Гранпик Нибло едва успевали оттаскивать их от Гораса.

Наверху его и вправду ждал радушный прием. Гораса усадили на верхней ступени, Бенджо Типпс сразу же поставил перед ним бочонок наилучшего Октябрьского эля. Тут же подоспел брат Хондрус с подносом, заполненным пирогами и пирожками.

— Очень советую вот этот, с грибочками и зеленым лучком. Хлебушек сырный, тепленький, летний супчик овощной; с картошкой, луком, морковкой пирог... Кушайте на здоровье, большой сэр.

К Горасу присоединились Орквил и Моды. Позволив барсуку утолить первый голод, они рассказали ему о встрече Виски Длиннозуба и его команды с бурыми крысами.

Горас забеспокоился:

— Надеюсь, Длиннозуб далеко не сбежит. Я должен с ним посчитаться.

Орквил подул на горячий пирожок.

— Сначала надо как следует поправиться, друг, а потом уже сводить счета с врагами. А Длиннозуб вряд ли уйдет от аббатства, уж очень это для него лакомый кусок.

Праздник продолжался до вечера. Резвилась молодежь, в ласковых лучах закатного солнца нежились старики. Звери пели, плясали, играли, веселились. В сумерках, после очередного похода на кухню, Моды вернулась на стену и уселась рядом с братом Хондрусом, тут же выдавшим ей стакан земляничной шипучки. Моды глянула на верхнюю ступень лестницы, туда, где раньше сидел Горас.

— А где наш большой приятель?

Орквил только пожал плечами, но шкипер кивнул в сторону аббатства:

— Сказал, что хочет отдохнуть. Пошел в свою палату.

— Отдых ему сейчас жизненно необходим, — тут же добавила сестра Атрата. — Орквил, вы с мисс Моды можете навестить своего друга. Кстати, он может и заблудиться в аббатстве с непривычки.

Рангвал, с довольным видом потирая живот, присоединился к Моды и Орквилу:

— Полезно размять ноги после столь обильного приема пищи.

Орквил пощекотал выпирающее пузо белки:

— Перестарался? Запасся на сезон вперед? Смотри не лопни.

Рангвал неодобрительно поглядел на ежа:

— Нет, вы только послушайте это юное создание! Чего доброго, он мне еще и добавки пожалеет, когда вернемся.

Когда стемнело, на стенах зажгли фонари. Внизу, на травке, разожгли костер, жарили прошлогодние каштаны, которые Марджа Даббидж хранила в колокольной башне. Командор, Барбаула и Качуч уносили

свалившихся от усталости детей в спальни. На лестнице их чуть не сшибли несущиеся вниз Моды, Орквил и Рангвал.

— Куда спешите, друзья? — поинтересовался Командор.

— Гораса ищем, его нет в лечебнице, — озабоченно бросила Моды.

Барбаула пожал плечами:

— Ночь теплая, может, он предпочел вздремнуть на воздухе. В саду, у пруда...

— Зачем ему тогда Тунг, его вилы? Вилы он взял с собой. Беспокоюсь я, — волновался Орквил.

— Ай-яй, больно, больно, пусти!

Бенджо Типпс впихнул в дверь старого знакомого Орквила, береговую полевку. Еж крепко сжимал в лапе ухо «водяного».

Командор строго глянул на обоих:

— Бенджо, ты... Что еще вытворил этот прохоиди-мец?

— Похоже, пытался удрать через северную калитку. Там я его и застукал.

«Водяной» с головой, перевязанной после падения со стены, извивался, пытаясь освободить ухо, и стонал:

— Больно, отпусти! Ты мою рану беспокоишь.

Бенджо как будто не замечал его жалоб:

— Если ты не скажешь, что ты замыслил, я тебе вообще ухо оторву.

«Водяной» разразился новым потоком стенаний и причитаний, между которыми ухитрился вставить и дельный ответ.

Он рассказал, что направлялся в лечебницу, сменить повязку на голове, но наткнулся на барсука. Барсук с вилами произвел на него ошеломляющее впе-

чатление. Ему с перепуту показалось даже, что большой зверь его тут же проглотит.

Орквил, не изменивший отношения к своему знакомцу, нахмурился:

— Если ты не расскажешь о Горасе, я тебя убью собственными лапами. Говори быстро.

Повиснув на лапе Бенджо, чтобы уху стало легче, полевка продолжила рассказ:

— Полосатый сказал, что ему надо разобраться с лисом. Он взял меня с собой к северным воротам, сказал, чтобы я помалкивал и никому не болтал, велел запереть за собой. Я так и сделал. А что мне оставалось? А тут этот толстопузый ежище, со своими лапашами... Ай-й-й-й! Пус... Пусти!

— А ну-ка скажи мне, толстомордый, кто здесь толстопузый ежище? Я такого рядом не вижу. Командор, ты не замечал?

Командор задумчиво почесал хвост.

— Не-е, не заметил. Да и нет у нас такого. Есть у нас солидный, крупный, внушительный и очень симпатичный хранитель погребов.

Тупоумием «водяной» отнюдь не страдал.

— Ай! Отпусти, пожалуйста, крупный-солидный-симпатичный, пусти, ай!

Бенджо, презрительно скривив губы, оттолкнул от себя полевку:

— Ты у нас в аббатстве загостился. Давай-ка, чтобы тебя здесь не застала, убирайся прочь. Утром застану — скину со стены. Убирайся!

«Водяной» удалился, и Командор повернулся к Модии:

— Похоже, мисс, что друг ваш барсук и вправду покинул аббатство, и ничего тут не поделаешь.

— Почему?

— Лес кишмя кишит бурой нечистью, где-то бродит нечисть морская, слишком опасное время для поисков.

Моди смирила его гордым взглядом:

— Я на это отвечу одним-однюсеньким коротеньким словечком, сэр.

— Каким же?

— Да плевать мне на всю клятую нечисть, лесную и морскую, адские врата ее сожри, во, во!

— То есть как? — уставился на нее Командор.

— А вот как! — Рангвал выхватил из-за пояса все свои четыре кинжала и принялся ими ловко жонглировать. — Это значит, что отважная зайчиха, проявляя чудеса героизма, решила отправиться на поиски нашего очень большого и не менее дурного друга. И надеюсь, не откажется от моей скромной поддержки в этом благородном мероприятии.

— Горас — мой друг. Я с вами, мисс Моды, — твердо заявил Орквил.

Командор тяжело вздохнул:

— Что ж, я отряжу с вами добровольцев. Барбаула, ты, конечно, тоже?

— Ни в коем случае, — решительно возразила Моды. — Вам здесь для защиты аббатства каждая голова и лапа в зачет. Вдруг нечисть атакует?

Подошедший чуть раньше аббат Даукус согласился с Моды:

— Она права, Командор. Кроме того, маленький отряд может иной раз добиться большего, чем армия. Когда вы собираетесь выступить?

Рангвал сунул кинжалы на место.

— Чем скорее, тем лучше. Лучше всего — сейчас же. Шум пира, знаете ли, тишина в лесу... Очень благоприятствует.

— Что ж... Захватите походный паек, выберите оружие... Хотя оружия-то у нас в аббатстве немного. Да сопутствует вам удача! пожелал аббат и обратился к Моди: — Моди, если отыщете Гораса, пригласите его к нам, чтобы хоть как следует попрощаться, перед тем как вы отправитесь в Саламандастрон.

Моди почтительно поклонилась аббату:

— С удовольствием, отец настоятель. — И она повернулась к спутникам: — Ну, дорогие сэры, шевелим конечностями, во!

Аббат проводил их в кухню, где проворная старая кротиха быстро собрала три походных мешка продовольствия. Моди предпочитала обходиться без оружия, Рангвал решил ограничиться своими кинжалами, а Орквил по-прежнему владел ножом и дубиной жадной полевки. И троица отправилась к выходу. Проходя через Большой зал, Орквил приблизился к нише с гобеленом Мартина.

— Он, наверное, хочет проститься с нашим покровителем, — прошептал аббат.

Зайчиха тут же последовала за ежом:

— Неплохая идея, во. Мартин Воитель — знаменитый воин, надо его уважать.

Тут в зале раздался тревожный крик Орквила, отразившийся от высоких сводов.

— Что случилось, Орквил? — отозвался Рангвал.

Юный еж уже возвращался, таща за собою безжизненное тело сестры Атраты. Аббат быстро шагнул ему навстречу, согнулся над целительницей:

— Не может быть! Серьезная рана на затылке. Возможно, ее толкнули и она стукнулась о колонну.

Моди присела рядом с телом:

— Но кто и зачем? Она никого не обижала, во. Всех лечила.

— Меч Мартина исчез! — гневно вскрикнул Орквил. — Глядите, меча нет! Все ясно. Это все та же гнусная полевка. Сестра застала вора, и он ее ударил.

Моди подняла взгляд туда, где обычно висел меч Мартина, под портретом великого воина.

— Великие сезоны, ты прав, приятель. Бенджо его выгнал, он пришел сюда, прихватил меч и удрал.

Рангвал повернулся к двери:

— Что ж, далеко удрать он не мог. Мы его догоним.

Рангвал выскочил за дверь, Моди устремилась за ним. Орквил, перед тем как направиться к выходу, задержался перед гобеленом с изображением Мартина.

— Сэр Мартин,— стальным голосом произнес юный еж, — я верну ваш меч в Рэдволл, и я заставлю вора заплатить за преступление. Обещаю это.

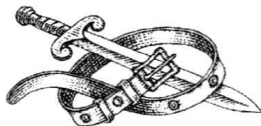
Орквил Принк поклонился портрету и вышел.

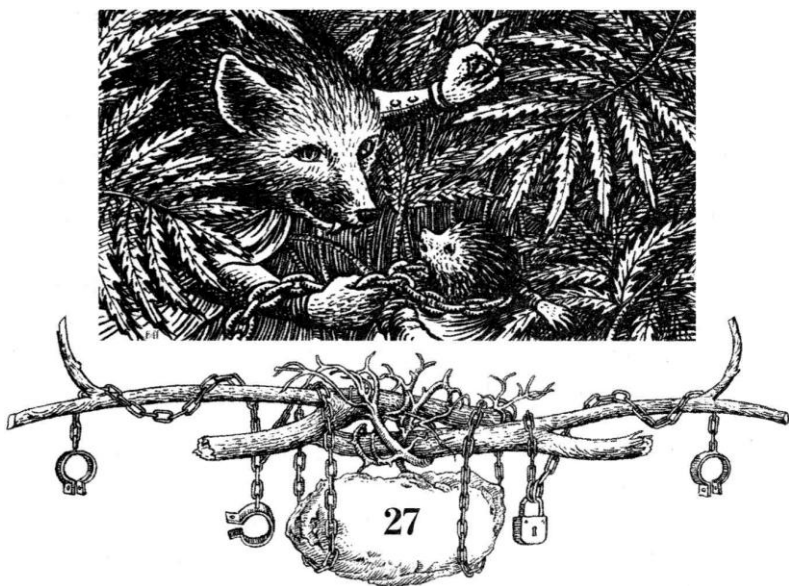
Аббат Даукус кликнул зверей на помощь, отнести Атрату в лечебницу.

— Ничего, ничего, она поправится.

Он повернулся к изображению Мартина:

— Не беспокойся, друг. Орквил Принк сдержит обещание.

Наступило утро. Над Лесом Цветущих Мхов всходило солнце. На траве сверкали капельки росы, трепетали, как мелкие хрустальные подвески. В лесу и над деревьями распевали птицы. В зелени травы наливались соком ягоды. Утренняя роскошь природы, однако, не трогала Пламенного Гораса, идущего тропой мстителя. Кровь древних воинов бежала в его жилах, он чувствовал себя полностью обновленным, прошло недомогание, не оставив и следа. Сжимая в лапах свои вилы, инструмент крестьянина и грозное оружие воина, барсук неслышно скользил сквозь заросли.

Помощник Виски Длиннозуба куница Маггер обжился среди своих мучителей. Щеголявшие дикой раскраской бурые крысы внушали ему ужас. Ночь

Маггер провел, привязанный к вбитому и землю шесту. Он валялся на земле, не зная, чего еще ожидать от немилостивой судьбы кроме пинков и зуботычин.

Допив грог, Стрингл сидел над Маггером и грыз изловленную в ближнем ручье форель. Как будто вдруг заметив пленника, он подмигнул ему:

— Не скучай, приятель, скоро двинемся в путь-дорожку. Ты, должно быть, проголодался. Хочешь этого? — Он поднес недоеденную рыбину и носу Маггера.

— Хочу, сэр, — пробормотал Маггер.

Стрингл размахнулся и влепил ему по физиономии рыбьей мордой. Он загоготал.

— Эй, Бладж! — крикнул он своему соседу. — Этот бедный зверь еще не завтракал. Ты у нас главный по провизии, что ж ты его не покормишь?

Бладж хитро прищурился, схватил Маггера за морду и подтянул к себе поближе:

— Извини, дружище, я совсем замотался, забыл о тебе. А ты, бедняга, не ел, не пил, конечно, проголодался. Вот я тебе сейчас дам. — Он размахнулся второй лапой и влепил Маггеру по уху. — И еще дам. Или хватит? Может, блюдо сменить? Палку, например, подать, по заднице или по ребрам поддать?

Маггер еле шевелил языком:

— Нет, сор, спасибо, достаточно.

Бладж отпустил морду Маггера:

— Он говорит, что уже наелся, кэп.

Стрингл печально покачал головой:

— Просто беда с этими пленными. Я всегда их так балую... Так ведь, Маггер? Ты ведь у нас Маггер?

Маггер усердно затряс головой, не желая вызвать и тени неудовольствия у своего мучителя.

Стрингл отвязал веревку Магтера от шеста, передал ее Бладжу:

— Двигаем, Магтер. Сейчас тебе великое счастье предстоит. Дядю Кердли увидишь.

Крысы прогулочным шагом двинулись из лагеря, как вдруг их остановил леденящий душу вопль. Все замерли. Бладж неуверенно озирался:

— Что за напасть, во имя адских врат...

— Ты меня спрашиваешь? — напустился на него Стрингл. — Пойди да посмотри.

Бладжа, казалось, крик этот и его источник более не интересовали.

— Я?

Стрингл угрожающе пошевелил копьём.

— Ты, ты. Поживей!

Стрингла перебил новый вопль, страшнее предыдущего. Сразу за этим воплем из чащи донесся не менее громкий боевой клич:

— Еулалиа-а-а-а-а!

Из зарослей вылетело два крысиных трупа, шмякнулось в траву. И сразу же снова раздался воинственный возглас:

— Еулалиа-а-а-а-а!

Крысиное воинство мгновенно развернулось и исчезло в чаще. Стрингл в нерешительности постоял мгновение.

— Но мы же не знаем, кто...

— Еулалиа-а-а-а-а-а!

Стрингл бросился догонять свое войско.

Брошенный на произвол судьбы Магтер рванулся вверх по стволу ближайшего дерева и затаился в его листве. Он увидел, как из зарослей появился Горас, как прошел по следам бежавших крыс, скаля острые зубы,

сверкая налитыми кровью боевого бешенства глазами. Магтер не отваживался дышать, боялся шевельнуться, пока громадный зверь, вооруженный вилами, не скрылся в чаще. Магтер соскользнул с дерева и понесся в противоположном направлении.

*

Подальше от края леса в это время с дерева спустилось еще одно живое существо. Виска Длиннозуб заметил пробирающихся сквозь чащу членов экипажа «Кравявой кешки». Они пригибались, оглядывались и шептались, боясь привлечь внимание бурых крыс. Занимались они поисками пищи. Виска подкрался поближе, затаился за толстым стволом упавшего дерева, подсматривал и подслушивал.

Ферти и Джанго отрыли какие-то съедобные корни. Впрочем, они не были уверены, можно ли их есть.

— Нормальные корешки, разве нет? — вопрошал Ферти.

— Ф-фу, воняют гадостно.

Хорь Рагчин напустился на Джанго:

— Эй, не ешь! Тащи в общую кучу.

Джанго обиделся:

— Я и не ел, а только нюхал. А ты кто такой, капитан, что ли? Тоже мне, начальник.

Рагчин смастерил себе копьё из палки и сломанного ножа. Он небрежно оперся на свое оружие.

— Капитанов больше нет, а Глурма сказала, что я старший. Давайте уже возвращаться, отнесем это все Глурме, а она сварит.

И зверье направилось дальше своим маршрутом. Виска тихонько последовал сзади. Он не хотел показываться, не выяснив обстановку.

Отличный погожий денек, на радость бродягам и путешественникам. Один из них, особенно собой довольный, заметил в траве сороку с подбитым крылом. Путешественник прикончил сороку одним ударом меча Мартина, собрал сухой мох, сухие веточки и ветки, ударил кремнем по благородной стали меча. Запылал огонь, насаженная на прут сорока затрепала над костерком обгорающими перьями.

Путешественника этого не интересовала славная история меча. Для него эта штука лишь подходящая замена кинжала, который похитил колючий негодяй Орквил. Да, конечно, красивая вещица, острейший клинок, точнейший баланс и, конечно, неплохое средство, чтобы отпугнуть возможных злоумышленников. Он расшуровал мечом огонь, использовал в качестве кочерги оружие, выкованное из прилетевшего от звезд метеорита.

Запыхавшийся Маггер засел в зарослях папоротника, восстанавливая дыхание. Тут ветерок донес до него запах жженных перьев. Он принюхался: вонь перьев и запах мяса доносились из-за невысокого холмика.

Путешественник вытащил птицу из огня, мечом счистил спекшуюся корку горелых перьев.

Сверху донесся презрительный возглас:

— Ха, волосатая мышь!

Он задрал голову вверх. Над ним — оскаленная в ухмылке морда Маггера, а еще выше, над Маггером, висит в воздухе здоровенный бульжник. Больше ничего несчастный путешественник разглядеть не успел.

Бульжник покати́лся вниз, одним ударом прикончив береговую полевку.

Довольный Маггер небрежно отодвинул труп ногой, уселся на освободившееся место и принялся дожаривать сороку.

— Хорошая птица должна хорошо прожариться.

Вонзив зубы в птицу, Маггер заскрипел остатками перьев и пнул бездыханную полевку.

— Плохой повар, плохо поджарил мне птицу.

От удара тело полевки перевернулось, открыв взгляду Маггера меч. Разжав застывшие в смертной хватке лапы покойника, Маггер забрал у него оружие и ахнул. Он тут же принялся протирать лезвие о свою жилетку.

— Адским пламенем... Красота-то какая... неописуемая... — Маггер тут же забыл о птице, о голоде. Он вскочил, размахивая клинком. — О-го-го, кто против меня? Прочь с дороги, дрожи, шушера! Хо-го-го, настоящее оружие для капитана!

Он бросился в папоротники, круша их, словно головы врагов. Затем остановился, поднял меч к губам, поцеловал клинок, рукоять:

— Ха-ха, царь лесов, властелин морей, повелитель всего-всего...

Удивившись приливу красноречия, Маггер уселся, любовно глядя на новое приобретение.

— Хм, я даже вроде поумнел, заполучив такое чудо!

В разоренном лагере Рангвал полез в мешок за походным рационом и обратился к товарищам:

— Давайте-ка, ребята, перекусим, отдохнем да полюбуемся на эти следы. Орквил, осторожнее, пострайся ничего не нарушить.

Моди и Орквил подошли к белке-разбойнику, на ходу развязывая мешки. За несколько часов скитаний они сильно проголодались.

Моди жевала лепешку и оглядывалась с недовольным видом:

— Во, в такой толчее сложно разобраться. Бесы демонов тут куролесли, не иначе, во.

Орквил отхлебнул сливки и указал на обширный след, выделяющийся из остальных:

— Это Горас, в направлении канавы след. Остальные все мелочь.

— Бурые крысы, — бросил Рангвал. — Насмотрелся я на эти следы за свою жизнь. Но большие следы поверх всех остальных. Надеюсь, ясно, что это значит?

Лепешка исчезла во рту Моди.

— Это значит, что Горас гнал нечисть. По тому, сколько пыли-грязи они подняли, видно, что неслись во весь дух и нашего барсука вовсе не желали видеть.

Рангвал вытащил из мешка яблоко.

— Почему бы это?

Моди в деланом недоумении пожала плечами:

— Кто знает, приятель. Мне никогда не казалось, что Горас любит нечисть. Должно быть, чем-то его крысы рассердили, во.

Орквил хмыкнул:

— Рассердили... Глянь, как они ломились сквозь кусты. Горасом владела Жажда Крови, так я понимаю. И бурые это почуяли на расстоянии.

Рангвал смачно хрумкнул яблоком.

— Ммм... Жажда Крови... Слышал что-то. Она сводит барсуков с ума?

— Очень на то похоже, во. А расслаживаться-то хватит! Давайте-ка пойдем по следу. Есть другие мнения?

Другое мнение высказал Орквил:

— Вы, ребята, идите, а мне нужно сначала найти меч Мартина, то есть сначала отыскать след вора-полевки.

Моди указала на след Гораса:

— А как же мой большой барсук?

Рангвал предложил разумный план:

— Послушай, Моди, дорогая. Мы знаем, куда направился барсук. Он гонит крыс. Они бегут к своему хозяину Кердли, а Кердли расселся возле аббатства. Давай поможем юному Орквилу в поисках полевки воровки. А Горас от нас не уйдет, как и Кердли никуда не денется.

Моди задумалась.

— Ладно, — вздохнула она. — Но только помни, Орквил, как только меч найдем, ты мой должник, во.

— Конечно, мэм. Разумеется, о чем речь! А теперь — пошли?

Они направились на север, полагая, что «водяной», конечно же, направится к воде, к реке Мох. Растянулись в цепь, чтобы осмотреть площадь побольше. И вот Рангвал нашел след чуть-чуть в стороне от остальных.

— О, я великий следопыт! Вот, гляньте, его лапки. А вот царапина в земле от острия меча. А вой там, смотрите, отметина на стволе рябины. Проверял, остра ли кромка.

Моди вырвалась вперед.

— Ух ты, дьяволы и демоны, кровь и перья! Птицу убил. Сороку. О-о-о! Чуете? Жжеными перьями воняет. Жарит, разбойник! Теперь тихо, ушки на макушку, во! Пошли дальше.

Рангвал, считавший себя знатным следопытом-наставником, показал Орквилу на небольшой холмик:

— Дым оттуда поднимается. Может, он все еще там.

Моди рванулась вперед.

— Рангвал, давай прямо через холм! Орквил, заходи слева! Я справа, во! Кричу «еулалиа-а-а!» — атакуем. Расходимся!

В расположении нового лагеря, разбитого под ивами, на берегу, унылые разбойники сидели группками и ожидании возвращения кормильцев.

Глурма, старая корабельная крыса-повариха, при появлении Рагчина и его команды подняла взгляд от котла:

— Скажите мне, что вы принесли рыбу и птицу, и не рассказывайте, что не нашли ничего, кроме жалких корешков.

Рагчин сердито сплюнул:

— Что смогли, то и нашли, нету там ничего, весь лес распугали.

Глурма мрачно свалила добычу в котел. Поднявшийся оттуда пар заставил ее сморщить нос.

— Ф-фу! Черемша! Ну и вонища!

— Не нравится — не ешь. Я что угодно сожру, заявил изголодавшийся Джанго.

Раздался грохот. Пронесшийся на волосок от носа Глурмы кистень врезался и котел и опрокинул его. Зашипели угли угаснувшего костра, клубами повалил

пар. Виска Длиннозуб прошагал к котлу среди остолбеневших разбойников и подхватил свое оружие.

— Что, думали, я умер?

Глурма захихикала:

— Я знала, что ты вернешься, кэп, и сохранила тебе команду.

Все остальные отмалчивались.

Виска накиннул цепь кистеня на шею Рагчина и подтянул его к себе:

— Я оставил старшим Магтера. Где он?

— Нету. Нету, кэп. Как появились бурые, так мы его больше и не видели.

Виска оскалил зубы:

— Не видели. И ты решил, что ты теперь главный. Нравится?

— Нет, нет, кэп, ты главный, как можно!

Виска собирался что-то сказать, но тут издалека раздался приглушенный расстоянием крик Моды:

— Еулалиа-а-а-а!

Виска выпустил Рагчина.

— Недалеко шумят. За мной, ребята. И ни полсловечка!

— Орквил, друг мой, похоже, еще кого-то заинтересовал меч Мартина, — изрек Рангвал, задумчиво рассматривая труп полевки.

Моды наступила на камень, оборвавший жизнь знакомого Орквила.

— Что ж, страдать ему долго не пришлось, во. Надо выяснить, кто это сделал.

Орквил деятельно метался вокруг места убийства, всматривался в землю, в траву, в кусты.

— Ага, кажется, нашел. Какая-то нечисть. — Орквил вышел к папоротникам и согнулся над ними. — Точно, рубил папоротник направо и налево. А зачем?

Из папоротников выскочил златолис. мгновенно накинул на шею Орквилу цепь своего кистеня и сжал.

— Одно движение — и я сломаю ему шею! — крикнул он Модю и Рангвалу.

Зайчиха и белка замерли.

— Повредишь хоть иголку на его голове — и я тебя убью.

Виска сжал рукоять кистеня.

— Не в твоём положении распоряжаться, кролик. Эй, команда!

Рангвал обернулся на шум. Из-за холма вывалилась толпа нечисти.

— Ничего не поделаешь, Модю. Эту партию мы проиграли.

Горас глядел в небо, на ночные звезды, усыпавшие безоблачное небо. Многие мерцали, подмигивали, другие светили ровно и уверенно. Дед показывал ему звезды северного неба, холодные как лед. Здесь звезды совсем другие, теплые, и парят они в теплом темном небе Леса Цветущих Мхов.

Что делает он здесь, вжавшись в выемку между тремя холмиками? Вслед за этой мыслью он почувствовал, как новая звезда взорвалась в его черепе. После вспышки сознание Гораса окуталось мглой. Потом слышались отдаленные голоса... Нет, не отдаленные, а приглушенные. Один голос молодой, нежный:

— Но, Табура, он слишком большой и сильный, чтобы вдруг, ни с того ни с сего, потерять сознание.

Второй голос хриплый, стариковский, рокошет, как отдаленный летний гром:

— А ты взгляни на лоб, на шрам. Весьма свежая рана. Опасная для зверя, одержимого заклятием Жажды Крови. Он не может управлять своим гневом, гнев захватывает его и гонит. Хорошо, что нашли его мы, а не какая-нибудь нечисть. Дай ему немного воды, Саликса, глоток-другой, не больше.

Горас не подавал виду, что пришел в себя, и лежал неподвижно. Саликса приподняла его голову, поднесла к губам раковину с водой. Вода оказалась сладковатой и холодной. Горас медленно поднялся, огляделся. Приступ боли застал его вблизи аббатства, к западу от него, на вершине одного из холмов, оживляющих равнину.

Два барсука молча смотрели на него. Старый передал барсучихе мягкий домотканый плащ, она накинула его на плечи Гораса.

— Огня мы не разводили, поблизости нечисть.

Горас нащупал на боку свои вилы и решил представиться:

— Это Тунг. Я Горас. Я никого не боюсь!

Старый кивнул:

— Вижу, Горас, что не ведаешь страха. Мы путешествуем с этой девой, по имени Саликса. Мое имя Табура.

Глаза Гораса расширились.

— Табура? — имя это Горасу уже приходилось произносить.

Старик еле слышно хмыкнул:

— Откуда столь молодому зверю известно имя Табура?

— Бабушка часто вспоминала. Когда дедушке удавалось ее переспорить, она каждый раз ворчала: «Ну, ты у нас чисто Табура!» Или если я их спра-

шивал, а они не знали ответа, то тоже говорили: «Вот придет Табура, у него и спросишь».

Саликса подала ракушку с водой Табуре, он чуть смочил губы и продолжил:

— Мы во многом разные, Горас, ты и я. Мы похожи и не похожи друг на друга. Было когда-то много барсуков, которых называли Табурами. Они посвящали жизнь миру, умножению знаний. И были воины, одержимые Жаждой Крови. Когда размножилась в мире нечисть, понадобилось много воинов и намного меньше ученых. Был у меня брат, как и ты, обуянный Жаждой Крови. Многие сезоны назад видел я его в последний раз. Может быть, кости воина уже давно побелели под солнцем... Однако вернемся к нашим дням. Поведай мне, что привело тебя сюда?

Горас почувствовал доверие к старому барсуку. Он рассказал все о себе, о своей жизни. Горас говорил, а взгляд его то и дело перебегал к Саликсе. Она все время молчала, и даже очертания ее терялись в темноте, однако Горас чувствовал ее доброжелательность. Табура слушал с закрытыми глазами, не перебивая. Даже когда Горас закончил рассказ, Табура некоторое время не открывал глаз, оставался бездвижным.

— Скажи мне, Горас, примешь ли ты мою помощь? Вижу я, что тебе еще многое нужно узнать, многому научиться. Табура мог бы стать твоей опорой. Поразмысли, а утром дашь ответ.

Горас не знал других барсуков, кроме своих деда и бабки. Конечно же, его сразу потянуло к родственникам, хоть и очень дальним.

— Табура, — ответил он, — ты ко мне очень добр. Помощь твоя весьма кстати. Говори, что мне делать.

Старый барсук едва заметно улыбнулся:

— Мы с Саликсой собираемся посетить аббатство Рэдволл. Много я слышал об этом месте. Ты уже знаком с жителями аббатства и мог бы нас представить.

Горас поднялся, показывая на темный силуэт на востоке.

— Конечно, буду рад. Сейчас же и пойдем, тем более что идти недалеко. Уверен, что они нам обрадуются.

Табура вытянул вперед лапу:

— Дай мне твое оружие, я буду на него опираться, как на посох. Саликса, иди с Горасом вперед, я за вами, без спешки.

Они спокойно пошли через равнину, Табура чуть позади. Горасу показалось, что тот не хотел мешать более юным. Саликса, однако, шла молча, и Горас решил проявить инициативу:

— Вы с Табурой родственники? Он твой дед?

Барсучиха нагнулась, сорвала мелкий цветок, понюхала его:

— Скабиоза. Говорят, от сыпи помогает. Мне цветочек нравится, особенно сиреневый. Нет, Табура мне не родня, но он добр и мудр, он мне вместо отца. Учит меня целительству. Я выучила множество растений, даже древесную кору и корни.

Горас принял от нее цветок.

— Как вы познакомились?

Саликса обернулась, убедилась, что старик не слышит.

— Я знаю только то, что он мне сказал. Я тогда была слишком мала. Осталась сиротой, без родственников. Как-то Табура столкнулся с мелкой шайкой бродяг. Они звали меня полосатой собакой и держали на веревке. Табура дал мне имя Саликса. Так называется ива на древнем наречии. Он сказал, что я стройная, как побег ивы.

Горас кивнул:

Спасибо ему. Знаю я, каково все время слышать: «полосатый пес, полосатая собака». А бродяги?

— Я спрашивала его. Но он не ответил и попросил больше об этом не заговаривать. Потому что он отослал их туда, где они не смогут больше причинить вреда ни одному живому существу.

На этот раз Горас повернул голову к Табуре. Станным ему казалось, что такой спокойный, кроткий барсук мог кого-нибудь уничтожить. Саликса сорвала еще какое-то растение:

— Горечавка полевая. Цветочек маленький, синенький, звездочкой. Отвар хорошо лечит раны.

В этот момент Горас понял, почему так поступил кроткий Табура. Он почувствовал, что и сам поступил бы так же со всяким, кто попытался бы причинить вред этому нежному созданию.

Осбил и его землеройки заметили со стены приближение незнакомцев.

— Эй, кто идет, друг или враг, остановись, назовись! — крикнул Осбил.

— Лог-а-Лог Осбил! Здесь Горас, со мной двое друзей.

Осбил, разумеется, обрадовался, услышав свой новый титул из уст барсука. Он тут же отправил

двух землероек встречать Гораса и его товарищей. Сам он подождал, пока путники подойдут поближе, и полушепотом предложил им пройти к северной калитке, так как с юга разбит лагерь бурых крыс.

У дверей Большого зала Гораса и его друзей радушно встретил сам аббат:

— Горас! Рад видеть. Прошу вас и ваших друзей, входите, входите. К сожалению, добрыми новостями порадовать не могу, однако проходите сразу в кухню. Брат Хондрус поприветствует вас ужином, а там и побеседуем.

Им подали овощной суп со свежими пирожками в похрустывающей корочке. Горас представил своих друзей. Услышав имя старого барсука, аббат поднял брови:

— Очень рад, сэр. Ученым известно, что титул Табура носят лишь мудрейшие из мудрых барсуков. Для нас большая честь приветствовать вас в аббатстве. Позвольте узнать, что вас к нам привело?

Табура вежливо поклонился аббату.

— Ученым вообще мало что известно. Вам, однако, отец настоятель, очень много известно об истории и традициях барсуков. А среди причин, приведших меня под ваш гостеприимный кров, не последнее место занимает желание отведать великолепной кулинарии брата повара.

Хондрус заулыбался и поклонился.

Старый барсук сжал лапу аббата.

— С первого взгляда на вас, отец настоятель, я понял, что на ваши плечи давит куда более серьезный груз проблем, нежели мои. Поэтому давайте сначала обсудим то, что мучит вас, подумаем, что предпринять в сложившейся ситуации.

Аббат принялся рассказывать о напастях, свалившихся на аббатство, а Горас смотрел на Саликсу. Его очаровало это стройное, нежное создание. Казалось, она лучилась покоем и добротой, смотрела на мир с любовью ко всему живому. Горас даже про ужин забыл.

Посторонний наблюдатель мог бы подумать, что Табура заснул. Он смежил веки, дыхание его затихло, на окончание рассказа не реагировал ни движением. Все хранили почтительное молчание, пока старец наконец не открыл глаза.

— Уже поздно. У иных из вас и дела неотложные... Отдыхайте, занимайтесь своими делами, а я посижу здесь, поразмышляю.

Командор забеспокоился:

— Но вам тоже нужен отдых, сэр. В таком почтенном возрасте...

Старый барсук покачал головой:

— Тело и разум мои повинуются дисциплине. Беда к вам нагрянула. Гибель друга, пропажа драгоценного меча, орды нечисти под стенами аббатства, — что в сравнении с этим заботы старого барсука? Идите, идите, оставьте меня.

Аббат Дакус, однако, проводил Табуру в Пещерный зал.

— Располагайтесь в этом удобном кресле у очага. Я позабочусь, чтобы вас не беспокоили. Кстати, если не секрет, какие мысли тревожат вас?

Табура потрепал лапу аббата, хрипло хохотнул:

— Мысли о моей воспитаннице Саликсе да о молодом Горасе. Заметили, как он на нее смотрел и как она на него поглядывала? Солнце и луна, бу-

шующее пламя и тихое озеро. Судьбы их сплетены, я вижу это и стараюсь уберечь от невзгод.

Аббат вспомнил пару молодых барсуков, их взгляды. Он улыбнулся:

— Воистину вы мудрейший из мудрейших, дорогой Табура.

Табура одарил аббата одной из редких своих улыбок:

— Спокойной ночи, отец настоятель. Встретимся, когда солнце взойдет.

Моди, Рангвал и Орквил свисали с нижней ветви платана, подвешенные за лапы. Кончиками когтей лап они едва доставали до земли. Рядом дежурили четыре охранника: два горностая, куница и жирный хорек. Почему-то их не били, над ними не издевались. Виска и его нечисть расположились на полянке, не обращая внимания на пленных.

Орквил виновато пробормотал:

— Простите, ребята, это из-за меня.

Рангвал подмигнул ему:

— Брось, приятель, не мучай себя попусту. С кем такого не бывает... Правда, Моды, дорогая?

Зайчиха глянула вверх, на свои связанные лапы.

— Что верно, то верно, друг. Я этого трижды клятого лиса вовсе не заметила. Экий, дьявол его поберет, проныра, во!

Орквил не мог подавить дрожь в голосе:

— Они небось выдумывают сейчас для нас страшные пытки.

Рангвал скрипнул зубами:

— Ух, показал бы я им, не будь я здесь подвешен, как белье на просушку.

Моди с ним согласилась:

— Твари трусливые. Не будь я привязана, я б им сейчас наломала костей...

Рангвал повернул голову к Моди:

— Давай их маленько подразним.

Орквил озадачился:

— Как?

Рангвал подергался, разминая затекшие конечности.

— Ты послушай — и поймешь. Моди, дорогая, не желаете ли открыть бал?

Моди повысила голос, чтобы было слышно всем, и начала:

— Они оставят нас здесь висеть до старости, потому что боятся нас, во!

Один из стражников поднялся и направился к Моди:

— Заткнись, кролик! Кишки выпущу!

Моди сделала замысловатый кульбит, и стражник отлетел кувырком, получив мощный удар лапой в горло.

— Ха-ха! — подключился Рангвал. — Видели такого идиота? Подходи, следующий! Давайте, быстренько в очередь, по одному подходить, не толпиться!

Несколько разбойников Виски встали, лапы их потянулись к оружию.

— Сидеть! — рявкнул Виска.— Не мешать! Я мыслю.

— Но они нас оскорбляют, кэп! Нельзя им этого разрешать.

Виска пригнулся к Ферти и отвесил ему оплеуху:

— Тебя, дурака, ничем не оскорбишь. Заткнись!

Нечисть опустилась на место, мрачно вслушиваясь в буйные выкрики пленников.

Приободрившийся Орквил подключился к двоим своим друзьям:

— О-го-го! Я ростом невелик, но норовом ужасен! Налетай все разом, раскр-р-рошу!

Взбешенный Виска схватил кусок веревки и затянул на конце узел.

— Они мне нужны живыми, но шкуру-то им можно и попортить. Сейчас они заговорят по-другому.

Тут к Виске подскочил горноста́й Пятая Нога. Он как раз стоял в карауле.

— Капитан, с тобой там говорить желают.

— Кто еще? — Лис продолжал заниматься веревкой, украшать ее узлами.

— Маггер, — прошептал горноста́й.

Виска сжал веревку, глаза его сузились. Он тут же снова расслабился, помахал веревкой.

— Старый приятель Маггер. Я-то полагал, что он давно покойник. Что ж, давай его сюда, коль он жив и здоров.

Пятая Нога понесся за Маггером, а Виска сидел и улыбался от уха до уха.

Пленники утомонились. Никто, казалось, не обращал на них внимания. Да и шайка притихла в ожидании нового развлечения.

— Во-во-во-во-во! — вдруг забеспокоилась Моды. — Посмотрите, что творится!

На поляну нерешительно ступил Маггер. Все взгляды сразу же направились на волшебный меч в его лапах. Он приблизился к Виске, кивнул ему:

— Привет, кэп.

Златолис поднялся, оставив кистень на земле; небрежно помахивая веревкой, приблизился к своему бывшему помощнику и радушно его приветствовал:

— Привет, Маггер, привет. Рад тебя видеть. Присядь, перекуси. У нас немного угощения, но чем богаты, тем и рады.

Маггер неуверенно косился по сторонам, не садясь, про угощение как будто не слышал. Лапы его ни на мгновение не выпускали меч.

— Ты на меня не злишься, кэп?

Виска изумился:

— Злиться на тебя? Да за что, друг?

— Когда бурые напали, меня в лагере не было, я в лесу жратву собирал, — соврал Маггер. — Вернулся — все пусто, вас нет. — Он избегал встречаться взглядом с капитаном, глядел в землю, постоянно шаркая то одной лапой, то другой.

Виска наслаждался неуверенностью Маггера. Он спросил легким, непринужденным тоном:

— Ну и что ты потом делал, где ты добыл этот прекрасный ножик?

Одна ложь влечет другую, и Маггер продолжил вранье:

— Я его добыл у большой бурой крысы.

Команда молча наблюдала. Виска прицелкнул языком:

— Прямо так взял и отнял?

— Нет, кэп. Случилось это так: я увидел четырех крыс, спящих вокруг костра. Меч торчал рядом, воткнутый в землю. Ну, они спали, а я подкрался, меч схватил и всех четырех порубил. И пошел вас искать.

Виска медленно двинулся к Магтеру, не сводя взгляда с меча. Магтер почуял опасность, опустил лапу и положил ее на рукоять. Виска остановился в шаге от него и печально покачал головой:

— Нехорошо, Магтер, нехорошо. Я оставил кистень, вон он лежит, на земле. Что я могу против меча, невооруженный, вот, только веревки кусок. Оставь себе меч, ты его заслужил. Ты убил им четырех бурых крыс! Правда, ребята? Заслужил?

Все послушно закивали, не совсем понимая игру капитана, да и не стараясь в ней разобраться.

Магтер снял лапу с рукояти, оглянулся на команду. Тут же из глаз его брызнули искры. Веревка хлестнула по глазам, Магтер с воплем свалился, а Виска снова и снова изо всех сил хлестал его по глазам, по носу, по щекам, пока не понял, что с Магтером покончено.

Меч, вытащенный Виской из-за пояса Магтера, разрезал пояс и рубаху несчастного. Тяжело дыша, лис стоял над поверженной куницей.

— Предатель! Оборотень! Ты удрал, как только почувял опасность! Бросил меня, бросил команду. А теперь вернулся и врешь напропалую. Виска такой дурак, чтобы поверить твоей брехне! Кто теперь дурак?

Виска схватил Магтера за ухо, вздернул его голову, занес меч. Команда затаила дыхание. Мгновение — и капитан уже поднял отрубленную голову. Очередное предупреждение всем.

Видите? Магтер больше не будет врать. Мне дезертиры и предатели не нужны. Все запомнили?

Рангвал и Моди молча наблюдали этот кровавый спектакль. Моди зашептала:

— Главное, пусть Орквил молчит, что это за меч. Незачем им знать, во.

— Верно, верно, — сразу согласился Рангвал. — Но, знаешь, хорошо, что у лиса этого меча не было, когда мы затеяли игру в дразнилки. У него бы лапы зачесались меч на нас испробовать.

— Похоже, еще не все потеряно, — вразумила его Моди. — Он, похоже, к нам направился и меч не забыл, во.

— Вижу. Черт, а я так привязался к своей голове...

Виска остановился рядом, поднял меч до уровня глаз пленников:

— Это не бурых оружие. Скажите-ка мне, где вы видели эту штуку.

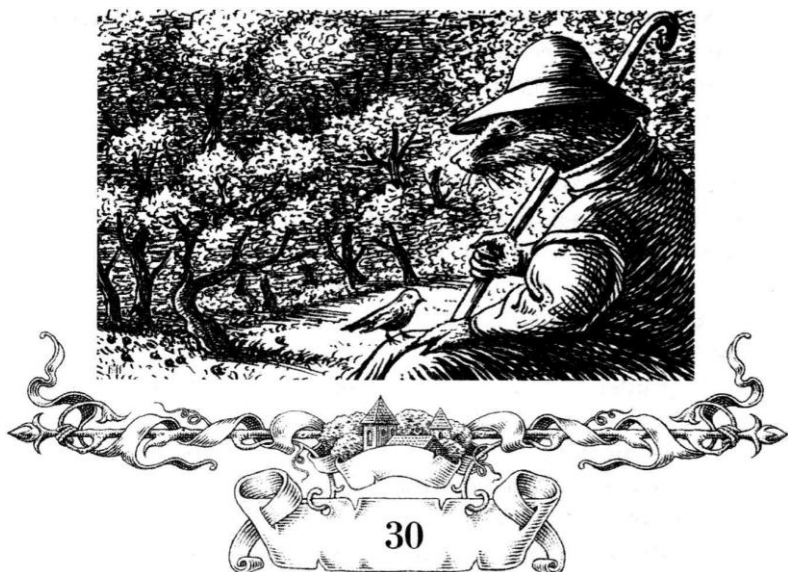
Моди открыла рот, и клинок приблизился к ее горлу.

— Где видели? Боюсь, нигде не видели, сэр. Но, позвольте заметить, оно как раз для вас создано. Прекрасно смотрите с этим мечом, сезонами клянусь, во.

Виска оглядел пленников, занес меч над головой — и ударил.

— Ы-ыххх!

Мягкие облака окутали зарю, и новый день засиял нежным, матовым жемчужным светом. Табура сидел в саду, наедине с утром. В воздухе ни движения, замерли листья на деревьях, травинки... К барсуку подлетел птенец малиновки, уселся на складку домотканого одеяния Табуры.

Тут, однако, невдалеке раздались голоса, и малиновка улетела. По просьбе Табуры Саликса пригласила в сад Гораса, аббата Даукуса, Лог-а-Лога Осбила, Командора Рорка, Барбаулу, Кротоначалышка Верфа и Бенджо Типпса. Пришедшие расселись вокруг опрокинутой тачки, на которой восседал старый барсук. Брат Хондрус с двумя помощниками притащили тележку с завтраком.

Табура отказался от предложенной овсянки:

— Спасибо, пока не нужно. Я позавтракаю после того, как выскажусь. А вы подкрепляйтесь, пожа-

луйста. Прекрасно кашка выглядит, оставьте мне немного.

Все получили свои миски, и Табура заговорил:

— Горас, начнем с тебя. По справедливости убийцы твоей родни должны поплатиться за свои преступления. Значит, ты должен искать лиса. Я знаю, что ты будешь преследовать его, если понадобится, вплоть до Темных Лесов. Но, друг мой, главной твоей заботой должен оставаться не лис, а ты сам. Ты должен себя бояться, ибо Жажда Крови может стать твоей смертью. Иди, но прежде пообещай мне исполнить одно мое желание.

Молодой барсук сжал вилы, нахмурился. Шрам на лбу его запылал ярче огня.

— Табура, я должен повиноваться такому мудрецу, как ты. Каково твое желание?

Мудрец повернулся к молодой барсучихе:

— Если Саликса тоже желает того, возьми ее с собой. Пусть она сопровождает тебя.

Горас растерялся.

— Но... Как? — только и смог вымолвить он.

Табура все еще смотрел на Саликсу.

— Саликса, если я попрошу тебя сопровождать Гораса, ты согласишься?

Саликса подошла к Горасу:

— Да, ибо мы оба желаем этого.

Табура улыбнулся им и закрыл глаза.

— Идите, и да будет судьба к вам благосклонна. С согласия отца настоятеля я пока останусь в аббатстве. Ведь Рэдволл лишился целительницы.

Аббат Даукус сжал лапы Гораса и Саликсы:

— Восхвалим мудрость Табуры. Брат Хондрус, прошу, позаботьтесь о припасах в дорогу. Жаль, вы

провели в аббатстве так мало времени! Мы желаем вам всего наилучшего. Будьте добры друг к другу, помните, дружба — самый ценный дар, который одно существо может предложить другому.

Барсуки безмолвно удалились в сопровождении брата Хондруса. Когда они ушли, Табура открыл глаза. После краткой паузы Командор озабоченно покачал головой:

— Горас парень хороший, но вот Жажда Крови..., Опасная это штука. Не хотел бы я, чтобы моя дочь пустилась в путь вместе с таким одержимым.

Старый барсук смотрел туда, где только что стояла ушедшая пара.

— Саликса мне не дочь, но я заботился о ней так же, как отец заботится о дочери. А эти двое нужны друг другу.

Бенджо Типпс поскреб иголки на голове:

— А вдруг на Гораса найдет его боевое бешенство, что тогда сможет сделать Саликса?

Табура сунул лапу в поясной кошель и достал из него мелкий гладкий камушек.

— Скажи мне, друг, что это?

Бенджо не успел ничего ответить, как Кротоначальник уже объяснил присутствующим:

— Хурр, галечка, камушек гладенький, гранитный. Так?

Все закивали. Старый барсук внимательно посмотрел на гальку.

— Верно. Простой камушек из ручья. Много-много сезонов назад, может быть, когда еще живых существ на свете не было, от какой-то гранитной скалы откололся острый, бесформенный кусок. Без

резца и молота он превратился в гладкий, закругленный камушек. Вода ручья сделала это.

Командор кивнул:

— Понимаю, дева смягчит острые углы характера Гораса. Но воде на обработку камня понадобится уйма времени.

Аббат Даукус ответил вместо Табуры:

— Верно, друг, но Горас и Саликса не камень и вода. И им не понадобятся бессчетные сезоны, поверь мне.

Табура кивнул:

— Хорошо сказано, отец настоятель. Однажды и вас назовут Табурой.

— Ну что вы, — скромно улыбнулся аббат.

Табура принял от Кротона начальника кружку мятного чаю.

Жизнь покажет. А теперь — что вы знаете о бурых крысах и об их вожде?

Барбаула ответил не задумываясь:

— Этих подлых крыс — несметное количество, а Грантан Кердли — самый жирный, злобный и жадный из них. Сначала ему захотелось отобрать у Гуосим лодки, а потом он на аббатство глаз положил.

— Но здесь он просчитался, — с жаром добавил аббат. — Нас ему не одолеть.

Командор хлопнул хвостом о пол:

— Рэдволл он получит только через наши трупы. Мы будем сражаться до последнего.

Осбил схватился за рапиру:

— Если он хочет войны, он ее получит!

— Итак, Грантан Кердли — невежественное животное, и признает он только грубую силу, — подытожил Табура, переждав всплеск всеобщего правед-

ного возмущения. Он осушил кружку и повернулся к брату Хондрусу. — Приятный чаек, очень приятный. Можно еще кружечку? — И обратился к аббату: — Отец настоятель, вы, разумеется, согласитесь, что война — последнее, к чему прибегнет разумное создание. Война сеет смерть и разрушения.

— Разумеется, друг мой, — вздохнул аббат. — Но разве у нас есть выбор? С нечистью, к сожалению, трудно спорить без оружия.

Табура принялся за вторую кружку чаю.

— И это верно. Но вот что я думаю. Они враги не только нам, но и друг другу. Следует проявить терпение и дождаться, пока армии златолиса и Кердли столкнутся. А они непременно столкнутся. И надеюсь, уничтожат друг друга.

*

Грантан Кердли в своем лагере тоже предавался размышлениям. Он пытался для себя решить, что же вкуснее — вареные яйца или мелкая жареная форель. Но его отвлек топот множества лап. Он уже начал привыкать к этому топоту. Сначала морские разбойники гнались за бурыми крысами, затем бурые крысы гнали морскую нечисть. В этот раз снова топала его орда, неслась с дикой скоростью с севера на юг.

Грантан Кердли недовольно крякнул, выплюнул очередную рыбешку в старуху Лаггл, однако резвая старая ведьма ловко увильнула от знака высочайшего недовольства. Вождь свирепо уставился на нее:

— Чем ты меня кормишь? На кой пень мне рыба? Рыба дрянь, в ней кости, острые, колются. У рыбы шкура... чешуя... И эти... скользкие такие... — Он

поддел когтем следующую рыбешку, уставился на нее с отвращением. — Бррр! У рыбы глаза. Ты ешь ее, а она подсматривает.

Грантан схватил ближайшего подданного и залепил ему рыбиной по физиономии.

— Я люблю яйца! Я люблю яйца! — внушал он почтительно замершему бурокрысу.

— Ясное дело, великий! Яйца куда как вкуснее! — с энтузиазмом поддержал вождя избиваемый.

Грантан запустил рыбиной в Лагтл, снова промазал. Он вытер лапы о голову побитого бурокрыса и отшвырнул его в сторону.

— Дур-рак! — припечатал он презрительно. — Яйца без костей и чешуек. Если их как следует чистить, конечно. И не подглядывают. Глаз у них нет.

К нему подошел запыхавшийся Стрингл.

— Явился, не запылится, — презрительно проронил вождь, смерив взглядом покрытого густым слоем пыли капитана. — И кто ж вас ко мне пригнал? Сколько их было? Два десятка, десять десятков или одна-единственная сварливая оса? Рассказывай свою сказку.

Стрингл вытянулся по струнке, прикинув на глазок безопасное расстояние от лапы вождя.

— Мы гнали морских бандитов, великий, как ты нас учил, великий. Они от нас сыпались, как ошпаренные лягушки. Так, ребяташки? — повернулся он к жавшимся сзади бурым воинам. Те откликнулись согласным гулом. — Мы ворвались в их лагерь и всех перебили.

— Всех до единого? — уточнил Грантан.

Стрингл попытался выглядеть очень храбрым и очень честным:

— Ну, не совсем всех. Только немножко не всех, Совсем чуточку. Пара-другая жалких трусов ускользнула. Но главное дело мы сделали. Они теперь тебе хлопот не причинят, о великий.

Грантан не доверял хорошим вестям.

— А их главный? Куда он делся?

— Мы схватили его! — выпалил Стрингл.

Грантан выковырял между зубов рыбью кость.

— Так давай его сюда.

Стрингл чуть попятился, собираясь перейти к менее славной части своего правдивого повествования.

— Тут вот и случилась закавыка такая... Мы его собирались доставить, как положено упаковали, честь честью. И тут, откуда ни возьмись, выскочил бешеный здоровенный зверь, ростом с дерево, сам полосатый, глазища красные, страсть. Тычет куда ни попадя громадными вилами и вопит.

— Что вопит?

— Еле... Елавайо-о-о-о-о-о!

— Ела — как?.. Еловая у тебя башка, Стрингл. Ну-ка спой еще.

Стрингл сделал еще шаг назад, запрокинул голову, поднес лапы ко рту рупором и завопил что было силы:

— Й-йелавай-лио-о-о-о-о-о-о!

— Гм... Поешь-то ты неплохо. И что бы это значило?

Стрингл развел лапами, и кто-то из его армии, подурнее, подал голос, желая выручить начальство:

— Боевой вопль, должно быть.

— Ага, боевой... И какого росту тот... полосатый? — обратился Грантан к незадачливому выскочке.

— Здоровенный, и вилы здоровенные.

— Здоровенный... Больше, чем я? — Этот вопрос Грантан адресовал всей своей шайке.

Кому ж неизвестно, что нет зверя сильнее и страшнее, чем их вождь.

Все в страхе молчали. Пришлось Стринглу спасать положение:

— Не-е, великий, ты самый великий... как же можно, чтобы больше... Грантан Кердли — самый великий зверь, это всем известно.

Грантан выпятил необъятное брюхо и гордо обозрел его.

— Значит, полосатый не больше меня. Такой же?

Стрингл помотал головой, чувствуя, что попал в ловушку.

— Нет, великий, не такой.

— С какого перепугу вы тогда от него понеслись? Возвращайтесь, найдите его, принесите мне его вилы, его голову, шкуру, кости — что-нибудь принесите. Убейте, короче говоря.

Малейшее возражение — расплата неминуема. И Стрингл вновь возглавил шествие своего войска по пыльной канаве.

Аббат Даукус не уставал благословлять судьбу, пославшую ему мудрого Табуру. Даже самые строптивые малыши вели себя пристойно в его присутствии. Вот и сейчас мудрец сидел возле пруда, окруженный малышами и взрослыми, которые ловили каждое слово старика. Он подобрал с травы позднее яблоко, легким движением сильных лап разломил его на две половинки. Поднес одну половинку к носу, вдохнул аромат плода.

— Аромат тихой ранней осени... — задумчиво протянул Табура.

Малыши дружно принялись тыкаться носами и другую половинку.

— А каков вкус, друзья! У каждого сорта яблок разный, а столь приятен он... Попробуйте.

Он улыбнулся, глядя, как малыши принялись откусывать — теперь уже от обеих протянутых им половинок, — оживленно делясь впечатлениями.

— Ммм... вкуснотища...

— Бу-урр, нравится, сэрр...

Табура отдал малышам обе половинки.

— Наш славный брат Хондрус и его помощники сделают из этих яблок множество вкуснейших вещей: компоты, кисели, пироги, салаты, запекут с медом и пряностями. И каждое блюдо порадует новым, неповторимым вкусом. Но если вы проголодаетесь, то лучший способ насладиться осенним яблоком... знаете какой?

— Ху-урр... Какой, сэрр?

— Просто возьмите яблоко, ломоть свежего хлеба и кусок зрелого сыра да откусывайте от них поочередно. Яблоко, хлеб и сыр.

Аббат Даукус закивал:

— Верное наблюдение, мудрый Табура. Я и сам так частенько поступаю. Несравненный вкус!

— Вот и отец настоятель подтверждает, что простые удовольствия превосходят всяческие изыски изощренного вкуса. Ничто лучше не утолит жажду, чем простая вода из ручья, ничто не насыщает лучше, чем простая, здоровая пища.

Гранпик Нибло поднялась, расправила передник.

— Клянусь желудком, мудрый сэр, я от ваших речей проголодалась. Эти яблоки осенние еще не совсем дозрели, но у брата Хондруса в кладовке еще прошлогодних много. Да и сыру с хлебом хватит. Малыши, кто со мной?

Малыши зашумели и гурьбой потянулись за матушкой Нибло. Как только они удалились, к пруду подбежал стражник Гуосим и обратился к стоявшему возле Табуры Осбилу:

— Лог-а-Лог, со стены замечена нечисть!

Осбил быстро поднялся на стену.

— Вон, вылезают из канавы на тропу. Бурые...

Стрингл гнал свое воинство в лес.

— Что бы они собирались делать?.. — гадал страж.

Осбил скрипнул зубами:

— Не знаю, что они собираются делать, и знать не хочу, а мы собираемся кинуться на них, как пчелы на мед. Наш шанс. Ригрил, Тигл, сбор Гуосим! Все оружие, и тихо, как щука в ночном пруду.

Узнав о намерении Осбила, Табура, аббат и Командор поспешили к северной калитке. Гуосим уже собрались здесь, Осбил распекал несколько запоздавших.

Даукус попытался воззвать к здравому смыслу:

— Лог-а-Лог, взвесьте обстоятельства трезво. У вас недостаточно сил, чтобы противостоять бурым крысам.

Осбил холодно улыбнулся:

— Мы не собираемся атаковать в лоб, отец настоятель. Мы устроим засаду.

Барбаула положил лапу на плечо Осбила:

— Мы с Качуч начали странствие с вами, и мы не оставим вас и сейчас. Остальные выдры нашей семьи останутся защищать аббатство под руководством Командора.

Осбил крепко пожал лапу выдры:

— Спасибо, друг.

Табура еще раз призвал Осбила одуматься:

— Ваши друзья дают вам разумный совет. Вы затеяли очень опасное предприятие.

Осбил положил лапу на засов стальных воротец.

— Но это именно то, что я обязан сейчас предпринять. У меня на поясе клинок отца. Отец убит бурыми крысами. Я теперь Лог-а-Лог, после моего отца. Закон Гуосим гласит, что Лог-а-Лог должен быть отомщен. Мы спели Песнь Клинка, а убийцы разгуливают под небом. Это позор для Гуосим.

Старый барсук сжал лапу молодого Лог-а-Лога. Он толкнул воротца, распахнул их.

— Понимаю тебя, мой юный друг. Иди, взыщи с убийц цену крови отца. Изгони позор и живи с честью. Но не теряй бдительности, не дай врагу зайти сзади. Да сопутствует тебе удача!

Осбил отсалютовал рапирой:

— И да не оставит вас мудрость еще долгие сезоны, сэр.

И войско Осбила выступило в путь.

БИТВА
НА ПЛАТО

КНИГА
ТРЕТЪЯ

Меч Мартина Воителя свистнул над головами Моды, Рангвала и Орквила, рассек все веревки разом. Рухнувших наземь пленников мгновенно окружили пираты.

Виска раздавал приказания:

— Срубить этот сук. Примотать их за шеи и лапы...

Ветвь быстро срубили, пленников привязали.

— Что, думали, вам конец? — деловито поинтересовался Виска.

Моди снизошла до ответа:

— Подобная мысль промелькнула в моем цепком уме. Рангвал, друг, этот господин несколько облегчил нашу судьбу, не так ли?

— Не спорю, не спорю, — проворчал Рангвал. — От такой прожженной бестии можно ожидать самого неожиданного.

Теперь они стояли плечом к плечу, объединенные срубленной веткой.

— Разговорчивые, значит, — ухмыльнулся лис. — Послушаем ваши разговоры чуть позже. Сейчас прогуляемся к аббатству, навестим ваших друзей. Может, в гости пригласят, ворота откроют. А не откроют, я вас там же, перед воротами, изжарю заживо. Или шкуры сниму. — Он взмахнул мечом и заорал команде: — Идем в аббатство! В канаву не лазить, идти лесом. Марш!

Орквилу приходилось туго. Он почти все время шел на цыпочках, несмотря на то что друзья его пригибались, чтобы облегчить его участь. Его, конечно, предупредили, чтобы он не выдал своего знакомства с мечом Мартина, но он все равно не мог оторвать взгляда от чудесного клинка.

— Надо во что бы то ни стало вернуть меч Мартина, — шептал он Моду.

Внимательно глядя под ноги, зайчиха попыталась урезонить молодого ежа:

— Конечно, конечно, но только не торопи событий. Пока помалкивай и не привлекай к себе внимания, не верти башкой, во. Этот сойкин сын увлечен мечом, как новой игрушкой, не терпится ему на ком-нибудь его испробовать. Выждем, а там видно будет, во.

Немного южнее два барсука опустились на выступ скалы. Саликса вынула флягу лопуховки, передала ее Горасу:

— Есть хочешь?

Горас казался чем-то озабоченным. Он сделал глоток, вернул флягу, кивнув, но от еды отказался. От-

вернулся, вглядываясь в тропу, по которой они вышли к скалам. Пламенная отметина на лбу его стала ярче, налилась кровью. Саликса с беспокойством смотрела на своего попугайчика.

— Рана беспокоит тебя, Горас? Я могу набрать травок, сделаем примочку.

Горас слегка улыбнулся:

— Спасибо, Саликса, я едва о ней вспоминаю. Иногда слегка зудит, но вполне терпимо.

— Ты беспокоишься из-за меня? Может быть, я тебе мешаю?

— Нет-нет. — Горас нежно пожал ее лапу. — Наоборот, мне никогда еще не было так легко и хорошо, как сейчас, в твоём присутствии. Но я обнаружил, что за нами следят. Не смотри туда, куда я смотрю. Просто держи мою лапу и иди со мной.

— И куда мы пойдем? За нами все еще следят?

Он кивнул, делая вид, что они мило болтают:

— Мы взберемся на эту горюшку по уступам, на самый верх. Я заметил, кто за нами следит. Бурые крысы. И очень много, кусты шевелятся, как живые. Но сверху мы от них отобьемся, от любой орды.

Он посадил Саликсу.

— Горас, тебя не охватит Жажда Крови?

Горас легко поставил барсучиху на следующий уступ.

— Я уже чувствую, как она клокочет во мне. Но я не позволю ей вырваться наружу. Если со мной что-то случится, ты останешься одна.

— Табура дал тебе мудрый совет, Горас.

— О, Табура — сама мудрость. Жаль, что я с ним не встретился раньше. И с тобой... Ну, немного осталось.

Еще уступ... Надо поторапливаться, они сейчас нагрянут.

И действительно, из кустов вылетели несколько камней и стрел, застучали по камню. Стрингл, засев в кустах, двинул своих крыс в атаку. Над лесом разнесся боевой клич бурых крыс:

— Кердли! Кердли! Бей! Дави! Й-йи-ха-а-а-а-а!

Вот они наверху.

— Голову береги, Саликса, глаза защищай от камней.

Саликса, однако, не собиралась отсиживаться в прикрытии. Она смотала с талии пращу и тут же начала отстреливаться. Камней разного размера на плато оказалось предостаточно, да и крысы поневоле снабжали боеприпасами из своих пращей. Горас хорошо проверил обрывистые края и убедился, что удобной дороги наверх нет.

Стрингл не жаждал боя с барсуком, тем более что теперь их уже двое. Барсучиха, правда, намного меньше своего спутника, однако в сравнении с крысой... да что там говорить! Еще и это бешенство крови...

Однако, увидев, что барсуки, не принимая боя, кинулись наутек, трусливо полезли на каменную стену, Стрингл приободрился. Из кустов, правда, на всякий случай не вылез, но орать стал энергичнее и постарался ввести себя в раж, как он наблюдал у Гранта-на.

— Й-йи-ха-а-а-а-а-а! Достаньте их с камушков и давайте сюда! У меня уже готовы два копы для барсучьих голов! Вперед, ребята! Вперед!

Бладж, ведущий крыс в атаку, вдруг схватился за морду, завернул назад, понесся в кусты. Атака закончилась, едва начавшись.

Стрингл встретил его с обнаженным кинжалом:

— Куда? Так ты атакуешь? Назад, жалкий червяк!

Бладж держался лапой за окровавленную щеку.

— Видал? Два зуба камнем из пращи вышибло. Я еще и червяк... Сам расселся тут, вместо того чтобы войско возглавить...

Стрингл тут же очень красноречиво утвердил свой командирский авторитет. Он ударил Бладжа рукоятью кинжала в зубы и, брызжа слюной в его физиономию, заорал:

— Вот тебе два зуба с другой стороны! Я здесь главный, и не смей со мной так разговаривать! Подумаешь, холмик не одолеть. Ах, барсучиха камушки швыряет! — Он стукнул Бладжа рукоятью еще и по носу. — Ну-ка дуй обратно, не то я твою голову на копье насажу! Покажите этим полосатым, кто здесь хозяин. Нас хватит, чтоб их обоих сожрать без остатку.

Крысы карабкались по откосу, и Горас подбежал к краю, с валуном, поднятым над головой. Бладж снова занял место во главе крыс и повел их в атаку. Крысы уже одолели две трети склона.

— Еулалиа-а-а-а! — заорал Горас.

Валун сразу смел Бладжа и еще двух крыс справа и слева от него и поскакал вниз, сметая новых и новых. Тела сбитых крыс смахивали напиравших снизу. Крысы запаниковали, бросились наутек.

Саликса, выпустив из пращи очередной камень, внимательно посмотрела на Гораса:

— Пламенный Горас, как самочувствие?

Барсук смотрел вниз, наблюдая за бегством крыс.

— Справляюсь. Я все время твержу себе, что я Табура. Похож я на мудреца, Саликса?

— В голосе твоём столько мудрости, что мне показалось, что я слышу самого Табуру, — без тени улыбки сказала Саликса.

Горас сдул с лап пыль.

— Вот и отлично.

И он зашпешил за следующим валуном.

Виска Длиннозуб вслушивался в отдаленный шум. Вот-вот должна была вернуться разведка — Пятая Нога и Заплата. А вот и они. Бегут, спешат, тычут лапами назад.

— Ох и шум там, кэп! — возбужденно вскрикнул Заплата.

Виска сдержал растущее раздражение:

— Слышу. Что за шум?

Пятая Нога почесал брюхо.

— Думаю, дерутся, должно быть.

Виска воткнул свой чудесный меч в землю, схватил каждого горностая за одно ухо и стукнул их головами.

— Он думает... Мыслитель! Да тебе нечем думать, в башке пусто. Разведчики! Шерсть подхвостная вы, а не разведчики! — Он швырнул скаутов наземь и схватился за меч. — В строй, придурки! Посмотрим, что там за шум. Лапы на оружие, глаза разуть, из ушей пыль вытряхнуть! Всем говорю!

Рангвал горячо зашептал на ухо Моды:

— А вот, похоже, и наш шанс.

Как будто услышав, Виска покосился на пленников:

— А вы, голубчики, никуда не денетесь. Раглат, Солтир, Андрил! Останетесь охранять этих. Привяжите их к дереву да следите хорошенько. И не слушайте, что они болтают.

Он повел команду за собой.

Моди прикинула шансы на спасение. Раглат — мрачная куница, ударившая ее копьём. Солтир — толстый, неряшливый горностай. Андрил — молодая куница с хитрой мордой.

Орквил пробормотал, обращаясь к друзьям:

— Как думаете, справимся?

— В два счета, — бодро ответил Рангвал. — С этими рохлями-то... Вот только веревки...

Солтир, овладевший тремя из четырех кинжалов Рангвала, вытащил один из них и погрозил пленникам:

— Языки отрежу. Заткните пасти!

Раглат толкнул его в бок:

— Давай привяжем их сук вон к тем дубкам, между ними.

Так они и поступили.

— Разрешите обратиться, сэр, — заискивающим тоном попросила Моди.

— Чего тебе, кролик? — любопытствовал Солтир.

Моди улыбнулась:

— Ну, глоток воды, конечно... Однако не будете ли вы столь любезны несколько ослабить веревки. Очень, знаете ли, неудобно, во...

Раглат отпихнул Солтира, размахнулся и ударил Моди по физиономии:

— Ма-а-а-алчать! Еще слово, и ты покойник, кролик. Слышь меня?

Зайчиха обмякла, голова склонилась, уперлась в ветвь, уши повисли. Вместо нее ответил Рангвал:

— Осмелюсь доложить, сэр, не слышит. Вы ее изволили оглушить.

Раглат приосанился, стукнул себя лапой в грудь.

— И тебя оглушу! — пообещал он. — И мышь колючую. Пикните только еще!

Нечисть отошла чуть в сторонку и занялась устройством костра. Им не терпелось поджарить какие-то корешки.

Ветвь слегка всколыхнулась. Орквил подался в сторону Моды:

— Моди, ты в порядке?

Моди и не собиралась терять сознание, в ее планы входило только умело притвориться.

— Спасибо, я в порядке, — пробормотала она, не поднимая головы. — Пора приступить к действиям, ребята.

Рангвал усмехнулся:

— Конечно, я так и знал. Куда этой хилой нечисти вышибить дух из нашей Моды! Слушаем тебя, дорогая, каков твой гениальный план?

Моди, все в том же обвисшем положении, рассказала, что задумала:

— Я сейчас повисла, чтобы проверить прочность нашей ветки. Похоже, мы сможем ее сломать. Сдвиньтесь поближе, чтобы мы стали вроде трех горошин в стручке, во. Тут наш шанс.

— А что потом? — прошептал Орквил.

— Молчи, не перебивай старших, — слегка пихнул его Рангвал. — Слушаем внимательно, о дева дорогая.

— Теперь упритесь в ветку мордами, держите ее крепко. Я сосчитаю до трех, и на счет «три» мы друж-

но подпрыгнем и обрушимся на ветку, когда полетим вниз. Кажется, эта клятая деревяшка сломается от нашего общего веса.

— А если, прошу прощения за вопрос, не сломается? — спросил Рангвал.

— Еще раз прыгнем, и еще, и еще, — с жаром зашептал Орквил, которого уже охватило возбуждение. — А потом что, Моды?

— Потом вы хватаете по половине ветки и лупите этими палками нечисть. Рангвал, тебе горностаи, Орквил, ты займешься куницей поменьше. Раглат мой, у меня с ним личные счета. Готовы? Поехали: раз, два... три!

Нечисть услышала треск и увидела, как пленники снова взлетели в воздух. Раглат схватился за копьё, прыгнул вперед:

— Эй, вы, шушера, что такое?

Остальные двое устремились за ним. Еще треск, Моды закричала:

— Идет, идет, еще разок, ребята, во! Раз, два, три!

Ветвь раскололась точно по центру. Трое пленников рухнули наземь, тут же вскочили, лихорадочно срывая с себя веревки и вооружаясь половинками ветки. Солтир сжал в каждой лапе по кинжалу и уверенно несясь вперед, но страшный удар ветки, нанесенный белкой-разбойником, свалил его наземь со сломанной шеей.

Андрил уклонился от удара Орквила, но так резко рванул из-за пояса небольшую абордажную саблю, что взрезал его, и ничем более не удерживаемые штаны рухнули. Он споткнулся и ткнулся носом в траву. Теперь Орквил не промахнулся.

Бух! Бах! Хрусь! Хрявь!

Орквил обезумел после первого удара. Он колотил упавшего, не помня себя, истошно вопя и визжа, брызжа слюной.

Моди, презрительно кривя губы, увильнула от первых трех выпадов Раглата. Когда он ткнул копьём в чечетвертый раз, она удостоила его наконец ударом в брюхо. Выбив копьё из лап толстой куницы, она издевательски выкрикнула:

— Не спи, гнусная образина! Шевели своей толстой задницей, во!

Раглат замер на мгновение, затем оскалил зубы, растопырил когти и прыгнул на Моди.

— Ну, кр-р-р-ролик! Погоди!

Моди легко увернулась и наградила нападающего серией ударов в голову. Стоя над рухнувшим противником, она спросила:

— Так кто здесь кролик? Вставай, гнилое корыто, я с тобой еще не покончила, я только начинаю урок, во, во.

Раглат снова бросился на зайчиху, взыв от злости. Моди выполнила финт левой, а правой ударила в оба глаза и в нос куницы.

Полуослепший от боли и злобы Раглат потерял рассудок.

— Назад, назад! — заорал он зайчихе. — Беги за мной, и я тебя убью!

Он схватил копьё и бросился прочь, но споткнулся о лапу подвернувшегося некстати Орквила и напоролся на острие собственного оружия.

Рангвал изумленно вскинул лапы:

— Ну, друг, ты у нас воин brave, бывалый. Чуть усом повел — и уже два трупа!

Орквил уронил свою деревяшку и опустился наземь. Никогда в жизни еще не приходилось ему убивать. В ушах звенело, он едва воспринимал шуточки Рангвала.

— Гениальный план Моды предусматривал по штуке нечисти на каждого, но наш герой план перевыполнил вдвое! Жаден, жаден еж ужасный до победы первоклассной!

Моды покачала головой, урезонила белку укоризненным взглядом. В свое время она видела, как переживали саламандастронские зайцы после первого боя, после первой крови.

— Что ж, Орквил, ты теперь воин, во. Понимаю тебя. Нелегкая штука бой. Выбор: убивай или убьют тебя.

Орквил поднял на нее страдальческие глаза:

— Ужасно, ужасно, мисс Моды. Вы такое ощущали, мэм?

Моды вдруг почувствовала себя взрослой, зрелой, чуть ли не старухой.

— Я тогда чуть в слезах не утонула. Спасибо, сержант Стальной Зуб вразумил. Он сказал, что будь я мамашей с маленькими детьми, с незащищенными, то я бы благодарила воинов, которые их спасли. Ты вспомни, что эта нечисть собиралась с нами сделать, друг.

Орквил посмотрел на мертвых разбойников и вспомнил:

— Они собирались нас живьем жарить перед аббатством. Шкуру содрать. Что ж, эти трое больше никого не изжарят.

Подошел Рангвал, уже подобравший свои кинжалы.

— Что ж, ребяташки, пора и честь знать. Лучше не дожидаться, пока эта рыжая рожа лисья здесь снова замаячит. Вторую часть плана я доверил разработать себе. Давайте вырядимся нечистью.

— Зачем? в один голос удивились Моди и Орквил.

— Клянусь усами бабушки моей, из вас разбойники никакие. А если мы нарвемся на эту команду нечисти или на бурых крыс? Не лучше ли выглядеть такими же уродами, как и они сами? От маскировки всегда только польза и никакого вреда.

Моди молча принялась сдирать с мертвого Раглата всякие пиратские побрякушки, широкую рубаху, мешковатые штаны, засаленный тюрбан.

— Верно мыслишь, друг. Орквил, за дело. Нам тоже не мешает глянуть, что там за шум, во. Ну, видок у меня теперь... Моди-мародерша, во.

Орквил не смог удержаться от смеха. Заячьи уши скрыл грязный тюрбан. Моди зачерпнула лапой грязь и размазала по морде. Она презрительно глянула на Орквила:

— Ну, ты, пикни еще, сухопутная крыса, во. Кишки выпущу, скелет на кости разнесу, по мачтам раскидаю, или как там пирату положено...

Рангвал спрятал свой роскошный хвост под дражный камзол Солтира. Напялив высокие ботфорты и насадив на уши широкополую шляпу, он притопнул лапой:

— Якорь в глотку и сто акул под одеяло, Рангвал — солдат удачи к вашим услугам! А ты кто такой, колючий?

Орквил тем временем влез в брезентовый килт Андрила, застегнул на пузе широкий пояс с медной пряжкой, напялил полосатый жилет и обмотал голову

бахромчатой повязкой. Он взмахнул длинным ножом убитой куницы и заорал:

— Э-ге-гей! Вот ужасный разбойник Орквил! Вперед, к злодейскому беспределу! Ха-ха-ха, хо-хо-хо, хи-хи-хи!

Рангвал внезапно посерьезнел:

— Ладно, подумались, и хватит. Теперь тише воды, ниже травы. Пошли.

Удлинялись вечерние тени, солнце красило алым горизонт на западе, трое друзей крались по лесу. Звуки битвы приближались, нарушали гармонию природы. Моды заметила в отдалении какие-то утесы.

Орквил, следовавший за Моды, то и дело подпрыгивал, силясь что-нибудь разглядеть.

— Нич-чего не вижу. Нич-чего не понимаю. Что там такое?

Моды тоже принялась вытягиваться на цыпочках да подпрыгивать, однако толку ее старания не принесли.

— Я тоже ничего не вижу, во. Да ладно, скоро подберемся поближе.

Рангвал скинул свои сапожищи.

— Пока подберемся... Постойте-ка здесь, я сейчас сбегаю вверх да погляжу. — Он указал на высокий

бук и тут же понесся к нему. Верхолазом Рангвал оказался бесподобным, миг — и Моди с Орквилом уже задирают головы, следя за ним. — Моди, там твой барсук, Горас, — сообщил Рангвал сверху. — С ним еще барсук, поменьше... барсучиха... молодая, я ее раньше не видел. Они защищают вершину плато из песчаника, плоская вершина.

Моди пожалела, что не умеет так же карабкаться по деревьям. Она крикнула Рангвалу:

— А с кем они дерутся?

Рангвал взобрался еще выше и оттуда ответил:

— Не вижу. Они с другой стороны. Но, судя по шуму, орда Кердли. Ух ты, новая опасность. Морская нечисть подбирается с другой стороны плато. Если влезут, выйдут в тыл барсукам. Надо их предупредить.

Моди рванулась вперед заячьим галопом. Подбежав поближе к плато, она остановилась, выпрямилась столбом и заорала, поднеся лапы рупором ко рту:

— Еулалиа-а-а-а-а! Еулалиа-а-а-а-а-а! Еулалиа-а-а-а-а-а-а!

Рангвал увидел, как обернулся на крик большой барсук, как он понесся к противоположному краю плато. В армию капитана Виски полетели булыжники. Морские разбойники лезли наверх, рассыпавшись по склону. Им досталось не так, как крысам Кердли, но они все же перепугались и вжались в укрытия, попрятались за выступами и валунами.

Рангвал ссыпался с дерева, подскочил к Орквилу, сжал его лапу:

— На барсуков лезут с двух сторон. Скоро не одни, так другие влезут на плато. Надо спешить на помощь.

Когда они приблизились к подножию скал, Модисделала им знак замереть:

— Тихо, братцы! Ш-ш-ш!

Они замерли. Из-за кустов доносились голоса разбойников.

— А почему не убивать?

— Потому что кэп знать желает, кто там разорался.

— Надо им кишки выпустить, чтоб не орали.

— Выпусти, и кэп тебе выпустит. Кончай болтать, гляди внимательней.

Высланные Виской разбойники уже подошли близко, когда Модис вдруг пришла в голову свежая идея. Она прошептала товарищам:

— Ребята, меня сейчас озарило, во. Ведь мы же морская нечисть, так? Сыграем с ними шутку.

И она принялась тыкать в кусты копьём, приговаривая грубым баском:

— Не-е, и тут никого, и там никого. Ты ничего не нашёл, Мордожор?

Рангвал подхватил игру. Он прорычал в ответ:

— Ну, дак! Знамо дело, поорал да и удрал. Чего ему тут рассиживать? Как ты думаешь, Блугл?

Орквил, к которому обратился Рангвал, не обманул его ожиданий:

— Думать — не наше дело. Пусть кэп Виска думает да соображает. Кэп велел искать, вот и ищи. Кустов тут хватит, век не переискать.

Из кустов вынырнул горноста́й Билджер.

— Это точно, приятель, — сказал он и протянул лапу, чтобы обнять Орквила за плечи.

Рангвал заметил тревогу на физиономии Орквила, но сделать ничего не успел, потому что Моды ужеотреагировала. Она хлопнула Билджера по плечу:

— Осторожно, приятель, ветка!

— Где? — повернул к ней морду Билджер, подставившись под удар.

— А вот где! — И зайчиха сокрушила его челюсть. — Ох, друг, что ж ты! — принялась она причитать. — Я ж тебя предупреждала!

Туповатый Джанго поспешил к Билджеру:

— Билдж, приятель, ты чего разлегся?

Ободренный быстротой реакции Моды, Орквил зататорил насмешливо:

— Ха! Грохнулся через веточку и затаился. Вот, пошли такого в разведку! Как он найдет кого, если он свой хвост не найдет в темноте!

Не дожидаясь дальнейших неприятностей, друзья нырнули в кусты и полезли по скалам. Верткий Рангвал обогнал товарищей и уже почти добрался до края, когда сверху высунулась огромная голова Гораса. На Рангвала уставились вилы по имени Тунг.

Рангвал смахнул с головы пиратскую шляпу.

— Осторожно с этой штукой, сэр, мы с ребятами к вам на помощь из Рэдволла. Я Рангвал. Он вытряхнулся из камзола, обнажив пушистый хвост.

Горас повернул вилы рукоятью к белке. Рангвал схватился за рукоять и тут же оказался наверху.

— И мне эту же штуку, если можно, друг, во! — раздался снизу голос Моды.

Вот и она тоже стоит наверху, оглядываясь.

Рангвал глянул вниз:

— А где Орквил?
— Я думала, он с тобой, — сказала Моды.
— А я думал, что он при тебе, — отозвался Рангвал.

— Горас! Сюда! — донесся крик Саликсы.

Больше десятка крыс одолели подъем и ринулись вперед, стремясь отрезать ее от Гораса. Заботы об Орквиле на мгновение забылись. Трое защитников плато бросились на бурых.

Все время преследования Стрингл исправно отсылал гонцов с докладами великому вождю. Грантан Кердли выслушивал доклады либо с видом полнейшего равнодушия, либо осыпая всех ругательствами. Его больше заботило качество еды, особенно яиц, сваренных вкрутую. Он считал себя крупным специалистом в этом вопросе.

Очередной гонец, крыса Скрутл, вынужден был стоять, ожидая, пока великий научит уму-разуму молодежь. На вождя как раз напал приступ вдохновения:

— Вареное яйцо — лучшее яйцо. Сваренное вкрутую яйцо совершенно, м-гром и г-молния. Единственный, кто может его испортить, — это дрянной чистильщик. — Он повернул голову в сторону слуг. — Тут, к сожалению, совершенство недостижимо. Этих пачкунов ничто не исправит.

Вождь вздохнул и повернулся к гонцу:

— Ну чего застыла, как дохлая лягушка? Давай докладывай, что ли.

Скрутл затараторила донесение:

— Капитан Стрингл велел передать, великий, что он окружил большого барсука на верху каменного

холма. Но там теперь два барсука, вернее, барсук и барсучиха.

— Где этот каменный холм?

Скругл махнула хвостом.

— Там, к северу, в больших деревьях. Примерно в четверти дня пути. Капитан Стрингл ждет твоих указаний, великий.

Грантан хмыкнул и фыркнул:

— Храбрый воин Стрингл ждет, чтобы я явился и выполнил его работу. Так?

Крыса послушно кивнула.

Грантан вскарабкался на носилки.

— Эй, поднимайте свои ленивые зады! — гаркнул он на носильщиков и на все свое окружение. — Сворачиваем лагерь, следуем к северу. В канаву не лезть, аббатство обогнем. Молодежь, рветесь в дело?

Молодые бурые крысы вытянулись по струнке.

— Лаггл! Забирай этих, идите вперед. Обшарьте окрестности, наберите свежих яиц. Да не мелочи всякой, воробьев да трясогузок, а больших, существенных. Пошли, пошли! Я за вами.

А в лесу, возле утесов плато, судьба сыпала беды на силы Стрингла. Из атакующего он превратился в обороняющегося. Из лесу высыпали землеройки Гу-осим и ударили по последним рядам бурых крыс. Гу-осим свирепо размахивали рапирами и с ходу прикончили два десятка крыс. Спины бурых крыс продрал мороз, когда землеройки завели Песнь Клинка.

Славен Подвиг Лог-а-Лога!

Будет враг побит! —

Отомстим за Лог-а-Лога! —

Как один убит!

Лога-Лога-Логлоглог!

Жаждет мой клинок напиться,
Но воды не пьет клинок,
А подай ему скорее
Вражьей кровушки глоток!
Лога-Лога-Логлоглог!

Злой убийца Лог-а-Лога,
За убийство отвечай!
Вот она, твоя расплата:
В грудь железо получай!
Лога-Лога-Логлоглог!

Мы помянем Лог-а-Лога
Крови вражеской рекой!
Отомстим за Лог-а-Лога
Беспощадной лапой!
Лога-Лога-Логлоглог!

Наверху Горас с помощниками успешно отбивал все атаки. Вилы Гораса сметали крыс, Моды колотила нападающих всеми четырьмя конечностями, краем глаза постоянно следя за бешеным мельканием Тунга, боевых вил Гораса, иногда проносившихся в опасной близости от союзников барсука. Во время передышки Моды отскочила назад, к Саликсе, размахивавшей пращей.

— Э-э, не поймите меня превратно, мэм, во, но не найдете ли вы возможности обратить внимание вашего приятеля на вероятность поражения им жизненно важных частей тела? Он же нас поскидывает ко всем бурым крысам... Пардон, ко мне посетитель!

И Моды, не договорив, метнулась навстречу вынырнувшей снизу морде бурой крысы. Крыса загро-

хотала под откос, но на смену ей появилась другая и взмахнула копьем. Копье, однако, тут же вывалилось из лапы крысы, а копыеносица рухнула, сраженная кинжалом белки-разбойника.

— Спасибо, друг! — крикнула Моди, и Рангвал тут же принялся расшаркиваться и объяснять, сколь ему приятно оказать такую незначительную услугу прекрасной зайчихе.

При очередном поклоне его и снес торец вил Гораса. Разгоряченный боем Горас даже не заметил происшедшего.

Моди подскочила к упавшему, крича Саликсе:

— Видишь, видишь, что творит, хулиган, я же говорила, во! Хорошо еще, бедняга назад полетел, а не вперед, под откос. Рангвал, как ты, голубчик? — Она принялась растирать ему ушибленный затылок.

Рангвал уселся, кряхтя и улыбаясь:

— Пока живу. До следующего раза.

Саликса осторожно, уклоняясь от вил, пробралась к Горасу.

— Как с Жаждой Крови, Горас?

— Держу в узде, — ответил уверенно молодой барсук. — Что-нибудь случилось, Саликса?

Она успокаивающе сжала его лапу:

— Нет, только будь чуть осторожнее. Ты сейчас нечаянно сбил вилами беднягу Рангвала.

Горас виновато охнул и собрался извиниться перед белкой, но с другой стороны плато появились морды пиратской братии. Барсук свирепо ухнул и понесся на врага.

Моди подобрала крысиное копьё и побежала догонять Гораса. За ней вприпрыжку понесся Рангвал, сжав в каждой лапе по кинжалу.

— Ах, дорогая мисс, что бы мне сказала моя дорогая матушка, если б увидела меня сейчас!

— Что бы она сказала? — спросила Моды, намечая себе цель — хорька с рваным ухом.

— Отругала бы за то, что опять лезу в драку. Очень ей хотелось, чтобы я вырос мирным, незлобивым зверем.

Для землероек Осбила наступил решающий момент. О победе над крысами они и помышлять не могли, но зато добились, чего хотели, — внесли сумятицу в ряды врага и уничтожили его как можно больше. Один из разведчиков доложил Осбилу, что с другой стороны плато атакуют морские разбойники.

Получив эту тревожную информацию, Осбил глянул вверх:

— Гм, наверху два барсука, Моды и Рангвал.

— А Орквил? Нет его там? — спросил разведчик.
— Он был с Моды и Рангвалом.

Осбил покачал головой:

— Нет, Орквила не видел. Мало ли что случилось. Может, он ранен, может, и убит. Искать его у нас нет возможности. Но оставить друзей без поддержки тоже не можем. На обходы времени не остается. Пробьемся сквозь оборону крыс и поднимемся вверх.

Бурые крысы оправились от первой паники, вызванной появлением Гуосим. Но к тому, что произошло за этим, они все же оказались не готовы. Землеройки сгруппировались в ударный кулак и вслед за Лог-а-Логом бросились на крыс.

— Логалогалогалогало-о-о-о-о-ог! — разнесся над лесом их боевой клич.

Снова завопили умирающие крысы, побежали в стороны от наступающей массы колючих зверьков, размахивающих острыми рапирами.

Взбешенный Стрингл, наблюдающий за происходящим из безопасного укрытия, заорал на подчиненных:

— Куда? Куда? Назад! Вперед! Нас впятеро больше! В атаку!

— Зачем в атаку, друг? Пусть себе лезут наверх, а вот куда они потом оттуда денутся?

Стрингл резко развернулся и увидел перед собой Виску Длиннозуба с десятком морских разбойников.

Грантан Кердли отнюдь не спешил на объединение со Стринглом, ибо он был уверен, что в то время и в той части Леса Цветущих Мхов находился только один барсук. Развалившись на своих носилках, он пристально смотрел на стены аббатства, гадая, попадет ли он туда, внутрь, станет ли хозяином этой крепости и окружающих территорий. И тут он увидел барсука.

Табуре показывали Рэдволл. С аббатом Дакусом и Кротона начальником Берфом он неторопливо шагал по восточной стене, восхищаясь открывающимся отсюда видом. Табура уже собирался повернуть голову, как вдруг заметил в лесу какое-то движение. Между деревьями показались носильщики, и барсук встретился взглядом с каким-то бесформенным существом, украшавшим своим присутствием весьма безобраз-

ный паланкин. Через мгновение носилки скрылись за стволами деревьев.

Грантан Кердли нахмурился, оценивая ситуацию. Опять вранье! Конечно же, Стрингл наврал ему. Ничего нового, подданные часто ввали вождю. Чаще всего — чтобы избежать его гнева, иной раз несущего смерть. Каждая крыса знала, что означает «получить порцию Кердли». Вождь принялся размышлять, как ему наказать уличенного во вранье Стрингла. Теплый летний денек, жужжание пчел, мелькание пестрых бабочек, танцующая тень листвы сморили Грантана, погрузили в приятную дремоту.

Разбудили его крысы, напролом пробирающиеся сквозь кусты. Как всегда после внезапного пробуждения, Грантану все внушало отвращение. Он буркнул ближайшему из окружения:

— Дай-ка чего-нибудь выпить. В глотке как в костре.

Он припал к кувшину с грогом, потом хмуро уставился на молодых крыс:

— Ну чего разорались? Будить меня... наглость какая.

Вперед выступила молодая крыска с птичьим гнездом:

— Мы нашли яйца, великий.

Грантан заглянул в гнездо. В нем было два рыжеватых в коричневых пятнах яйца.

— Н-ну. Болотная куропатка. Где нашли?

Лаггл показала на восток. Там, на заливном лугу.

Грантан Кердли мгновенно наострил уши. Заливной луг! Сколько там гнезд, сколько в них яиц! Не показывая своей радости, он скривил губы:

— И это все, что вы нашли? Два яйца на такую ораву. Да еще наверняка тухлых. Показывайте, где этот заливной луг, туда идем. Сам гляну.

Ногго, удостоенный чести нести вождя, подал голос:

— А как насчет полосатой собаки, которую окружил Стрингл?

Ногго оказался одним из ближайших носильщиков, поэтому Грантан без усилия сгреб его за загривок, подтянул поближе и с размаху насадил ему на голову гнездо с яйцами, прихлопнув сверху лапой. Принюхавшись, он изрек:

— О! Я ж говорил, что они протухли! О Стрингле не заботься. Я разберусь с этим вруном. Барсука он окружил! Нет там никакого барсука.

Стоявшая подальше Лагтл без опаски спросила:

— Как твой мудрый ум проник в это, о великий?

Грантан хмыкнул:

— Потому что я только что своими глазами видел полосатого пса на стене. Кого тогда окружил Стрингл? Что-то у вас полосатые собаки как грибы растут.

Лагтл чуть отодвинулась от Грантама.

— А вдруг в лесу все-таки не один полосатый?

Грантан стрельнул в знахарку сердитым взглядом:

— Не говори глупостей, не то у тебя случится острый приступ Кердли. К заливному лугу!

Что может быть прекраснее заливного луга в лесу! Шумит камыш, носятся птицы, стрекозы, бабочки, жуки и жучки всех размеров и видов. Волнуются травы, пестреют цветы...

Грантана Кердли красоты природы не интересовали. Он велел опустить носилки.

— Ха-га, чую, чую... Проку от вас... Отняли бы лодки у землероек, можно было бы на лодочке, на лодочке... Лагтл, разведи костер, котел, чтоб вода кипела. Молодежь, живо вперед, на разведку. Без шума. Птиц поймаете — дарю, можете жарить. Яйца все мои. С пустыми лапами вернетесь — самих сварю вместо яиц.

Молодежь тут же ринулась на поиски. Грантан немного поразвлекался, хлопая каждую летящую мимо мошку, но быстро утомился и снова задремал.

Тени уже начали удлиняться, когда Лагтл осторожно прикоснулась к плечу великого вождя и прошептала:

— Великий, обнаружено гнездо лебедя.

Грантан мгновенно выпрямился.

— Лебедя! — повторил он, выпучив глаза.

Лебединых яиц он, вопреки своему хвастовству, не пробовал никогда. Найти гнездо лебедя — его заветная мечта. Лебедь — самая большая из всех птиц на свете! Грантан никогда лебединых яиц не видел, но воображение рисовало нечто невообразимо большое и прекрасное. Стрингл, его вранье, барсуки и землеройки с их лодками отошли на второй план.

— Кто нашел гнездо лебедя?

Вперед выступил молодой самец:

— Я, великий.

Грантан глядел на него почти ласково:

— Как тебя зовут?

— Дагтерло, великий, Дагтерло меня зовут.

Дагтерло вздрогнул, когда к нему потянулась лапа вождя, но Грантан просто похлопал его по загривку:

— Хорошее имя, и сам молодец. Хвалю. Хвалю, Даггерло. Надо же, что нашел! Можешь меня туда проводить, к этому гнезду?

— Да, да, великий. Это вон там, возле ив. Между ними протекает ручей к лугу. Там и гнездо, своими глазами видел.

Грантан повернулся к остальным:

— Огонь держите, вода чтоб кипела. Мы с Даггерло сейчас вернемся.

Путь оказался нелегким. До ив еще вон как далеко, а Грантан и Даггерло уже по пояс в воде.

— А как ты туда добрался? — сообразил наконец спросить Грантан.

— Почти все время вот так, а потом и проплыть пришлось.

Грантан почесал под водой брюхо.

— Гм-м... А ты уверен, что гнездо там?

— Там, там, как раз где ручей впадает в луг, между ивами.

Грантан подумал и принял решение:

— Ты, малый, оставайся здесь. Сиди тихо. Я схожу туда один, а если понадобится, позову.

Грантан полагал, что поскольку он намного выше Даггерло, то и плыть ему, пожалуй, не придется. Не отрывая взгляда от ив, он направился вперед, прощупывая ногами кочки и корни. Жадность его не позволяла разрешить еще кому-то насладиться радостью великого открытия.

Вскоре он и вправду увидел гнездо, обширное и неуклюжее, вероятно построенное на подводных корнях ивы. Грантан уже представил себе яйцо. Одинокое белое яйцо, дожидющееся его тихо и спокойно. Вода подобралась к самому рту, но плыть и вправду не

пришлось. Наконец он вцепился в корни ивы. Выплывая воду, он подтянулся, поднялся над водой, навалился на гнездо, переполненный счастьем.

Гнездо покачнулось и чуть не опрокинулось. Раздался суматошный клекот, и на Грантана обрушились два птенца и их мамаша, мощная, громадная птица. Птенцы ограничились возмущенным трепыханием да истошными воплями, но их мать пустила в ход обе ноги, громадные крылья и могучий, усиленный у основания оранжевый клюв. Удар, другой, третий... и великий вождь с переломанным позвоночником и разнесенным вдребезги черепом скрылся в темной воде.

Даггерло как будто прирос к камышу, осмысливая только что увиденное. Ждал он долго, не отрывая взгляда от места, где тело Грантана скрылось из виду, ожидая, что вождь вот-вот вынырнет, начнет, как обычно, распоряжаться, орать и отдавать приказания. Наконец он понял, что так долго оставаться под водой без вреда для здоровья может лишь рыба.

Промокший юнец вернулся в лагерь, к костру и котлу. Ему пришлось повторить свой рассказ трижды, прежде чем ему понемногу начали верить. И то не все.

— Да не-е, никакая птица не может убить Кердли.

— Ты лебедя когда-нибудь видел? Да он больше, чем барсук! Он не только Грантана может убить, он кого хочешь прикончит.

— Нет, не верю я, что вождь может умереть.

Даггерло потерял терпение:

— Ну, не верить, так сходи да спроси у него самого. Нырни, он там, под водой, у гнезда. Если тебе лебедь нырнуть не поможет.

После этого почему-то поверили все. Они сидели у костра, варили яйца, собранные для покойника, и гла-

зели на огонь. Ногго, которого заставили отсесть в сторонку из-за вони тухлых яиц, раздавленных на его голове вождем, всхлипнул:

— Никогда у нас не будет больше такого вождя.

Лагтл хохотнула:

— Если повезет, то не будет.

Второй разведчик, Бикло, покачал головой:

— Но что же нам без вождя делать со Стринглом и вообще?..

Лагтл сунула в огонь полено и недоуменно уставилась на сидящих у костра:

— Нет, что за идиоты! А кому он нужен, этот вождь? Вам охота кого-то таскать на загривках? Эту бочку жира? Пропал — и бессчетные сезоны с ним! Стрингл — да пусть воюет, если ему нравится. Я не собираюсь его останавливать. Но и присоединяться к нему не намерена.

Крысы у костра разинули рты.

Ногго поднялся и принялся возбужденно шагать взад-вперед.

— Но... что же теперь делать?

Молодой Даггерло вдруг выпалил:

— Что хочешь, то и делай!

Лагтл засмеялась, раскачиваясь на месте:

— Хе-е-хе-е-хе-е... Вот парень с мозгами! Слушайте его, дуболомы! Вам ничего больше не надо делать для Грантана, он мертвее жареной лягушки. Делайте что желаете!

Бикло сидел и скреб затылок.

— А ты что будешь делать, старая?

Лагтл поуютнее устроилась у костра.

— Я? Спать сколько вздумается. А отсюда никуда не пойду. Здесь, на заливных лугах, голодной не оста-

нешься. Вода, еда, солнце — и никто тобой не командует.

Даггерло ухмыльнулся:

— Я с тобой, бабуля.

Остальных тоже упрашивать не пришлось.

— И я, и я. Здесь нас полосатый не убьет.

— Точно, приятель. И яйца будем варить сами для себя.

— Ха-га, а из носилок Кердли может получиться навес.

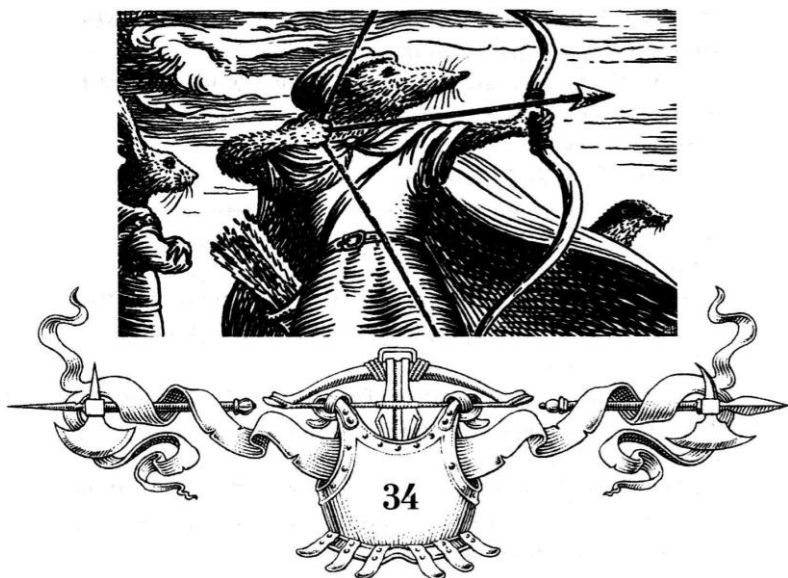
Точно! Старик Грантан возражать не будет.

— Кердли теперь хозяин рыб. Какого они о нем мнения, интересно.

Лаггл снова захихикала:

— Хи-и-хи-и-хи-и... Наверно, они считают, что он на вкус вареными птичьими яйцами отдает. Хи-и-хи-и-хи-и...

Сtringл нервно дернулся назад от корабельной нечисти. Виска обнажил клыки в ухмылке:
— Не бойся меня, друг. Я просто хотел поговорить.

Стрингл попытался спрятать свой страх:

— Я тебя не боюсь. Я капитан бурых крыс Грантана Кердли. Мы гнали вас по канаве.

— Да, но сначала мы гнали вас по канаве. Виска сунул свой великолепный меч за пояс, перекинул кистень через плечо.

— Я здесь не для того, чтобы причинить тебе вред. Мы оба хотим прикончить тех, что сейчас наверху. Почему бы нам не объединиться?

— погоди. — Стрингл снова подался назад, схватил ближайшего из своих воинов. — Живо несись к Кердли, скажи, что он здесь срочно нужен. — Он снова повернулся к Виске, который с видом ленивым и безразлич-

ным подпирали тополь. — Сколько у тебя голов в войске?
У нас тьма-тьмущая.

Виска усмехнулся:

— Значит, сколько угодно. Ну а у меня хватит, чтобы добавить силы твоим ребятам. Что скажешь?

Стрингл мялся и маялся:

— Э-э... Не знаю... То есть мне надо дожидаться вождя.

Гуосим взбирались на плато, навстречу им тянули лапы защитники, помогали одолевать последний уступ. Не тратя время на приветствия, Осбил ринулся навстречу штурмующей плато команде «Кривавой кешки».

— Скинем нечисть, ребята! Логалогалогало-о-о-о-ог!

Половина Гуосим присоединилась к атаке, остальные помогали барсукам. Морских разбойников появление на плато нового войска застало врасплох, и их очень быстро удалось отбросить назад.

Наступило долгожданное затишье. Саликса радостно пожимала лапы всем землеройкам Гуосим, а Горас похлопал по плечу Осбила:

— Храбрая атака. В таком неравном бою вы просто герои!

Осбил вложил рапиру в ножны и поинтересовался, что с Орквилом.

Моди шевельнула ушами:

— Очень жаль, но мы и гадать не можем, куда он делся. Только надеемся, что с ним ничего не случится.

Рангвал понуро опустил хвост.

— Куда ж он мог деться в бою? Жаль парня, мне его сильно не хватает.

Короткий хвост Моди возмущенно задергался.

— Перестань каркать! Выше нос! Орквил еще отыщется, целый и невредимый.

Саликса медленно поворачивала голову, осматриваясь на плато.

— Да, будем надеяться на лучшее. А пока давайте подумаем, как выбраться отсюда.

— Гуосим здесь не для того, чтоб думать, а для того, чтоб драться! — ввернул какой-то лихой партизан-землеройка.

Горас утихомирил его хмурым взглядом:

— Саликса говорит не для того, чтоб наслаждаться звуком своего голоса. Она многому научилась у Табуры.

Осбил лизнул клинок, проверяя заточку.

— Слушаем Саликсу! — прикрикнул на своих шумных бойцов Осбил.

Все затихли, и Саликса смогла говорить, не повышая голоса:

— Мы отвлекли сюда основные силы врага, и это хорошо. Они не угрожают аббатству. Сейчас они окружают нас и побоятся повернуться к нам спиной, как бы мало нас ни было. Однако мы здесь отрезаны от помощи. До последнего будем защищать это плато.

Рангвал глянул вниз:

— А зачем его защищать? Землеройки прорвались сюда с боем, и мы можем так же точно пробиться отсюда.

Моди нервно задергала ушами и хвостом, замахала лапами:

— Незрелая идея, друг, не пойдет, во.

— Что ж, другого я не придумал. Может быть, у бравого зайца из Саламандастрона есть какие-то соображения. Что вы имеете предложить, Моди, дорогая?

Зайчиха усиленно заскребла затылок.

— Да вот, понимаешь, ни одной у меня идеи, во. Но если представить, как бы к этому подошел майор Маллин... Осбил, с оружием у нас как?

— Пращей и камней к ним — сколько угодно. У каждого клинок. Есть трофейные копья, пики, топоры. Два десятка луков, хотя стрел маловато. Если не считать больших вил Гораса, то, пожалуй, и все.

Моди зашагала взад-вперед.

— Важнее, чем оружие, то, сколько у нас еды и питья.

— Почему важнее? — спросила Саликса.

Моди отсалютовала барсучихе:

— Прошу прощения, мэ. Не на важнее, но столь же важно. Там, внизу, у этих разбойников провизии завалялись, целый лес, ручьи со свежей водой. А у нас здесь голая скала, даже травинки не растет. Осбил, у вас с собой что-нибудь прихвачено?

Осбил обратился к своим поварам:

— Да негусто, — прогудел один из них. — С десяток яблок, два каравая хлеба пшеничного, да сыру шмат, да два бочонка воды и один пива. Мы ж на вылазку собирались, не в поход.

— То есть нет у нас ничего, другими словами, — подвела итог Моди. — И если господа внизу не полные идиоты, то мы покойники. Они могут держать осаду — то есть время от времени швырять в нас камень-другой, лежать на боку, питаться, наслаждаться и дожидаться, пока мы передохнем. Или ослабеем настолько, что можно будет подняться и брать нас голыми лапами.

Рангвал потер живот.

— Кошмар. Я уже умираю от голода и жажды.

Саликса неодобрительно глянула на него:

— Такие разговоры ни к чему. Чем меньше думаешь о еде, тем меньше ощущаешь голод.

— Вы совершенно правы, мисс, — тут же согласился Рангвал. — Но что нам следует предпринять?

Моди понимала, что хватается за соломинку, но что-то же нужно предпринимать!

— А что, если мы навяжем им бой сверху? Будем их подбирать по одному.

— Все лучше, чем сидеть сиднем, — сразу согласился Осбил и снял с пояса пращу. Он повернулся к своим. — Делимся на четыре отряда. Ригрил — назад, к тому краю, Тигл и Френна — слева и справа, я здесь остаюсь.

Моди улеглась на краю и посмотрела вниз.

— Интересно, что мы сможем сделать? Пращи да луки... стрелы надо беречь...

Осбил улегся рядом, поднес лапу к глазам козырьком:

— Что там такое между двумя черными тополями? О чем-то там толкуют вроде бы.

Моди пригляделась, хотя листва скрывала происходящее.

— Да, бурые и... не бурые. Морд не разобрать...

Виска Длиннозуб втихомолку забавлялся муками Стрингла. Он развалился у подножия тополя, имитировал зевок:

— Куда же ваш вождь запропастился? Я состарюсь, его поджидаючи.

Стрингл нервно шагал кругами и зигзагами.

— Ничего не могу сделать. У меня приказ от Грантана Кердли, и я должен ждать, пока он его изменит.

Виска уставился на рукоять своего прекрасного меча.

— Правильно, капитан Стрингл, приказы нужно выполнять. Кстати, и какой же приказ?

— Убить барсуков и доставить ему их головы на ко-
пьях.

— Так я и сам рвусь разобраться с ними! Если мы ударим вместе, это ведь не будет нарушением приказа вождя! Наоборот!

Но Стрингл все колебался, топая перед носом Виски, все дожидаясь прибытия Кердли.

На краю плато Осбила била нервная дрожь.

Это тот самый бурокрыс, офицер Стрингл! Вон, вы-
шагивает между тополями.

— Вижу, — ответила Моды. — А чем он лучше дру-
гих?

Он гнался тогда за тобой и Лог-а-Логом, когда вы искали Йика. Он виновен в смерти отца и должен за-
платить жизнью. Грантана Кердли тогда при войске не было, позже прибыл. Ребята, дайте мне самый большой лук и хорошую стрелу.

Пожилой партизан передал Осбилу свой лук:

— Мой лук — лучший у Гуосим. А вот и стрела к нему... — Он выбрал из колчана стрелу, внимательно ее осмотрел вдоль и поперек. Прямая и прочная. Дубовая, с пером белой чайки, наконечник — лучший кремь.

Тем временем к ним подошла Саликса:

— Непростая цель. Может быть, мне попробовать?

Осбил решительно отказался:

— Нет, мисс, здесь мой личный вопрос. Я должен это сделать сам.

— Семейная честь, — прошептала Моды барсучихе.

— В этих делах Гуосим особенно щепетильны, во.

Осбил оттянул тетиву, прицелился... Модди и Саликса замерли.

Осбил вздохнул и опустил лук.

— Ушел! Жди теперь, пока снова высунется.

Саликса присела на камень рядом с землеройкой.

— Спокойно, спокойно, расслабься, друг, не трясись, не то промахнешься. Вот так, вот так, уже лучше. Вот он снова к нам шагает. Чуток упреждение, не забудь... Так-так... Отлично... Стреляй!

Виска уже почти потерял терпение с этим Стринглом.

— К сожалению, не могу, капитан Длиннозуб. С радостью бы с вами соединился, но у меня указания. Я должен ожидать прибытия Грант...

Стрингл издал странный булькающий звук, качнулся и рухнул.

Виска много раз встречался со смертью, сам сеял смерть. Он оказал должное почтение старой знакомой, плюхнувшись ничком у ног свежего покойника Стрингла.

— Ложись, стреляют! — крикнул он, и все окружающие принялись обниматься с сырой землей.

Чуть выждав, осторожно оглядываясь, зверье зашевелилось. Заплата осмотрел Стрингла.

— Мертвее камня, кэп. Стрела меж глаз, чего уж тут. Выстрел хорош, мастак стрелял.

Златолис плюнул в сторону Стрингла:

— Туда ему и дорога. Я уж и сам подумывал, не грохнуть ли его. Сколько времени из-за этого идиота потеряли. Эй, ребята, сообщите бурым, что капитан Стрингл с ними желает побеседовать.

Джанго тупо уставился на труп:

— Дак, кэп, этот же ни слова сказать не сможет.
Виска нежно улыбнулся тугодуму:
— И ты не сможешь, если не будешь меня слушаться, сынок.

Рангвал хлопнул Осбила по спине:
— Отличный выстрел! Поздравляю! Чистая работа.
Моди трясла лапу молодого Лог-а-Лога:
— Bravo, сэр! Одним мерзавцем меньше, во. Ну как, полегчало? Отплатил за отца?

Осбил вернул лук владельцу.
— Слишком далеко, чтобы что-то почувствовать. Я хотел бы встретить негодяя лицом к лицу, чтобы он умолял о прощении, перед тем как умереть.
— У-у, какой ты дикарь кровожадный, Осбил.
— Да, я Гуосим. Такой, какой есть. Не забывай, он убил моего отца!

Зайчиха шевельнула ушами и согласилась:
— Да, друт, ты, пожалуй, прав.
Она решила сменить тему:
— Что-то они там затихли. Никто не вопит, не атакует, не призывает к мести.

Горас оперся на вилы, вперил взгляд в лесные дебри.

— Может быть, готовятся к решающему штурму. Как думаешь, Саликса?

— Не думаю, — возразила барсучиха. — Мы же легко отобьемся. Если главный у них лис, то, конечно, он предпочтет осаду. Время — его союзник. Их намного больше, они могут поиграть в выжидалки.

Рангвал подмигнул Горасу и тихо заметил:
— Редкое сочетание красоты и ума в одной особе. Я бы с ней сразу согласился, если б меня спросили.

— Я тоже, — присоединился к его мнению Горас.

День тянулся и тянулся, солнце выжигало вершину плато, раскаляло камень. Моды помогала Саликсе и Качуч распределять пищу и воду. Как это повелось у зайцев, аппетитом сезоны зайчиху не обделили. Она мрачно глянула на свою порцию. Обрезок яблока да маленький кусок твердого сыра с коркой хлеба и полкружки разбавленного водой землероечного пива.

Те же чувства испытывали и остальные. Обычно бодрый Рангвал с отвращением смотрел на свой рацион.

— И это все? Сезоны милосердия! Так ведь и шкура к костям прирастет.

Горас поймал неодобрительный взгляд, брошенный на белку Саликсой, и, отгородив Рангвала от Гуосим своим мощным корпусом, принялся его отчитывать:

— Согласен, друг, итого мало, но не надо жаловаться. Ты не только взбудоражишь народ, но и сообщишь крысам, что нам есть нечего, если они услышат. Понимаешь?

Рангвал хлопнул себя хвостом по лбу:

— Ох, дубина я, дубина! Конечно, понимаю, правильно, сэр, от такой болтовни один только вред. Ничего, сейчас дело поправлю.

Горас удивленно наблюдал, как Рангвал прыгнул к краю утеса, уселся и свесил лапы.

— Что это он опять задумал? — с подозрением покосилась на него Саликса.

Горас пожал могучими плечами:

— Сейчас узнаем. Надеюсь, не слишком поздно.

И они узнали, и все вокруг узнали, и даже враг внизу узнал, что собирался вытворить лесной разбойник. Он

тут же заорал во всю глотку, желая ввести противника в заблуждение:

— Слушай, повар, отстань от меня со своими грибными пирогами! Что мне, лопнуть, что ли? Не знаю, куда тебе их девать, кинь вон нечисти вниз, если никто не хочет. Сколько можно жрать, хочешь, чтоб я лопнул? Я суп съел, тушенку съел, запеканку съел, пудинг съел... Все, хватит. Поддай лучше вон тот бочонок зля... Нет-нет-нет, ни лепешек с земляникой, ни сливового пудинга, ни черничного желе, ни мятного чая...

Маленький камушек, запущенный из пращи, выдрал клоч шерсти из его пушистого уха.

— Ой! Ага, проняло их, окаянных! — радостно воскликнул Рангвал и гордо обернулся — как раз вовремя, чтобы увидеть, как пращник Гуосим собирается послать в него второй камень, побольше. Возмущенный Рангвал резво отпрыгнул в сторону. — С ума сошел? Убить меня хочешь?

Осбил махнул лапой ретивому пращнику и набросился на Рангвала:

— Я сам этим займусь, если ты не прекратишь эту болтовню о жратве.

Но я же хотел ввести противника в заблуждение, показать, что у нас всего хватает, что у нас высокий боевой дух.

Моди втиснулась между Осбилем и Рангвалом:

— Спокойно, ребята. Нет нужды орать, вы, может, этого не заметили, но вы совсем рядом друг с другом, во.

— Тогда скажи этому дураку, чтобы он заткнулся о жратве! — возмущенно крикнул Осбил.

— Тогда объясни этому недоумку, что я дразнил противника, — парировал Рангвал.

Моди чувствовала, что ее втягивают в свару. Она наперла на Рангвала и повысила голос:

— Это ты недоумок, если не понимаешь, что дразнишь не сытых бурых крыс внизу, а своих же товарищей здесь, наверху.

— Моди хочет объяснить, что у противника много еды и воды, а у нас, к сожалению, не хватает, — раздался мягкий голос Саликсы. — Извини, Рангвал, но от твоей выходки аппетит только разгорается.

Все замолчали. Сверху так же молча немилосердно палило солнце, от лучей которого на голой вершине плато некуда было спрятаться. Молчание нарушил Горас, глядевший вниз, в сторону валявшегося под топами труп Стрингла:

— Слишком там тихо. Хотел бы я знать, что они замышляют.

Рангвал не утерпел:

— Может, я нагнал на них голод и они пошли шарить по лесу.

Поймав суровый взгляд Гораса, Рангвал осекся. Саликса успокаивающе погладила лапу друга:

— Что бы они ни замышляли, мы с этим справимся.

Виске несказанно везло. У него в подчинении оказалось больше зверья, чем за всю его нечестивую бандитскую жизнь. И все благодаря неожиданной смерти Стрингла и его собственному красноречию. Его силе убеждения. Ну и конечно, тому, что бурые крысы — отнюдь не самые сообразительные обитатели Леса Цветущих Мхов. Без приказов мудрого вождя они что рыба, вытащенная из воды. Обычно приказы градом сыпались из Грантана Кердли. Здесь его особу представлял Стрингл. Стрингла не стало, и крысы растерялись.

Виска достаточно быстро соображал, чтобы распознать в этом свой шанс. Он направил к крысам своих разбойников, чтобы пригласить крыс «на пару слов».

Крысы подтягивались и молча рассаживались на большой поляне. Числом они примерно вшестеро превосходили команду «Кривавой кешки». С мечом в лапе и с перекинутым через плечо кистенем Виска выступил вперед:

— Я капитан Виска Длиннозуб. Только что на моих глазах эти мерзавцы сверху, — Виска махнул в сторону мерзавцев сжатой в кулак лапой, — убили капитана Стрингла. Труссы, они побоялись сойти вниз и драться как положено. Они послали стрелу из лука. Как раз после того, как мы с вашим доблестным капитаном заключили соглашение.

Виска сделал ораторскую паузу, дожидаясь реакции крыс. Реакции он не дождался. Бурные глазели на него и не шевелились. Лис поднес лапу ко рту, прикрыл его сбоку, как будто собираясь доверить собравшимся какую-то тайну.

— Да, соглашение. И знаете, о чем?

Он так и не узнал, знали ли они. Никакой реакции крыс он и в этот раз не дождался.

— Соглашение о том, что мы объединим силы и вместе разобьем врага. Командовать мы со Стринглом собирались вместе, но теперь его убили, и вы будете подчиняться мне. Ведь у вас нет другого капитана.

Наконец раздался какой-то голос:

— Стрингл всегда ждал Грантана Кердли. Он ни чего без вождя не делал.

Виска зашагал к говорившему:

— Как тебя звать, друг?

— Гурба меня звать.

Виска остановился перед Гурбой:

— Послушай меня, Гурба. Капитан Стрингл ждал вашего вождя. Он ждал и ждал, а его зверей все убивали и убивали. И вот он устал ждать и заключил со мной соглашение.

Виске не понравилось выражение физиономии Гурбы. Вызывающая какая-то ухмылка на губах. Копье держит свободно, но наготове. Хорошее копьё, крепкое, с острым кремневым наконечником.

— Ты для меня не указ, — заявил Гурба. — Я буду ждать Грантана Кердли. И ребята мои тоже.

Казалось, Виска смутился под уверенным взглядом Гурбы. Он пожал плечами.

— Что ж... как хочешь... — пробормотал он, отворачиваясь. Но тут же сделал выпад назад.

Гурба не ожидал атаки. Брякнула цепь, раздался жуткий хруст проламываемого шипастым шаром черепа — и Гурба рухнул на травку.

Виска стоял улыбаясь, поигрывая кистенем.

— Гурба подождет Грантана Кердли. Кто еще хочет ждать, поднимите лапы. Есть желающие?

Желающих не нашлось. Виска удовлетворенно кивнул, подхватил меч и указал им на плато:

— Там, вверху, два полосатых, кролик, белка да кучка землероек. Вот и все, что стоит между нами и победой. Им не устоять против бравой команды морских разбойников и несметной армии бурых крыс.

Один хороший удар, и мы сотрем их в порошок. Такая мощная сила, как мы, не может проиграть. И мы без боя войдем в аббатство с красными стенами. Так я говорю?

Вышколенная команда «Кривавой кошки» тут же неистово завопила множеством глоток:

— Так, кэп! Ур-р-р-а-а-а! Йо-хо-хо-о-о-о!
Воодушевление морских разбойников заразило крыс.

Они вскочили, затрясли копьями и неистово заорали:

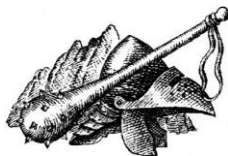
— Кердли, Кердли! Бей, дави-и-и-и! Й-йи-ха-а-а-а-а!

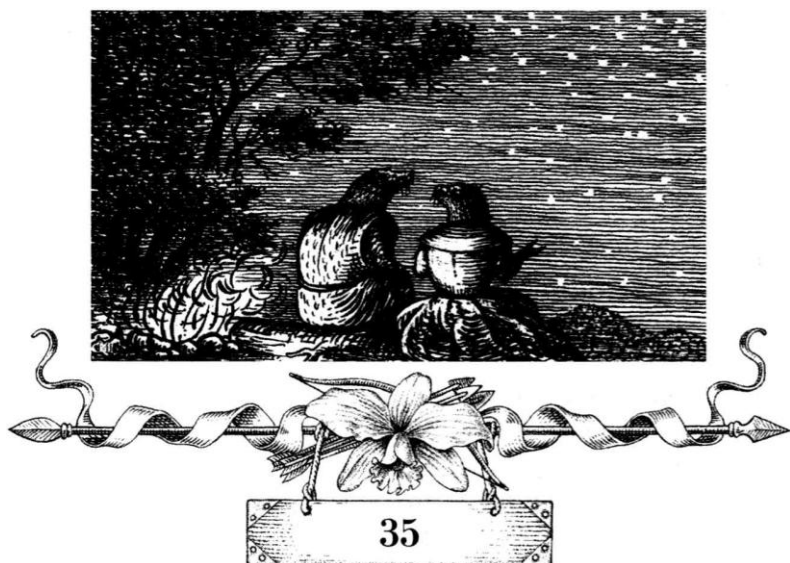
Виска дал им повопить, даже подирижировал мечом и кистенем. Когда орущие подохрипли, он взобрался на валун и призвал их к молчанию:

— Хватит, хватит! Я вижу, что вы добрые звери. — Он скосился на клонящееся к закату солнце. — Мы здесь заночуем. Глурма, набери помощников и накорми народ. Всем отдыхать, проверить оружие. А на заре нам предстоит дело.

Виска слез с валуна и мимоходом подозвал кое-кого из своей команды:

— Рагчин, Пятая Нога, Заплата, Билджер, Ферти! Разожгите костер подальше от крыс. Я с вами там потолкую.

Жаркий, сухой, пыльный день подошел к концу. Осбил и Барбаула шагали вдоль края плато, проверяли часовых. Они задержались у западной кромки, чтобы полюбоваться закатом.

— Прекрасный вид! — вздохнул Барбаула. — Только лучше бы им наслаждаться, стоя на пороге своего дома.

— Согласен, дружище. Но пока эта заварушка не кончится, о домашнем покое остается только мечтать.

Барнаула указал на огоньки в лесу:

— Глянь, огонь. Нечисть кучкуется.

Осбил взгляделся:

— Костров шесть или семь.

— Что ж, если нечисть разбила лагерь и жжет костры, сможем отдохнуть. Но часовым надо наказать не смыкать глаз. Мало ли что!

Осбил и Барбаула вернулись к маленькому, обложенному булыжником костру, у которого сидел Горас в компании Саликсы, Моды и Рангвала.

Большой барсук зевнул:

— Пожалуй, вы правы. Свободные от караула могут спать. Виска, должно быть, поужинал и кушет свои коварные планы.

Рангвал простонал. Барбаула повернулся к нему:

— Что с тобой, разбойник?

Рангвал пошевелил угли кончиком своего кинжала.

— Да ничего, просто напоминание об ужине...

Моди ткнула его в бок:

— Прекрати, еще не хватает, чтоб ты снова разыграл спектакль о еде, во!

Рангвал принял позу несправедливо обиженного:

— Вы скоры на язычок, дорогая, но в этот раз об ужине напомнил не я, а Горас, так-то вот. Эх, коль мне зажимают рот, не дают свободы слова, может, хоть спеть дадут.

Моди улыбнулась:

— Давай-давай! Бодрая песенка — что еще надо для поднятия духа?!

Рангвал откашлялся, приосанился, приготовился:

— Спасибо, мисс. Для разминки — пустячок, начинающийся со слов «Прошу, добавьте пудинга полмиски!».

Осбил угрожающе взмахнул лапой:

— Нет, нет, только не эту.

— Как скажете, сэр. Тогда могу предложить еще вечернюю песню «Сыр прекрасен, как луна». — По физиономиям окружающих он понял, что снова сделал неудачный выбор. — Не настаиваю! А вот любимые куплеты моей старой тетушки — «Земляничную солянку не разрезать топором»...

Моди подскочила к Рангвалу и обхватила его шею лапами:

— Хватит, бандит метлохвостый! Вот тебе выбор: либо ты прослушаешь мою веселую песенку «Как придурка придушить» с демонстрацией и иллюстрацией, либо спать уляжешься.

— Благодарю вас, мэм, выбор богатый. Прошу не тратить силы на исполнение вашей славной песенки, я отправляюсь на покой.

После этого над плато повисла тишина. Многие спали, некоторые думали о том, что может принести грядущая заря. Горас с Саликсой сидели у затухающего костра, вглядывались в усыпанное звездами небо.

— У тебя такой вид, как будто ты сейчас запоешь, — пошутила Саликса.

— Я? — усмехнулся Горас. — Петь? Нет-нет. Пел я, когда работал в поле на Северных островах. Иногда только для того, чтобы отпугнуть одиночество. Голос у меня не для пения. Я никогда не пел, когда кто-то был рядом.

Барсучиха взгляделась в его темные глаза, в отражающиеся в них звезды.

— Трудная у тебя была жизнь. Случалось ли тебе жаловаться на судьбу? На то, что она забросила тебя на дальний остров со стариками. Чувствовал ли ты присутствие в себе заклатья?

Горас провел лапой по шраму во лбу.

— Вот так же точно и бабушка говорила. Она упрекала его, что он сделает из меня безрассудного воина и я умру так же, как и мой отец. Но я ничего не боялся, работал за троих, радовался силе, ярости, сознанию того, что ничто не может мне противостоять.

Горас заметил, что Саликса вздрогнула. Он неосторожно слишком сильно сжал ее лапу. Тут же разжав лапу, он резко сменил тему:

— Хватит обо мне. Давай лучше о тебе поговорим. Уверен, что ты хорошо поешь.

Она кивнула:

— Люблю петь, но тихо, для себя. Иногда пе-ла для Табуры, ему нравится мой голос. Хочешь, спою для тебя?

Горас закрыл глаза.

— Больше всего на свете.

И она запела нежным жалобным голосом, тихим, но, казалось, облетавшим все плато и его окрестности:

Как бы мне туда добраться,
Как бы мне попасть туда,
В беззаботные сезоны,
В беззаботные года?

Там я сизнова увижу
Тех, что в памяти моей,
Тех, которых нет на свете,
Дорогих моих друзей.

Наши чаянья припомню
И о подвигах мечты,
Наша дружба, наши клятвы
Выплывут из темноты.

А когда сойдутся тучи
И запахнет вновь бедой,
С песней о любви и долге
Снова мы пойдем на бой.

И воителя, как прежде,
Я увижу наяву,
Где листву роняет осень,
Словно слезы, на траву.

Щит и меч лежат поодаль,
В одиночестве стою,
До рассвета буду думать
Думу горькую свою.

Дайте прошлое увидеть,
Чтоб навеки мне уснуть
И с друзьями повстречаться,
С теми, коих не вернуть.

Горас открыл глаза. Глядя в мерцающие угольки костра, он пробормотал:

— Никогда не слышал такой печальной и прекрасной песни. Где ты ее выучила?

Завернувшись в плащ, Саликса прилегла возле костра.

— Табура научил. Он сам сочинил ее давным-давно. Так он сказал.

Горас снова закрыл глаза.

— Табура — чудесный зверь. Хотел бы я провести с ним хотя бы несколько сезонов. Многому бы я у него научился.

Саликса помолчала.

— Он был моим Табурой. А теперь мне не суждено его больше увидеть. И тебе тоже, мой друг.

— Как? Почему? — вскинулся пораженный Горас.

— Табура сказал мне, что наши пути разойдутся, когда мы придем в Рэдволл. Я опечалилась, но Табура все объяснил. Он сказал, что обучил меня множеству вещей и теперь моя очередь обратиться к миру, учить и помогать. Он предрек нашу встречу на западной равнине возле Рэдволла и сказал, что нам с тобой суждено пройти по миру вместе, а ему — окончить дни свои в аббатстве. Теперь я понимаю, что он имел в виду, и больше не печалюсь. Моя обязанность — присматривать за тобой. Тебе пора уснуть, Пламенный Горас.

Горас послушно улегся, счастливый, ошеломленный, но уверенный, что больше не расстанется с Саликсой. Оба они заснули, оба отправились странствовать по тропам Страны Снов, обоих посетили видения. Горас увидел Мартина Воителя, Табуру, лорда Пепельный Глаз и того, в ком он узнал своего давно погибшего отца. Каждый из увиденных поведал молодым барсукам что-то важное, необходимое.

Моди не могла заснуть. Ее будоражило предчувствие приближающейся битвы. Кроме того, попробуйте-ка заснуть, если Рангвал храпит в ухо, как два диких кабана, хлебающих пойло из одного корыта. Она встала, отпустила двух землероек-часовых. К ней присоединилась Качуч, осанистая жена Барбаулы:

— К таким, как мы, мисс Моди, сон в такую ночь не идет.

— Особенно если рядом хранит Рангвал, — буркнула Моди.

— И если у землероек желудки урчат на всю округу, — охотно согласилась статная выдра. — Я думала, что уже битва началась, такой из них гул и грохот раздается. Приходилось уже сражаться, Моди?

Не отрывая взгляда от дальних костров, Моди ответила:

— Трудно избежать боя, если ты заяц Дозорного Отряда, во. Как вам кажется, мэм, эти костры у нечисти гаснут хоть чуть-чуть или горят все так же ярко?

Выдра взгляделась в даль:

— Вроде чуть пригасли. А что?

— Если огни гаснут, значит, возле них все спят. А если они горят так же ярко, значит, нечисть затевает какую-нибудь гадость, во.

Качуч поскребла хвост.

— Какую гадость?

— Старый фокус, мэм. Глупая уловка. Если они хотят застать кого-то врасплох, то оставляют сзади двух-трех чертовых негодяев, чтобы под-

держивать огонь. Чтобы враг думал, что они еще в своем лагере.

Выдра озадачилась:

— А что ж тут глупого?

— Во-во-во, подумайте. Кто будет оставаться на ногах, чтобы подбрасывать топливо в костры в летнюю жару? Не больше ли смысла выспаться перед боем, как спят наши друзья?

— Это верно, но если больше смысла выспаться, то чего ж мы тут расслаживаемся?

— Потому что еще больше смысла — следить за врагом, во! — Моды назидательно подняла лапу.

Качуч махнула лапой в сторону храпящих защитников плато:

— Это вы им скажите, сударыня.

Моды улыбнулась:

— Пусть отдыхают, во. Будем надеяться, что наши враги дрыхнут еще крепче.

Бурые крысы в своем лагере и правда действовали так, как предполагала Моды. Но Виска и его гвардия не спали, капитан объяснял свои планы:

— Бурые теперь наши друзья. Если эти друзья влезут завтра на каменную гору, они там всех крошат в труху, потому что их очень много.

Рагчин отважился на вопрос:

— Я вот думаю, кэп, а что, если этот Грантан Керд-ли появится?

— Умный вопрос, приятель. И вот что мы сделаем. Вы ему заговорите зубы, а я зайду сзади

и... — Он выразительно махнул своим кистенем и мечом. — Так что с ним разберемся.

— А нам что делать, кэп? — воспользовался случаем задать вопрос тщедушный Ферти. — Вести атаку?

— Нет, Ферти. — Виска подманил его поближе. — Ты, Пятая Нога, Рагчин, Заплата и Билджер все время держитесь меня. В атаку их поведут остальные наши. — Он оглядел пятерку избранных. — Но ежели что пойдет наперекосяк, ваша задача — обеспечить мою безопасность. Поняли?

Билджер решил уточнить:

— Э-э... смоемся, что ли, кэп? А куда?

Виска едва удержался от желания врезать этому недоумку по уху.

— Куда-куда! Обратно на судно, вот куда.

— А-а, — сообразил Билджер. — А я уж и запамтовал про судно-то.

— А вот кэп не забыл! — ткнул Билджера Заплата.

Виска с довольным видом кивнул Заплате:

— Верно, верно. Хороший капитан всегда заботится о судне и о команде. И я вас выбрал как лучших из лучших. А пока мы будем держаться сзади и заворачивать всех, кто вздумает отлынивать от боя. Мы должны победить, потому что сил у нас немерено и крысы их задавят. Ну а уж если... тогда я заору: «Вперед, храбрецы!» Это сигнал, и по этому сигналу мы рванем на судно. Много где еще можно найти жизнь веселую, пойдем на юг, в богатые земли с легкой добычей.

Пятеро избранных, конечно, не возражали. Чего ж возражать, если не надо идти в бой, да еще и с благословения капитана.

Рагчин заверил Виску от имени всех:

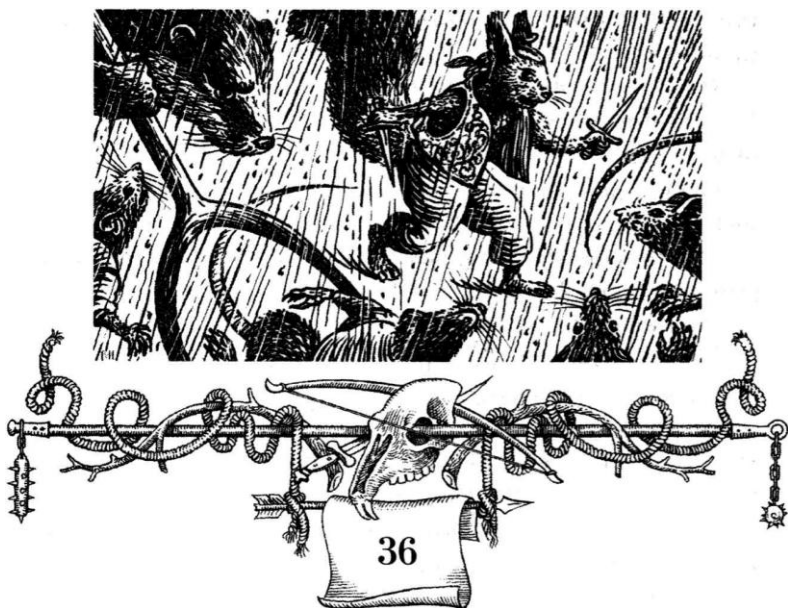
— Мы с тобою, кэп!

Виска кивнул:

— Перед зарей отправимся к скале. Внезапная атака застанет их врасплох. Ферти, скажи Глурме, пусть возьмет двух бурых крыс и поддерживает костры. Пусть те, наверху, думают, что мы завтрак готовим.

Ферти отправился будить Глурму, потряхивая головой. Умный у них капитан. Все до мелочей предусмотрел, ничего не упустил.

Дассвет пришел серый, без единого солнечного луча, укутанный мелкой моросью, в лесу переходящей в густой туман. Моды стояла на краю обрыва вместе с Рангвалом и Осбилом, пытаясь высмотреть что-нибудь внизу.

— Смотрим, смотрим... И что видим? — ворчал Рангвал. — Разве что кончик своего носа да вытянутую вперед лапу.

— Согласна, сэр, однако не слишком засматривайтесь на свой нос и лапу. Старайтесь высмотреть и выслушать что-нибудь подальше. Иначе нечисть неожиданно сядет нам на шею, во.

Впопыхах подбежала Качуч:

— Мисс Моды, я костры даже сквозь такой туман вижу!

Осбил недовольно поморщился в ответ на возмущенный рык своего пустого желудка:

— Чего ж им не гореть... У них там есть из чего завтрак приготовить.

Моди слизнула с губ капли дождичка.

— Не угадал, приятель. Какой там завтрак! Давай-те быстренько перекиньтесь словечком с нашими барсуками да все при полном вооружении — к краям, во! Чтобы нечисть ненароком через край не хлынула!

Виска Длиннозуб поплотнее запахнул плащ, стараясь спастись от всепроникающей промозглой сырости.

— Погодка — что надо, — утешал он себя. — Как раз для внезапной атаки. Ни ветерка, дождь, туман. Они и не поймут, что на них свалилось. Пятая Нога, Заплата, топайте к войску, гоните их в бой. Пусть первый отряд лезет. Как из виду скроются, посылайте второй. Да чтоб ни звука!

Половина крыс банды во главе с десятью членами экипажа «Кравявой кешки» поползли вверх. Еще десять головорезов Виски подгоняли их сзади, понукая отстающих. Кошмарное зрелище представляли они собой! В боевой раскраске, увешанные костями, вооруженные самодельными копьями и дубинами, погоняемые морскими разбойниками... Когда первая волна атакующих поднялась примерно на треть высоты плато, вслед пустились остальных.

Подъем оказался трудным. Крысы скользили на мокрых камнях и тут же увязали в месиве из глины и земли. Армия Виски, боясь капитанского гнева, усердствовала, носясь от крысы к крысе, подгоняя, подпи-

живая и подкалывая дикарей сзади. Опасаясь орать, они шипели на крыс:

— Живей, живей, не спать, шевелите толстыми задками!

— Веселей, веселей, ребятки, вас ждет богатая пожива!

Горас в сопровождении Саликсы и Моды обходил позиции, проверял готовность бойцов, состояние оружия. Моды видела, что землеройки рвутся в бой, поэтому все время их сдерживала.

— Берегите боезапас, не расшвыривайте камни, стрелы и дротики попусту, — убеждала она, помахивая пращей. — Туман, знаете ли, все искажает, во, в нем всякое иной раз привидится...

Молодой Гуосим, нервно теребя свою пращу, признался:

— И точно, мэм, мне уж столько раз привиделись в тумане их кошмарные рожи. Туман с глазами заодно. Сплошной обман зрения.

Моды потрепала его по плечу:

— Все будет хорошо. Подключай здравый смысл, во.

— Ха-ха, — встрял некстати Рангвал. — На грани нервного срыва — на краю обрыва.

— Очень остроумно, сэр, во... — начала отповедь Моды, но тут перед ней из тумана вынырнула синезелтая размалеванная морда бурой крысы.

Она взмахнула пращей, но Горас реагировал еще быстрее. Тычок вилами — и крысиный воин с полоторванной головой летит с откоса, сшибая товарищей.

Над плато грянули боевые возгласы:

— Еулалиа-а-а-а! Логалогалогало-о-о-ог!

Тут же откликнулся хор наступающих крыс:

— Кердли! Кердли! Бей, дави! Й-йи-ха-а-а-а-а!

Закипела битва.

Моди металась от одного места к другому, работая пращей, лупя взобравшихся крыс лапами, истощно вопя:

— Кр-р-ровь и укус! Еулалиа-а-а-а-а! Во-во-во!

Рангвал скакал по краю обрыва, зажав в лапах два кинжала, встречая нечисть острыми клинками и издевательским смехом.

Осбил увидел, как копьё бурой крысы пронзило сердце его воина. Он рванулся вперед, взмахнув рапирой:

— Смерть тебе, нечисть, я принес ее на острие моего клинка! Логалогалогало-о-о-о-ог!

Саликса старалась держаться рядом с Горасом, опасаясь, как бы он не впал во власть заклятия. Молодой воин размахивал вилами, как крестьянин в разгар трудового дня, без устали смахивая нечисть в пропасть. Иной раз он взмахивал вилами с насаженной на них крысой и запускал ее в следующего противника.

Саликса почувствовала, что дождь больше охлаждает правый бок.

— Ветер! — крикнула она.

— Еулалиа-а-а-а-а! — завопила Моди. — Конец туману! Сейчас мы увидим все их гнусные морды!

Ветер, как по волшебству, очистил воздух.

— О-о-о, сезоны страха! Дорогая зайчиха, лучше б вы не произносили этого заклинания. Любуйся теперь на их гнусные рожи!

Зрелище открылось впечатляющее. Все склоны казались живыми от наступающих крыс и морских

разбойников. Всех их было бы не уместить на плато. Моди свирепо размахивала трофейным копьем, сбрасывая с утеса крысу за крысой.

— Так я их побольше захвачу с собой, если на то пошло, во! Они дорого заплатят за этот утес.

Виска Длиннозуб выступил из своего укрытия, обнажив клыки в торжествующей ухмылке. Он увидел, что крысы начинают одолевать защитников плато.

— Всех в зубы дьявола! Наша взяла!

Почти половина крыс первой волны уже вскарабкалась на плато. Второй ряд наступления тоже подкапывал к вершине. Рагчин приплясывал от радостного возбуждения:

— Победа, кэп, победа! Йо-йо-хо-хо-о-о-о!

Взобравшийся на край плато морской разбойник, услышав клич товарища по команде, обернулся к нему и взмахнул клинком.

— Йо-йо-х-х-х-х... — начал он победный вопль, но тут же свалился с пронзенным стрелой горлом.

— В чем дело? — возмущенно спросил Виска Рагчина, как будто обвиняя его в происшедшем.

И тут же услышал за собой оглушительный вопль:

— Рэдво-о-о-о-о-олл!

Орквил Принк и аббат Даукус вели за собою громадное войско. Десятки белок-лучников осыпали стрелами ползущую по склонам и откосам нечисть. Они прошли к месту боя, не спускаясь наземь, по деревьям, и сейчас стреляли, взобравшись на самые верхние ветки. Огибая стволы деревьев и кусты, вперед стремились кроты, ежи, мыши, выдры и землеройки, вооруженные кто чем, яростно вопя:

— Рэдво-о-о-о-о-олл!

К Виске подбежали несколько его матросов и быстрые крысы. Ошеломленный Джанго не мог осмыслить происшедшего:

— Кэп, что случилось? Мы уж вроде победили, а тут откуда-то стрелы с деревьев.

Виска рассмеялся, потрепал Джанго по плечу и прошелся между крысами и своими разбойниками, похлопывая их по плечам и спинам:

— Ничего особенного, друзья. Я этим сейчас займусь. — Подтолкнув Джанго в направлении плато, он подмигнул своей гвардии. — Вперед! Вперед, храбрые!

Джанго и вся остальная братия потрусили к плато, а Виска обернулся к пятерым избранныкам:

Пора на борт!

Обстановка на плато изменилась. Нечисти поубавилось. Карабкавшиеся вверх бандиты передумали и спешно спускались. Виска Длиннозуб воинственно размахивал мечом и кистенем, но войско на него уже не обращало внимания, оно прислушивалось теперь к воинственным воплям землероек Гуосим и увертывалось от летящих сверху трупов товарищей по оружию. Оказавшись зажатыми меж двух огней, крысы стремились избежать того, чего боялись больше всего на свете, — окружения, тупика. Настало время расплаты.

Моди все так же носилась, прыгала, колотила противника, которого становилось все меньше и меньше. Рангвал задержал ее, крепко сжал лапу:

— Мы спасены, дорогая, к тому же еще и нашим героем Орквилом, что в два раза приятнее.

Обоих чуть не снесла лавина Гуосим, несущаяся за Осбиллом, размахивающим двумя рапирами.

— Мы спели Песнь Клинка, ребята! Вперед! Лога-лога логало-о-о-о-ог!

Поддавшись их порыву, Моди и Рангвал тоже полезли вниз, в едином порыве преследуя противника. Горас и Саликса постояли, наблюдая за происходящим, затем барсук вскинул на плечо вилы и повернулся к Саликсе:

— Я должен идти, дорогая. Следовать видениям...

Она понимающе кивнула:

— Иди. Я последую за тобой, как велят мои сны.

Он молча коснулся Тунгом пламенного пятна на лбу, салютуя Саликсе, и двинулся в путь, спускаясь с противоположной стороны плато. Последней плоскую вершину покидала Саликса, полная решимости исполнить свой долг.

Ноже утром дождь иссяк, ветер выдохся в бессильные дуновения, в неслышный шепот. Лес как будто вспомнил, что лето еще не закончилось. Виска вел пятерых своих подчиненных, то и дело оглядываясь, опасаясь преследования. Промокшие звери остановились, огляделись. На юге виднелась колокольня Рэдволла. Лис повернулся к северу:

— Брод и борт в той стороне.

Ферти наострил уши:

— Кэп, за нами кто-то увязался.

— В канаву, быстро!

Они попрыгали в канаву, отделявшую тропу от равнины. Канавка оказалась местом весьма грязным, к тому же заросла крапивой, однако недовольства никто не проявлял. Все сжались на дне, а Виска вы-

сунул нос, прикрываясь пучком травы. Он облегченно вздохнул, услышав знакомое хихиканье.

Толстуха Глурма, старый корабельный кок, переваливаясь с лапы на лапу, подковыляла к канаве.

— Хи-и-хи-и, задумали удрать без старой Глурмы, шалуны.

Виска нахмурился:

— Кто-нибудь еще за тобой?

Глурма уселась на тропу.

— Не-е, кэп, только я. Остальные ждут, должно быть, когда их впустят в Темные Леса.

— Ладно, старая, полезай в канаву.

Глурма потянула воздух носом. Запах ей не понравился.

— Не-е, кэп, сезоны мои не те, в грязи тонуть. Я уж лучше по тропке потихонечку.

Виска поманил ее лапой, как будто собираясь доверить что-то секретное. Любопытная Глурма пригнулась, подставила ухо. Она даже не заметила, как взметнувшийся в воздух шипастый металлический шар врезался ей в голову. Виска недовольно отступил в сторону.

— Старая дура. Выдать нас захотела. «По тропке потихонечку...» Суньте ее в грязь, спрячьте. Пусть отдохнет.

Привыкшие ко всему бандиты ужаснулись, увидев, как капитан разделался с корабельным талисманом. Они спешно принялись выполнять распоряжение.

— Дальше пойдем по канаве, — бросил Виска. Так безопаснее.

А в лесу возле плато Орквил воссоединился с друзьями. Рангвал ерошил иголки на его голове, приговаривая:

— Да, а мы уж боялись, не увидим тебя больше... Да, а мы-то уж совсем отчаялись... Куда ты пропал?

Орквил поведал, что с ним приключилось:

— Я лез с вами по скале, темно было. Зацепился за что-то, свалился. Во что-то головой врезался, иголки сломал... А главное, в глазах потемнело, сознание потерял. Очнулся, как во сне, и куда-то побрел, сам не знаю, куда и зачем. Не совсем очухался. А вокруг бурокрысы, пираты, кишмя кишат. Ну, я туда, где их меньше. Вышел к Рэдволлу. Доложил все аббату и старому барсуку. Табура его зовут, так ведь?

Рассказ продолжил аббат Даукус:

— Мы сразу решили, что вас надо выручать. Я выступил из аббатства со всеми, кто способен драться, а Табура ударил в колокола. Такой звон поднял! На этот набат соседи откликнулись, многие, мы не ожидали, что нас так любят в округе. Табура всех посылал за нами вдогонку.

Моди прибежала поздравить Орквила:

— Во-во-во, с фронта и с флангов, справа и слева, бравый герой Орквил, наша гордость и краса! Такую армию привел!

— А ты ведь здесь не всю армию видишь, Моди, — просветил зайчиху Рангвал. — Остальные храбрецы преследуют нечисть в лесу. Можно надеяться, что к вечеру больше не останется здесь грабителей и убийц.

— Особенно если за дело возьмется друг Горас, во. Кстати, куда он девался? Он ведь мой подопечный... ну, частично.

— Вон Саликса идет, сейчас узнаем, — сказал Осбил.

Аббат Даукус пожал лапу барсучихе:

— Славно вы держались, мэм. Особенно ваш друг Горас. Где он сейчас?

Саликса ответила кратко, одним словом:

— Ушел.

Уши Моды стрельнули в небеса.

— Как ушел? Кто разрешил? Куда ушел? Один ушел? Хорошенькое дельце, во-во-во-во-во!

Аббат придержал Моды за лапу, прежде чем обратиться к Саликсе:

— Мне кажется, что вы могли бы рассказать нам немного больше. Прошу вас, скажите, куда ушел Горас.

И барсучиха объяснила:

— Горас отправился выполнять заповеданное ему во снах. У меня свое предназначение, и я должна ему следовать. Орквил, если ты хочешь вернуть меч Мартина, сопровождай меня. Моды, тебе тоже следует идти со мной, чтобы Горас смог выполнить то, что ему предначертано. Идти надо сейчас, немедленно.

— Откуда сон, мисс? — поинтересовался Бенджо Типс.

— Сон послали мой Табура и ваш Мартин.

— Что ж, да сопутствует вам удача! — напутствовал аббат.

Рангвал сжал рукояти кинжалов.

— Я с вами, мисс, если позволите вас сопровождать.

Командор Рорк переглянулся с кузеном Барбаулой:

— Я бы тоже присоединился. А ты как, Барб?

Барбаула встряхнул дротиком. Следующим высказался Осбил:

— Для завершения картины вам не помешает землероек добавить чуток.

— Благодарю вас, друзья, — с улыбкой поклонилась Саликса. — Прощу со мной.

Пламенный Горас шагал тропой судьбы. Лапы уверенно печатали шаг, в голове голоса указывали ему путь. Он рвался на север, перед глазами мелькали картины, вспышки и затемнения, улыбка лиса и металлический шар с шипами. Удар! Другой! И он лежит без сил на земляном полу маленького домика.

Пламенный Горас стремился к мести. Треск кустарника отдавался в его сознании издевательским смехом пиратской команды, плеск ручья — забортовой водой, которой его окатывали из кожаного ведра. В крике чаек чудились предсмертные стоны престарелых деда и бабки.

Пламенный Горас следовал указаниям невидимых сил, слышал повелительные голоса. Голод, железная цепь, ржавый замок. Штормовое северное море. Адская боль в голове. Снова грубый смех, желтые клыки капитана пиратов... Насмешки и издевательства...

Он огибает замшелые стволы выдавших многие сезоны деревьев, грудь его вздымается, как кузнечные мехи, вилы зажаты в лапе железной хваткой. Солнце и тень листвы, папоротники и травы, птицы взлетают, уступают дорогу ведомому судьбою гиганту.

Убедившись, что сзади никого, Виска сбавил скорость. Неудача с Рэдволлом и вынужденное бегство горько явили его самолюбие. Теперь осталось лишь укреплять авторитет капитана команды, сжавшейся до жалкой кучки павшего духом зверья. Заросли крапивы в канаве закончились, солнце подсушило дно. Виска сел на камень, дал команде отойти подальше и крикнул им вслед:

— Эй, куда разогнались? Спешить некуда. Присядьте да передохните, ребяташки.

Пятеро опасливо оглянулись, вернулись, расселись перед ним. Он презрительно обзрел их, одного за другим:

— Чего вы так торопитесь? Как вспугнутые мухи.

Джанго зачем-то поторопился с ответом, причем ответ выбрал не самый удачный:

— Ты сам хотел побыстрее унести ноги, кэп. Ты же боялся, что полосатый увяжется за нами.

Глухой удар — и труп Джанго рухнул на подсыхающее дно канавы. Лис даже не поднялся с места.

— Ты сказал, что я боялся? — спросил он у покойника. — Виска Длиннозуб никого никогда не боялся. Кто-нибудь еще хочет высказаться?

Нет, никто с высказываниями не торопился. Виска отложил кистень, вытащил меч, воткнул его в дно канавы и, не отрывая взгляда от дрожащего клинка, продолжил беседу с трупом. Вот самый прекрасный меч, который только может существовать на свете. И этот меч — мой. Но я еще никого им не убил. Ха-ха, может, на ком-нибудь из вас испробовать? — Он повернулся к четверым оставшимся. — На ком первом? Следите за речью, милые мои.

Однако никто ему не ответил, да и некому было отвечать. Пока он любовался мечом да трепался с покойником, остатки его команды предпочли ретироваться подальше от греха. Он остался в канаве один. Он вскочил на камень, выглянул наружу. Тропа пуста. Между деревьями никого. Он обернулся и увидел беглецов на равнине. Они неслись к западу. Виска пожалел, что не может мгновенно заменить кистень — да хотя бы и меч! — на лук со стрелами. Оставалось только орать.

— Вернитесь, трусы! Я ваш капитан, я приказываю вернуться! Назад! Немедленно назад! — надрывался он.

Но они как будто не слышали. Кроме одного. Малый Ферти задержал бег, обернулся и прокричал:

— Не дожدهшься, долголапый! Ты, капитан без команды!

Виска свирепо взмахнул мечом.

— Назад! Догоню кишки выпущу!

Ферти презрительно фыркнул:

— Кишка тонка, придурок!

И гадкий крысеныш припустил за остальными дезертирами. Взбешенный Виска вылез из канавы и понесся за беглецами. Однако догнать их не смог. Их подстегивал страх, а ему мешали тяжелые кистень и меч. Виска остановился, вывесив язык из пасти и тяжело дыша.

Наглый Ферти снова остановился, даже шагнул навстречу своему бывшему капитану:

— Ты теперь один, грязная скотина!

Впервые в голосе Виски прозвучали жалобные нотки:

— Ферти, друг, что я тебе сделал плохого?

Ферти подхватил камень и швырнул в Длиннозуба.

Камень немного не долетел до цели, и Ферти досадливо поморщился:

— Ничего плохого, кроме зуботычин, да затрещин, да пинков, да ругани... Подлый убийца! Глурму... Уж Джанго-то этот никому вреда не сделал, ни для кого опасен не был. Надеюсь, твою мерзкую рожу больше не увидеть.

Ферти отвернулся и пустился прочь, более не оборачиваясь.

— Да черт с ними, с неблагодарными тварями. Гнусные дезертиры... Как я теперь без команды с судном-то управлюсь?

И он погрузился в горькие размышления о неудачах, незаслуженно выпавших на долю столь выдающегося капитана, как Виска Длиннозуб. При мыслях о суде ему вспомнились двое матросов, которых он

оставил его охранять. Имен их он не помнил, да это и не важно. И без имен хороши. С двоими-то помощниками он сможет управиться и с парусами, и с рулем.

Приободрившись, Виска продолжил путь, уже составляя планы дальнейшей деятельности. Команду собрать нетрудно. Виска знал два способа, как пополнить команду. Первый — служи или подохни. Но второй гораздо привлекательнее. Дальние края, несметные богатства, интересная жизнь морского героя! Есть чем приманить сельских остолопов.

Виска даже засмеялся. Все же ему везет, как и положено. Где теперь его команда? За кого уже черви принялись, кто рыщет по лесу, плутая и вздрагивая от треска каждого сучка. А у него есть судно, добрый друг кистень и неподражаемый меч, какого нет ни у кого из живущих. А команда дело наживное. Великое счастье — служить такому капитану, как великий Виска Длиннозуб!

Моди постоянно забежала вперед, опережая Саликсу, Осбила, Орквила и Командора. Они обогнули плато и следовали через лес по тропе, проложенной Горасом. Зайчиха заметила мимоходом:

— Хорошо, что нам не нужен опытный следопыт, вынюхивать, выпрашивать да выслушивать каждую травинку. Наш большой друг проложил тут большую дорогу.

— Да, по-видимому, к нему вернулась уже вся бывшая сила,— кивнула Саликса. — Осбил, далеко еще до брода?

Осбил неуверенно почесал нос.

— Точно не скажу, мисс. Вот если б по тропе шли... Командор, как думаешь?

Командор глянул на солнце.

— Если продолжим в том же темпе, дойдем к вечеру. А почему вы думаете, что наш большой друг направился к реке?

— Потому что Горас идет за лисом и его командой, а они направляются к броду, к своему кораблю, — ответил Орквил. — Если они выйдут в море, их уж не поймаете. Верно я говорю, мисс Саликса?

Барсучиха не отрывала взгляда от следа.

— Я знаю только то, что мне сказали сны. Судьба моя связана с судьбою Гораса, мой долг — следовать за ним.

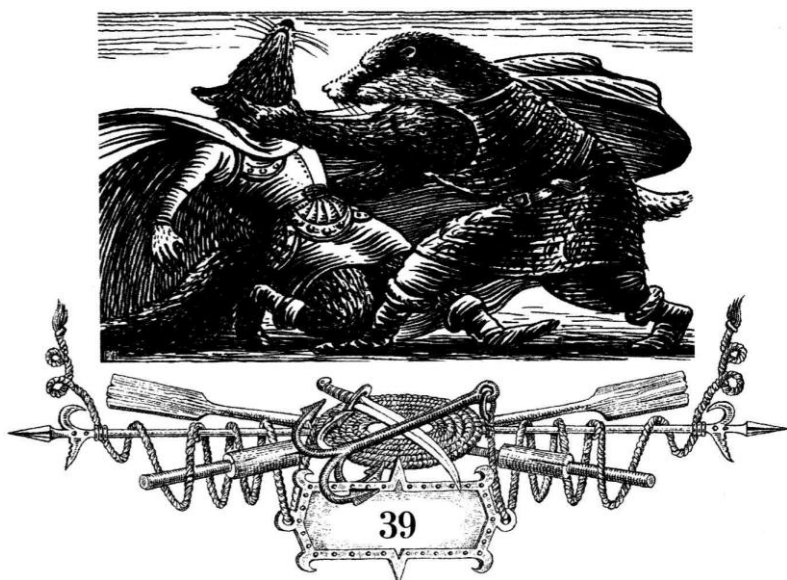
— Что касается меня, — добавила Моды, — то я просто выполняю долг по приказу лорда-барсука и моего майора, и хотела бы я на себя посмотреть после того, как я вернусь в Саламандастрон без нашего друга. Всю жизнь мне после этого гальюны драить, во.

— Не волнуйтесь, дорогая, конечно, мы разыщем вам Гораса, — с чарующей улыбкой успокоил ее Рангвал.

— Конечно, а я буду сидеть и ждать, пока вы его для меня разыщете, во! — возмущенно огрызнулась зайчиха.

— Давайте не будем тратить силы на споры, а лучше ускорим шаг, если мы хотим догнать Гораса, — положила конец пререканиям Саликса.

Вперед самым бродом в тихих водах реки Мох дремала на якоре «Кривая кешка». Два хорька, оставленные для охраны судна, Бол и Видж, наслаждались безмятежной и спокойной жизнью. Лежа на юте, они неторопливо расправлялись с флягой грога из судовых запасов. От ног их в воду уходили лески, Видж подтягивал и отпускал свою, следя за движением ее в воде.

— Двигай, двигай свою! Так мы за целый день ничего не поймаем.

Партнер его надвинул на лоб самодельную шляпу из листа лопуха, затенив глаза.

— Похоже, рыба сегодня такая же ленивая, как и мы, приятель. Мне даже шевелиться неохота.

Видж зевнул:

— А придется. Иди за следующей флягой, эта пустая, смотри.

Он опрокинул флягу надо ртом, высунув язык. Из фляги лениво выползла единственная капля, нерешительно повисла на горлышке и, повисев там, оторвалась и шлепнулась Виджу на нос. Он слизнул каплю и швырнул пустую флягу в реку.

Бол закрыл глаза и издал храп.

— Видишь, я сплю и тебя не слышу, — ответил он. — Так что топай сам.

Видж лениво швырнул в партнера затычкой от фляги, но промахнулся.

— Я в прошлый раз ходил. Твоя очередь.

Бол ухмыльнулся:

— Твоя правда, не спору. Но я не могу, потому что я самый-пресамый ленивый зверь на судне.

Видж принял игру и тоже закрыл глаза:

— Нет, я самый-пресамый ленивый-преленивый. Я с места не сдвинусь, даже если мы сейчас тонуть начнем.

Бол чуть подумал и сделал следующий ход:

— Не-е, это еще не самый-пресамый. Я самоее-пре-самее. Я не двинусь с места, даже если наше корыто вспыхнет.

Над их головами вдруг раздался тяжкий рокот, и оба зверя оказались придавленными к палубе древком громадных вил. Голос, от которого кровь застыла в жилах хорьков, принадлежал громадному барсуку.

— Родичи мои не были лентяями. Просто старые, больные звери. И потому они не смогли спастись из горящего дома.

Бол и Видж зажмурились под взглядом двух громадных горящих глаз. Они наперегонки забормотали:

— Это не мы, клянусь, не мы!
— Нас там и близко не было, сэр, честно!
— Мы всегда караулим судно, как и сейчас.
— Капитан нас целыми сезонами на берег не отпускает!

Барсук прижал их сильнее:

— Вернулся ваш капитан?

В ужасе, визжа от боли в груди, хорьки попытались ответить:

— Н... Не, нет... еще не вернулся.

— Мы не знаем, когда он... у-у-у-у!

Горас поднял вилы:

— Встать!

Они с трудом поднялись, выпрямились, поскуливая и придерживая треснувшие ребра.

— Пощадите, сэр, не убивайте нас!

— Мы всего лишь сторожа. Вам нужен капитан Виска, но остерегайтесь, он очень опасный зверь.

Горас на мгновение замер и мощным усилием воли подавил в себе вздымающуюся волну боевого бешенства. Он взмахнул вилами и воткнул их у самых лап перепуганных хорьков. Схватив сторожей за загривки, он мощным рывком оторвал их от палубы. Хорьки истошно завопил и:

— Пощады! Смилуйтесь!

Барсук с шумом втянул воздух и швырнул обоих хорьков за корму. Перегнувшись к ним, он оскалил зубы:

— Убирайтесь на север. Сгиньте, пока я не передумал и не убил вас.

Горас отвернулся от них, зная, что, когда он повернется в ту сторону снова, увидит лишь мутный след в воде, оставленный двумя беглецами.

Барсук вытащил из досок оружие, замер на какое-то время, стараясь успокоиться. Затем спустился в камбуз, сел. Почувствовал жажду, осушил кувшин воды. И принялся ожидать появления лиса.

Дневная жара отступила, близился вечер. Над затихшей рекой сновали голубые стрекозы, щука выпрыгнула, пытаясь изловить нахальную муху, ловко увернувшуюся от ее зубастой морды. Луговая бабочка опустилась на стебель травы в опасной близости от ноги Виски Длиннозуба.

Виска не замечал красот позднего лета, даже бабочку не прихлопнул — тоже не заметил. Он лежал на берегу, укрывшись в высокой траве, наблюдал за своим судном. На палубе пусто. Он несколько раз бросал в борт камушки, но и стук их о деревянную обшивку тоже никого на судне не беспокоил. Были бы с ним подчиненные, он направил бы их на разведку. Что ж, приходилось идти самому.

Он осторожно приблизился к скрытому под водой швартову, потянул за него. Судно медленно приблизилось к берегу, заскребло по дну реки. Виска проплепал по воде, полез на борт. Меч Мартина стукнулся о фальшборт. Лис напряженно замер. Тихо. Он вытащил меч, снял с шеи кистень, крикнул:

— Эй, охрана! Ругаясь про себя, осознал, что не помнил имена хорей. — Лентяи, остолопы, где вы там?

Любопытная чайка пронеслась мимо, капнула на палубу пометом. Виске показалось, что со стороны камбуза донесся какой-то неясный звук. На морде его появилась знаменитая опасная улыбка. Старая история! Только оставь их одних, и все, чем они за-

нимаются, — сон, обжорство и уничтожение запасов грога. Ну, пришел миг расплаты! Он уже собрался открыть дверь камбуза, когда инстинкт заставил его задержаться. Если охранники на судне, почему они не откликнулись на сигналы и на крик капитана? Спят? Почему тогда не слышно храпа. В двери Виска заметил крохотную щелочку и прильнул к ней.

Горас слышал, как лис поднялся на борт. Молодой барсук стоял перед дверью, направив на нее вилы. Он услышал тихие шаги врага и приготовился. Но тут все смолкло. Снаружи ни звука, лишь узкая полоска солнечного света проникала сквозь едва заметную щелочку. И вдруг она исчезла.

Барсук сразу понял, что пират наблюдает за ним сквозь эту щелочку.

— Еулалиа-а-а-а! — завопил он и мгновенно вонзил вилы в дверь.

Зубцы выскочили с противоположной стороны почти на всю длину, но лис успел отскочить и тут же увидел свой шанс на спасение. Он врезался в дверь, распахнув ее. Барсук оказался у перегородки с обломком древка вил в лапах, а на него несли Длиннозуб, размахивая мечом и кистенем.

Прижатый к стене, зажав в лапах лишь кусок дерева, Горас оказался в затруднительном положении. Он с трудом увернулся от удара кистеня. От перегородки полетели щепки.

Виска вновь обрел уверенность. Ему противостоял не зрелый боец, а сосунок, зеленый недоучка, хотя, конечно, и очень большой. Вооруженный какой-то палкой. Более того, глаза полосатого пса не были окрашены кровью. Выходит, он утратил способность погружаться в боевую ярость?

Лис ослабил натиск, решил поиграть с жертвой. Он слегка царапнул барсука кистенем по голове.

— Вот тебе еще отметинка, Каменная Башка. А я подумаю, чем тебя теперь наградить. Глаз выбить, что ли? Или носа лишить для начала?

Виска куражился, размахивая кистенем и мечом, издеваясь над беззащитным здоровенным дурнем, как и в былое время, точно так же, ничто не изменилось. Он все тот же грозный капитан. Вот от палки полетели щепки. Вот лис чуть не отметил мечом лапу барсука. Он теснил Гораса, наслаждаясь собой и не замечая, что Горас приблизился к двери.

— Как тебе нравится мой новый меч, полосатый? Чудо-оружие. Я мог бы им снести твою каменную тупую башку одним ударом. Но я начну с ушей, ха-ха. Пстой-ка...

Но Горас поступил наоборот. Одним прыжком он выскочил в открытую дверь, из которой торчали вилы. Обеими лапами он рванул древко вил, его оставшуюся длинную часть, и выломал его из гнезда с металлическими зубцами.

В этот момент к берегу подошла группа во главе с Саликсой. В лапах Рангвала мгновенно оказалось два кинжала, но Саликса удержала его:

— Это бой Гораса. Он не поблагодарит тебя за помощь.

Моди возмутилась:

— Но это же форменное жабство, во! Этот мерзавец вооружен до чертовых зубов!

— Мой друг следует предначертаниям судьбы, предостерегла всех Саликса.— Не вмешивайтесь, верьте в Гораса. Смотрите!

Противники оказались на палубе. Виску не слишком озаботило бегство жертвы.

— Был у тебя шанс умереть быстро, полосатый, но ты им пренебрег. Подохнешь медленно и мучительно. Я на куски тебя покромсаю.

Горас молниеносно взмахнул длинной частью древка вил.

Хрусь!

Страшный удар сломал лапу, в которой Виска держал меч. Лис издал вопль боли и ужаса. Меч Мартина описал в воздухе дугу и воткнулся в дно на мелководье. Горас спокойно ждал, пока лис размахнется кистенем. На этот раз барсук перехватил древко горизонтально двумя лапами и подставил его под цепь. Цепь с шипастым шаром намоталась на дерево, и Горас резким движением вырвал кистень из лапы лиса. Виска в ужасе замер, а Горас небрежно швырнул палку с кистенем в реку.

На берегу раздался ликующий вопль. Горас не обратил на него внимания. Одной лапой он поднял лиса над палубой, другой обхватил морду.

— Я никогда не был твоим рабом. Теперь я больше не раб Жажды Крови. Такова моя судьба. А вот твоя судьба.

Моди вздрогнула. Все остальные тоже вздрогнули от жуткого сухого звука. Позвоночник Виски сломался, как сухая ветка. Горас швырнул труп лиса в реку.

Горас помог Саликсе подняться на борт. Крепко сжимая его лапу, она сказала:

— Ты победил его, не прибегая к заклятию. Хотя я и усомнилась, услышав боевой клич.

Горас улыбнулся:

— Просто мне нравится этот клич. Я твердо знал, что управляю собой.

На берегу Орквил Принк размахивал толстым шестом, который он вырубил из ивы мечом Мартина.

— Капитан Горас, я обнаружил новое древко для Тунга. Прошу разрешения подняться на борт.

Барсук качнул головой в сторону Саликсы:

— Обратитесь к моему первому помощнику.

Саликса засмеялась:

— На борт подняться разрешаю. Но сначала пароль. Моди его хорошо знает, как и все в Саламандастроне.

Бешеная Моди Магзбери Тропл запрокинула голову и завопила во всю заячью глотку:

— Еулалиа-а-а-а-а!

После чего все взошли на палубу.

Счастливый Орквил взмахнул мечом Мартина и воскликнул:

— Друзья, я придумал новое имя для этого корабля. Угадайте — какое?

— Еулалиа-а-а-а-а! — раздался дружный крик.

Юный еж выглядел несколько разочарованным такой догадливостью друзей, но через мгновение присоединился к общему смеху.

Сгущался вечер. На палубе совещались, принимали решения. Переименованное судно решено было направить в первое плавание к Саламандастроу, чтобы завершить миссию Моды. Недостатка в добровольцах не было, каждый хотел принять участие в таком знаменательном рейсе.

На подготовку ушло три дня. В лесу собирали провизию. Землеройки старались сделать так, чтобы на борту ничто не напоминало о разбойниках. Рангвал искусно удалил с борта старое название и нанес новое.

Много гадали, кого сделать капитаном корабля «Еулали-а!». Предлагали Командора, Барбаулу, Осбила. Но Саликса решила вопрос, предложив Орквила. Это предложение с энтузиазмом поддержали Моды и Рангвал.

Вечером перед отходом Рангвал шептал на ухо Моды, глядя на вышагивающего по палубе Орквила:

— Прирожденный морской волк! Где он только выудил эту шляпу и сапоги?

Моди подавила смешок. К ним приблизился Орквил.

— Добрый вечер, капитан Орквил. И доброго вам завтрашнего дня, во.

Орквил небрежно махнул зайчихе лапой:

— О мэм, знаете, эти дальние походы... они так похожи один на другой...

Шляпа с пером неожиданно сползла ему на глаза, он споткнулся о шпагу, чуть не выскочил из громадного сапога с отворотом, споткнулся еще раз и рухнул на палубу. Он, однако, тут же вскочил, оправился и устоялся на белку и зайчиху, ожидая, не засмеются ли они.

— Гм, река сегодня несколько беспокойна, осторожнее на палубе.

Рангвал покосился на реку, спокойную, как дворовая лужа.

— Да, капитан. Я выйду на вахту на случай, если волны хлынут на палубу и смоют кого-нибудь за борт.

Еж чинно кивнул:

— Если во мне возникнет надобность, я в своей капитанской каюте. Доброй ночи!

Пытаясь справиться со шпагой, сапогами и шляпой, он поковылял к корме.

К Моды и Рангвалу подошли Горас и Саликса, глядя вслед Орквилу.

— Я обязан этому ежонку свободой, — сказал Горас. — И он многому научился за это время.

Саликса сжала лапу Гораса:

— Мы все многому научились.
— Конечно, во! — добавила Моды. — И мы достаточно молоды, чтобы еще многому-многому научиться.

Вечернее солнце освещало кузницу Саламандастрона, смягчая грубые скальные стены. Старый лорд Пепельный Глаз сидел на широком подоконнике, наслаждаясь теплом и тишиной. Шумы моря сообщали барсуку о приливах и отливах. Еще один знакомый звук: резкий стук стека майора Маллина в дверь.

— Войдите! — откликнулся лорд Пепельный Глаз.

Майор появился не один. Он погонял перед собой Ферпса и Трингл, впряженных в кухонную тележку. Молодым зайцам доверили доставить лорду предвечерний чай. Маллин, столкнувшись с зайцами перед дверью, не упустил случая дать одно-другое руководящее указание:

— Спокойно, спокойно, во, не на гонках! Что у нас там сегодня наколдовала кухня?

Трингл метнула в майора дротики своих длинных ресниц:

— Ромашковый чай, мятный чай, сэр, во, набор сэндвичей, темный торт «Подарок повара», ну и обычные лепешки со всякой всячиной.

Лорд Пепельный Глаз одобряюще кивнул:

— Прекрасно, прекрасно. Слышал я, вы успешно прошли испытания на разведчиков-бегунов. Примите мои поздравления.

Ферпс и его сестра вытянулись и вскинули лапы в салюте.

— Большое спасибо, сэр, трудные были экзамены, но мы их полностью выдержали, блестяще, во, во, правда, Трингл?

— Форма еще не готова, так мы носим зеленые повязки, милорд, во.

Пепельный Глаз слегка потрепал зайцев за уши:

— Уверен, вы станете добрыми бойцами. Но помните старую истину: не в форме суть, а в том, на ком эта форма надета.

Майор Маллин перенял у молодых зайцев тележку.

— Спасибо, ребята, возвращайтесь в столовую, хватит надоедать милорду своей трескотней.

Ферме и Трингл отсалютовали, но тут Пепельный Глаз снова открыл рот:

— Пусть останутся, майор. Пообщаемся с молодежью. Присядьте, милые, выпьем чайку. Малл, побудь нам доброй матушкой, будь так добр.

Польщенные зайцы засияли, заулыбались и мигом освоились с изменением обстановки.

— Матушка, мне две ложки меда в чай, пожалуйста!

И мне! И вон тот огуречный сандвич, во!

— Вот я вам завтра на смотрю хвосты намажу медом, добродушно проворчал майор.

Пепельный Глаз усмехнулся:

— Ну-ка, сорванцы, побудьте мне глазами. Что там сегодня на море видать? Как оно с виду?

— Как обычно, синее, сэр, во.

Нет, скорее, синевато-зеленоватое, во, во.

— Или зеленовато-синеватое.

— Ну, зеленовато-бледно-синее с белыми пятнышками, во-а.

Пепельный Глаз повел громадной лапой.

— Давайте-ка хорошенько посмотрим. Что делает ветер с поверхностью? Какая рябь — крупная или мел-

кая? Как волны накатывают на берег? Как ведут себя чайки и бакланы?

Ферпс попытался:

— Волны, сэр, достаточно большие, на берег налегают с шумом и шипят, как обычно. Выбрасывают водоросли, длинные, темно-зеленые. Птицы есть, вроде чайки...

— Вроде? — перебил майор. — А может, кайры или гуси? Нужно лучше разбираться в матушке-природе, юный друг.

Трингл попыталась помочь брату:

— Там несколько кайр и топориков, много чаек себребристых, есть моевки... А вот там, подальше, появилось маленькое пятнышко... кажется, парус.

Лорд Пепельный Глаз встал, выпрямился:

— Парус... Где?

Майор Маллин оставил чайную тележку и бросился к окну, вглядываясь в направлении вытянутой лапы Трингл.

— С северо-запада, сэр, — доложила Трингл. — Это ведь судно, Ферпс?

Брат ее вспрыгнул на подоконник и, поддерживаемый майором Маллином, высунулся наружу.

— Судно, судно, сэр, лопни мои глаза! — возбужденно завопил он.

— Ферпс, вы не в казарме! — строго одернул его майор.

— Ой! Прошу прощения, во! — опомнился Ферпс.

Лорд Пепельный Глаз встал, сжал посох.

— Майор, объявите готовность, всех офицеров прошу ко мне.

Майор отсалютовал стеком:

— Выстрою всех на бережку, сэр. Будете присутствовать?

Лорд кивнул:

— Пошлите ко мне Экри с гардеробом. Буду при всех регалиях. Какое бы оружие... меч, что ли?

Прежде чем майор успел ответить, Трингл выпалила:

— Прошу прощения, сэр, лучше топор. Им удобнее дорогу ощупывать, как вашим посохом, во.

— Неплохая идея. — Лорд благодарно пожал плечо Трингл. — Вы с братом останьтесь здесь, проводите меня на берег.

Майор направился к выходу, перед дверью задержался и поманил к себе молодых зайцев.

— Это ваше первое поручение в качестве скаутов. Лорд Пепельный Глаз под вашей охраной. Беречь как зеницу ока, защищать ценой жизни,— прошептал он.

Маллин вышел, оставив зайцев, чуть не лопающихся от гордости, с лордом.

Загремели барабаны, задудели рожки. Саламандастрон готовился встречать прибывающих.

«Еулали-а!» ныряла с волны на волну, ветер наполнял парус, гудели натянутые снасти. Пламенный Горас стоял на носу вместе с Саликсой, а перед ними росла громада Саламандастроны.

Саламандастрон... — пробормотал Горас. — Как сон... Жаль дедушку с бабушкой. Вот бы им дожить до этого дня...

Барсучиха положила лапу на его плечо:

— Они вырастили тебя для того, чтобы ты его увидел. Они сделали для тебя все, что смогли. И они были бы счастливы и горды тобой.

Подошел Орквил, держа на плече меч Мартина и ступая осторожно, стараясь не споткнуться.

— Добрый день, друзья! Неплохая погодка.

— Действительно, капитан, — улыбнулась ему Салликса. — Как вы себя сегодня чувствуете?

— Благодарю, превосходно. И моя бравая команда тоже. За исключением Рангвала, который утверждает, что долго не протянет.

Морская болезнь одолела из всего экипажа лишь Рангвала. Измученный лесной разбойник возлежал ближе к мачте на куче одеял. Моды принесла ему кружку воды.

— Извини, приятель, но выглядишь ты, как облезлый хвост старого енота, друг, во! На вот, выпей мелкими глоточками. Это всего лишь водица, но увидишь, полегчает.

Рангвал слабым жестом оттолкнул кружку:

— Вода, вода, кругом вода... Глаза бы мои на нее не глядели. Убери, ко всем жукам и жабам, дева дорогая. Ох... Мое бедное тело... Скоро мои мучения закончатся. Забросьте тело мое бедное, бездыханное на высокое дерево, подальше от воды...

Проходивший мимо Осбил сочувственно покачал головой:

— Я рад, что мне посчастливилось с тобой познакомиться, дружище Рангвал. Окажи мне честь, разреши присутствовать при твоей безвременной кончине. И на прощание выполни мою маленькую просьбу.

— Все для тебя сделаю, друг, что в моих слабых силах, — еле слышно отозвался страдалец.

Отдай мне твои прекрасные кинжалы, чтобы избежать осложнений. После твоей скорой смерти, знаешь, из-за них такие склоки начнутся!

Саликса подскочила как раз вовремя, чтобы помочь Модю удержать Рангвала. Он рвался к Осбилю, рычал и брызгал слюной:

— Он кинжалов моих захотел! Он их таки получит, я ж вам клянусь своей бабулей! Один сквозь черное сердце завистника, второй — в жирное брюхо обжоры, а двумя я пригвозжу... пригвоздью... пригвоздью к палубе его воровские лапы. Мало мне морской болезни, так еще эта чума... Мои любимые кинжалы... Ишь!

Саликса вынула из поясного кошелька маленькую бутылочку.

— От морской болезни еще никто не умирал,— сказала она. — Вот, выпей, друг, и тебе сразу полегчает. Открой рот.

Рангвал всегда боялся лекарств. Он закрыл рот, зажал его лапами и яростно замотал головой. Саликса передала бутылочку Модю.

— Влей ему в рот, когда откроет. — И она зажала Рангвалу нос.

Он задергался, но рот открыл, и Модю запустила ему туда половину содержимого.

— Й-й-йы-ы-ы-ы! Убийцы-ы-ы-ы! — завопил он, возмущенно воздев хвост к небесам.

Под смех окружающих Рангвал мгновенно взлетел вверх по мачте и уселся на рее, откуда принялся бросать вниз яростные взгляды.

— Смотрите, на берегу почти две сотни зайцев в форме. Полагаю, это тот самый знаменитый Дозорный Отряд, верно, Модю?

Зайчиха принялась оглаживать и одергивать свою форменную рубаху.

— Небесами клянусь, зрелище на все сезоны, во. Они ведь нас встречают. Майор Малл, капрал Твурл,

Стройный Струнк, Красавчик Кромка, Большой Бух Бублик, знаменный сержант О'Флагт и полковник Крэглоу... Ух ты, мелочь пузатая, глянь-ка! Эти двойняшки, братик с сестричкой, как их, не помню... того и гляди, лопнут от гордости. Сам милорд Пепельный Глаз... Э-ге-гей, мило-о-о-орд!

Услышав вопль Моды, старый барсук поднял топор в приветственном салюте. Тут же зайцы Саламандастрона и команда «Еулали-а!» завопили во всю глотку, приветствуя друг друга. Скоро на судно полетели причальные концы, зайцы с берега посыпали в воду, повели «Еулали-а!» к берегу, выволокли на песок пляжа. Землеройки убрали парус.

Первой на берег спрыгнула Моди, за ней спустились Горас и Саликса. Навстречу им сквозь ряды своих зайцев прошагал лорд Пепельный Глаз в сопровождении майора Маллина.

— Моди Магзбери Тропл докладывает об успешном выполнении задания, во! — отгарабанила зайчиха. — Обнаружен и доставлен барсук Пламенный Горас и при нем симпатичная барсучиха по имени Саликса.

— Отлично, мисс Моди,— принял рапорт майор Маллин. — Благодарю за образцовое выполнение задания.

Пепельный Глаз тем временем подошел к молодым барсукам. Он вытянул вперед лапу, провел ею по лбу и щекам барсучихи.

— Саликса, ивушка гибкая. В такие моменты я жалею, что лишен зрения. Ты столь же прекрасна, как и имя твое, я это чувствую. Саламандастрон приветствует тебя и будет твоим домом, пока ты пожелаешь в нем оставаться.

Саликса прижалась лбом к лапе старика:

— Спасибо, сэр. Я никогда не оставлю Саламандастрон, пока смогу быть рядом с Горасом.

Теперь Пепельный Глаз обеими лапами принялся исследовать физиономию Гораса. Тот стоял неподвижно, позволяя слепому познакомиться с преемником.

— Так вот ты какой, Пламенный Горас. Я видел тебя в видениях и снах. Большой ты, больше, чем во снах, и пламенем отмечен не только снаружи. Позволь мне прикоснуться к твоему оружию, Тунгу.

Горас поднес вилы к лапе лорда Пепельный Глаз. Пальцы старика пробежали от пяты древка до кончиков зубцов.

— Прочное, достойное орудие труда и орудие войны. И в уборке урожая, и в битве не подведет. Что ты предпочитаешь, Горас?

Горас не задумывался над ответом:

— Я предпочел бы выращивать урожай, а не рыть могилы нечисти. Но не увильну и от второго, если понадобится.

Пепельный Глаз вернул Горасу Тунг.

— Твоя гора ждет тебя, лорд Горас!

Горас и Саликса подхватили старца под лапы, и они втроем проследовали к твердыне. Моды взяла у Орк-вила меч Мартина и взмахнула им, отражая лезвием лучи заходящего солнца. И воздух огласил единый рев множества глоток:

— Еулалиа-а-а-а-а!

Наброски из записок юной барсучихи. Четырнадцать сезонов для взрослого не так уж и много. Но для меня это вся жизнь. Я только что закончила чтение семейных хроник, написанных моей матерью, леди Саликсой Саламандастронской. Конечно, мне не досталась и доля приключений моих родителей, но у меня впереди вся жизнь. А сегодня я начала вести свой собственный дневник, свои собственные хроники. Кто знает, может быть, я унаследовала писательский талант моей матери.

Однако трудно исправно вести записки. Сегодня, например, большой летний праздник. На берегу загорятся огни, пляж украсят цветочными гирляндами. Все будут объедаться и веселиться. А завтра мне предстоит подняться на борт настоящего морского судна,

которое зовется «Еулали-а!», и я отправлюсь в аббатство Рэдволл.

Но давайте я расскажу по порядку, как к этому пришло. Поскольку я еще молода, я знаю то, что рассказывали родители и друзья. Я благодарна всем за проявленное терпение, за помощь. Мои родители — Саликса и Горас, лорд Саламандастрона. Помогали генерал Малл, мой добрый дядя-дедуля, тетушка Моди, главный полковой повар и снабженец. Старый пройдоха, милейший дядя Рангвал, тайный советник по делам разведки. И многие другие: зайцы, выдры, землеройки... Много с кем встречалась я и здесь, в Саламандастроне, и при путешествиях по суше, и на борту «Еулали-а!».

«Еулали-а!» впервые появилась у нашей горы в последние дни давно ушедшего лета. Все очень радовались этому событию. Закатили пир на целых четыре дня. И в четвертый вечер, сидя у костра, молодой еж Орквил Принк вскользь обронил замечание, что скоро на его иголки нанижутся осенние листья. Это замечание сильно подействовало на старого лорда Пепельного Глаза. Веселость покинула его, он поник, многие подумали, что заснул. Ведь очень уж был он старенький. Зайцы перестали шуметь, чтобы не беспокоить старика. Отец мой обратился к моей матери и попросил ее спеть песню, которую она пела ему под звездами на плато. Она завела песню:

Как бы мне туда добраться,
Как бы мне попасть туда,
В беззаботные сезоны,
В беззаботные года.

Там я сизнова увижу
Тех, что в памяти моей,
Тех, которых нет на свете,
Дорогих моих друзей.

Тут ее прервал лорд Пепельный Глаз. Он встал, воскликнув:

— Я знаю эту песню! Ее сочинил Мелутар. Откуда ты знаешь ее?

— Я узнала ее от старого мудрого барсука, но имя его не Мелутар, его зовут Табура, — ответила моя мать.

Пепельный Глаз схватил мою мать за лапу, прослезился:

— Он еще жив, этот Табура?

— Да, лорд, — ответил Горас, мой отец. — Этот мудрый зверь остался в аббатстве Рэдволл.

Все притихли, слушая старого лорда. А он рассказывал:

— Давно, в другой жизни, жили два брата, Мелутар и Ферлон. Они различались, как солнце и луна. Старший, Ферлон, был силен, крупен, серебристый, горячий и буйный. Младший, Мелутар, среднего размера, темный, спокойный. Он был мечтателем, искателем знаний, не приключений. И жизнь у них сложилась по-разному. Мелутар остался дома, заботясь о стареющих родителях и приумножая свою мудрость. Ферлон услышал гром барабанов войны. Судьба привела его в Саламандастрон, слава его росла с сезонами, враги дрожали при упоминании его имени, серые глаза его несли смерть и разрушение. Этот Ферлон — я, ставший известным под именем Пепельный Глаз, зверь, пораженный Жаждой Крови. И полагал, что мой младший брат, Мелутар, давно ушел в страну, в

которой нет сезонов. И что-то подсказывало мне, что я с ним скоро воссоединюсь.

Пепельный Глаз повернулся в сторону недавно произведенного в генералы Маллина, своего старинного приятеля.

— Помнишь, я говорил тебе о голосах из моих снов? Они говорили мне, что не видеть мне больше осеннего Саламандастро-на. Похоже, друг, что на меня наконец падет тень судьбы.

Маллин печально кивнул:

— Да, сэр, все там будем, во.

Тут заговорил мой отец:

— Когда меня захватили в плен, я много раз думал, что умру, не повидав ни Рэдволла, ни Саламандастро-на. Но я ошибался и полагаю, ты тоже ошибаешься, дорогой милорд Пепельный Глаз. На берегу ждет прекрасный парусник, он может отнести тебя к твоему брату. Когда упадут осенние листья, ты будешь далеко от этой горы, в аббатстве Рэдволл. Мне кажется, голоса хотели это сказать. Судьба благосклонна к тебе.

Маллин помог старому лорду подняться.

— А ведь лорд Горас прав, сэр. И ваш брат обрадуется...

Лорд Пепельный Глаз хлопнул по лапе Маллина.

— Если б ты согласился сопровождать меня, Малл!

— Для меня великая честь — путешествовать с вами, сэр.

Эту историю я много раз слышала от отца, он называл ее сказкой о счастливой судьбе старого лорда. И мать моя рассказывала, как старый лорд с зайцем-генералом отправились в Рэдволл.

Кажется, это было бы подходящим началом для моей повести. Рэдволл — моя мечта, я давно хотела

там побывать. Но отец все твердил, что я мала, что надо подрасти. А теперь мне четырнадцать сезонов. С помощью тетушки Моды, Рангвала и с мамы, конечно, отца удалось убедить. И он решил, что я проведу в Рэдволле четыре сезона. Мать сказала, что я должна прилежно заниматься с моими учеными дедушками, Табурой и Пепельным Глазом. Отец утверждает, что образование — ключ к счастью и мудрости. И я с ним согласна.

А тетя Моды и дядя Рангвал говорят, что в Рэдволле весело, там я найду много новых друзей. Они там все время пируют, поют, бегают, прыгают, катаются в лодках-логоходах землероек. В Рэдволл, в Рэд-волл!

Повторюсь: Рэдволл — моя мечта. Там, говорят, всегда ждут того, кто сердцем добр, кто верен друзьям. Кто знает, может, мы с вами встретимся там однажды, солнечным деньком...

*Розаблю, дочь леди Саликсы
и лорда Гораса Саламандастронского*

Содержание

ПРОЛОГ

9

КНИГА ПЕРВАЯ
ПЛЕННИК ДЛИННОЗУБА

11

КНИГА ВТОРАЯ
ПРОЩЕННЫЙ ВОР

147

КНИГА ТРЕТЬЯ
БИТВА НА ПЛАТО

317

ЭПИЛОГ

409

Литературно-художественное издание

Серия «Рэдволл»

Для среднего школьного возраста

Брайан Джейкс
НЕПОБЕДИМАЯ МОДИ

Ответственный редактор Евгения Тихонова
Художественный редактор Валерий Макаров
Технический редактор Татьяна Раткенич
Корректоры Наталья Хуторная, Татьяна Никонова
Верстка Алексея Положением

Директор издательства Максим Крютченко

Подписано в печать 29.03.2008.
Формат издания 60х84 1/16. Печать офсетная.
Гарнитура «Обыкновенная новая». Тираж 7000 экз.
Усл. печ. л. 24,18. Изд. №852. Заказ № 0804710.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 78.01.07.953.П.002002 05.04 от 10.09.2004

Издательский Дом «Азбука классика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

**ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ
КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА»
ОБРАЩАЙТЕСЬ:**

Торговый Дом «Азбука»

Санкт-Петербург:

ул. Решетникова, 15

Почта: 196105, Россия, Санкт-Петербург, а/я 192

Тел.: (812) 327-04-56, факс: (812) 321-66-60

E-mail: office@azbooka.spb.ru

Москва:

Старопетровский проезд, д. 7а, стр. 19

Почта: 125130, Россия, Москва, а/я 91,

тел./факс (495) 627-57-28

info@azbooka-m.ru

***Информация о новинках и планах,
а также условия сотрудничества
на сайте***

www.azbooka.ru

